

ISSN 2307-6119

Томский журнал
лингвистических
и антропологических
исследований

Tomsk Journal
of Linguistics
and Anthropology

1' 2024

Выпуск 1 (43)

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 1 (43) 2024

**ТОМСК
2024**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

- О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент Назарбаев Университета (зам. главного редактора);*
Н. А. Тучкова, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) (редактор раздела антропологии, зам. главного редактора);
С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор НовГУ;
А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);
Б. Вагнер-Надь, Dr. habil., профессор Института финно-угроведения/уралистики, Университет Гамбурга (Германия);
Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);
Т. А. Гончарова, кандидат исторических наук, доцент ТГПУ;
Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);
Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);
Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;
Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;
З. Надь, доктор антропологии, профессор Университета г. Печ (Венгрия);
Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;
В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);
Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;
Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;
Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония);
М. П. Чёрная, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 31-14-64.

Адрес редакции, издателя:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.
Тел. (3822) 52-06-17, факс (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.
Тел.: 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013.

Подписано в печать: 14.03.2024. Дата выхода в свет: 18.03.2024. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.
Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 15,5. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1272/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: Ю. А. Ворошилова.
Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Е. В. Литвинова.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2024. Все права защищены.

**THE MINISTRY OF EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 1 (43) 2024

**TOMSK
2024**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

*O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
Nazarbayev University (Deputy Editor in Chief);*
*N. A. Tuckkova, Doctor of Science in History, senior research fellow of the Department of History
and Ethnography of the "Museum of Nature and Human" (Khanty-Mansiisk)
(Deputy Editor in Chief, Editor of the Anthropology section);*
S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
*A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);*
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);
E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);
E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);
L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);
Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);
T. A. Goncharova, candidate of historical sciences, associate professor of TSPU;
Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);
N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University;
M. P. Chernaya, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 31-14-64.

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.
Tel. +7 (3822) 52-06-17, fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.
Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.
Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)
PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 14.03.2024. Publication date: 18.03.2024. Formate: 60×90/8.
Paper: offset. Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1272/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: Yu. A. Voroshilova.
Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: E. V. Litvinova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2024. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ЛИНГВИСТИКА	
<i>Belova D. D. Causative Suffixes in Tatyshly Udmurt: How Native and Borrowed Morphemes Co-Exist</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-9-19	9
<i>Николаева Т. Н., Готовцева Л. М. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-20-31	20
<i>Orlov V. A. Negative Pronouns in Finnic Languages (Based on Materials from the Gospel Translations)</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-32-43	32
<i>Прокопьева А. К., Прокопьева С. М. Антропоцентрическая направленность семантического переноса у колоративов якутского и алтайского языков</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-44-52	44
<i>Шкураток Ю. А., Матвеева Е. М. Исконные и заимствованные глаголы, обозначающие встречу с душами умерших, в коми-пермяцком языке</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-53-63	53
АНТРОПОЛОГИЯ	
<i>Богайчук Е. А., Бычков Д. А., Идимешев А. А. Материалы самусьской и шеломокской культур поселения Самуська III (Томское Приобье): по результатам работ 2018–2019 годов</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-64-76	64
<i>Власова В. В. Формирование религиозной терминологии коми православного движения бурсылысьяс</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-77-86	77
<i>Ким-Малони А. А., Ким А. А. Ситуация конфликта в картине мира народов Сибири (на материале фольклора селькупов и хантов)</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-87-96	87
<i>Степанова О. Б. Стратегии заготовки и методы использования дров у северных селькупов</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-97-108	97
<i>Хуббитдинова Н. А., Шарафитдинова Л. И. Память в городском пространстве: Уфа как субкультурный локус регионального фольклора</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-109-118	109
НАШИ АВТОРЫ	119
AUTHORS	121

CONTENTS

From the Editors	8
LINGUISTICS	
Belova D. D. Causative Suffixes in Tatyshly Udmurt: How Native and Borrowed Morphemes Co-Exist DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-9-19	9
Nikolaeva T. N., Gotovtseva L. M. Socio-Cultural Aspect of Gender Marking of Phraseological Units in the Yakut Language DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-20-31	20
Orlov V. A. Negative Pronouns in Finnic Languages (Based on Materials from the Gospel Translations) DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-32-43	32
Prokopieva A. K., Prokopieva S. M. Anthropocentric Semantic Change in Yakut and Old Altaic Color Names DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-44-52	44
Shkuratok Yu. A., Matveeva E. M. Original and Borrowed Verbs Indicating the Encounter with the Souls of the Dead in the Komi-Permyak Language DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-53-63	53
ANTHROPOLOGY	
Bogaichuk E. A., Bychkov D. A., Idimeshev A. A. Materials of the Samus and Shelomok Cultures of the Samuska III Settlement (Tomsk Ob Region): Based on the Results of the 2018–2019 Work DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-64-76	64
Vlasova V. V. Formation of Religious Terminology of the Komi Folk Orthodox Movement Bursyylysyas DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-77-86	77
Kim-Maloni A. A., Kim A. A. A Conflict Situation in the Worldview of the Peoples of Siberia (Based on the Folklore of the Selkups And Khants) DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-87-96	87
Stepanova O. B. Harvesting Strategies and Methods for the Use Of Firewood Among the Northern Selkups DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-97-108	97
Khubbitdinova N. A., Sharafitdinova L. I. Cultural Memory in Urban Space: Ufa as a Subcultural Locus of Regional Folklore DOI: 10.23951/2307-6119-2024-1-109-118	109
AUTHORS (in Russian)	119
AUTHORS (in English)	121

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

**Издание включено в объединенный каталог «Пресса России»,
подписной индекс 82719.**

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

'Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology' was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and worldwide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.131

D. D. Belova

CAUSATIVE SUFFIXES IN TATYSHLY UDMURT: HOW NATIVE AND BORROWED MORPHEMES CO-EXIST

The paper deals with morphological causatives in the Tatyshly subdialect of the Udmurt language (Republic of Bashkortostan). Surrounded by the Turkic languages (Tatar and Bashkir), Tatyshly Udmurt developed a more complex system of causative markers than Standard Udmurt. It consists of two suffixes: *-t*, of Uralic origins, and a Turkic borrowing *-ttâr* absent in Standard Udmurt. In this article, the properties of the suffixes are reviewed regarding the morphosyntax and semantics of verbal forms. It is demonstrated that the two suffixes apply different restrictions on deriving stems. The main one is that *-t* but not *-ttâr* can serve as a verbalizer and be attached to nominal stems. Another crucial difference is that *-ttâr* can be interpreted as either a single or double causative, and *-t* does not. Meanwhile, the patterns of causee marking are the same for both Tatyshly and Standard Udmurt: the causee gets accusative regardless of the verb's argument structure, contrary to Comrie's hierarchy. The suffixes can express all range of typologically attested semantics (factitive, mediated, rogative) except for permissive. In addition to that, in some idiolects, *-ttâr* introduces the interpretation of intensification or deliberance, which is typical of double causatives. Given its morphosyntactic properties and evidence from other languages, I argue that it was a configuration of two causative morphemes in the early stages of borrowing, but it functions as a single morpheme on the synchronic level. Thus, the suffixes *-t* and *-ttâr* exhibit differences not only between each other but also in comparison to their counterparts in Standard Udmurt and Turkic.

Ключевые слова: *morphological causative, double causative, affix borrowing, dialectal morphology, Udmurt language, Turkic languages*

1. Introduction

The Tatyshly subdialect of the Udmurt language (Permic < Finno-Ugric) is a part of the Peripheral-Southern dialect and is spoken mainly in Bashkortostan Republic and Perm Krai. Due to the long and tight connections with surrounding Turkic languages, namely Bashkir and Tatar, Tatyshly Udmurt developed unique features that distinguish it from Standard Udmurt on each level: phonetic and phonological, morphological, syntactic, and lexical. The borrowed innovations include the causative suffix *-ttâr*. Along with the native Udmurt suffix *-t*, they form an inventory of causative verbal markers. This paper aims to give the grammatical and semantic characteristics of these suffixes and to elucidate the differences they have from the respective morphemes of Standard Udmurt, Bashkir, and Tatar. Some features of the suffixes in question are given in grammars and descriptions of the Udmurt dialects (Kelmakov, 1998: 142; Baidoullina, 2003: 97–98), but there has been no detailed targeted research hitherto.

The data for this research come from elicitation during fieldwork in the Tatyshly district of the Bashkortostan Republic (the villages of Nizhnebaltachevo, Staryj Kyzyl-Yar, Ivanovka, Novye Tatyshly, and Starokalmiyarovo) in 2021–2023 and from the corpus of Tatyshly texts¹. Examples from the Tatyshly subdialect are given in the phonological transcription based on the system of (Baidoullina, 2003).

The paper is organized as follows. Section 2 addresses the diachrony of each causative marker. In Section 3, morphological properties such as Causee marking and derivation restrictions are discussed. In Section 4, I focus on semantics. Section 5 analyzes the morphemic status of *-ttâr*. Section 6 provides conclusions.

¹ <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html>

2. Diachrony

The suffix *-t* is shared with Standard Udmurt (GSUYa, 1962: 228–231; Kondratjeva, 2009; Kostina, 2022). Its cognates are found all across the Uralic family, including such languages as Hungarian, Khanty, Komi, and Nenets (Dolovai, 2006). It is believed to be traced back to the Proto-Uralic morpheme **-tt* or **-kt* (Tánczos, 2015: 98).

In turn, one finds less consistency in descriptions of the suffix *-ttâr*. Kelmakov (1998: 142) allocates two groups of subdialects within the Peripheral-Southern dialect. The first one consists of Buy-Tanyp, Kukmor, and Bavlin Udmurt. In these subdialects, “verbs of Turkic origin form the causative voice with the use of the borrowed suffix *-dyry/-tyry*, i.e., Kukm. *azy-ny* ‘get inflamed, ache’ – *az-dyry-ny* ‘inflame, make ache’². The second group includes “certain” southern dialects, in which there are “parallel formations with the use of the native suffix *-ty* and the borrowed *-tyry/-ttryr/-dyry*”³. The author does not explicitly classify the Tatyshly subdialect as a member of one or another group. Baidoullina (2003: 97–98) proposes, specifically for Tatyshly Udmurt, to divide the formant *-ttâr* into *-t-târ* and states that it is borrowed from Tatar. However, *tVr*-like causatives are typical of the Turkic languages; cf. (1) from Bashkir and (2) from Mishar Tatar. Thus, there is no plausible argument in favor of the Tatar source of borrowing and not the Bashkir one. In general, borrowing of Turkic derivational morphology into Finno-Ugric languages is not a rare phenomenon (Seifart, 2015: 520; Bradley et al. 2022).

(1) BASHKIR

Rifat došman-ə-n ü-l-ter-gän.

Rifat enemy-3-ACC die-CAUS-PC.PST

‘Rifat killed his enemy’. (Perekhvalskaya, 2017: 236)

(2) MISHAR TATAR

renat zexrä-dän išek-ne jap-tyr-a.

Renat Zuxra-ABL door-ACC close-CAUS-ST.IPFV

‘Renat asks Zuxra to close the door’. (Bonch-Osmolovskaya, 2007: 147)

In Tatar and Bashkir, the causative suffixes *-t* and *-tVr* are in complement distribution with each other (so they can be called allomorphs). The choice of an allomorph is determined by lexical and/or phonological principles (cf. Bonch-Osmolovskaya, 2007; Perekhvalskaya, 2017). The formant *-ttVr* can also be found in descriptions of the Turkic languages. For example, in Yakut, the causative suffixes *-t* and *-tar* in one verb form a double-causative (Kharitonov, 1963: 71): *umaj* ‘to burn (intr.)’ – *uma-t* ‘to burn (tr.)’ – *uma-t-tar* ‘to make burn (tr.)’. In Chuvash, according to (Symulov, 2005: 11, 13), there is a single morpheme with two *t*’s: *vula* ‘read’ – *vulattar* ‘to make read’.

In Tatyshly Udmurt, the suffix *-ttâr* can be attached to both Udmurt and borrowed Turkic verbal stems. The verb *užanâ* ‘work’ in (3a) has a cognate in Komi (see the noun *už* ‘work’ and its derivatives) and is considered to originate from a Proto-Permic **už* (Lytkin, Gulyaev, 1970: 295). The verb *č’erlanâ* ‘become sick’ in (3b) is believed to be derived from the Tatar root *č’ir* ‘illness’ (Tarakanov, 1982: 69, 72). These examples also demonstrate that a verbal stem can attach both *-t* and *-ttâr*. In other words, they are not complementary. All these facts lead to the conclusion that the Tatyshly subdialect belongs to the second of Kelmakov’s dialect groups.

² Original text in Russian: “В буйско-таныпском, кукморском, бавлинском говорах глаголы тюркского происхождения образуют понудительный залог посредством заимствованного суффикса *-дыры /-тыры*, напр. кукм. *азь-нь* ‘воспалиться, разболеться’ – *аз-дъръ-нь* ‘вызвать воспаление, воспалить’”.

³ Original text in Russian: “В отдельных южных говорах встречаются параллельные образования с помощью исконного *-ты* и заимствованного *-тыры/-ттыры/-дыры*, не характерные для средних говоров и северного и бесермянского наречий”.

- (3) a. *uža-nâ* ‘work-INF’ – *uža-tâ-nâ* ‘work-CAUS-INF’ / *uža-ttârâ-nâ*⁴
 b. *č'erla-nâ* ‘become_sick-INF’ – *č'erla-tâ-nâ* ‘become_sick-CAUS-INF’ / *č'erla-ttârâ-nâ*

3. Morphosyntactic properties

To give a thorough morphosyntactic description of the system of causative affixes in a language, one should bring up case marking of a Causee and restrictions on derivation.

The typological pattern of the Causee case was set out by (Comrie, 1981) in the form of a hierarchy. During the process of causativization, a new participant, namely the Causer, is added to the caused situation. It usually takes the subject position. The former subject that becomes the Causee is dislocated, typically moves to the very first vacant syntactic position, and takes the corresponding morphological form according to the scheme: Subject > Direct Object > Indirect Object > Oblique. One prediction of Comrie's hierarchy is that the Causee marking depends on the argument structure of a producing verbal stem. If a verb undergoing causativization has nothing but a subject, then the new Causee becomes a direct object. In Tatyshly Udmurt and the surrounding Turkic languages, this syntactic role is encoded by the accusative case. If a verb is transitive, then the DO position is not available, so the Causee takes the IO position and obtains dative.

Tatyshly Udmurt, as well as Standard Udmurt (Tánczos, 2015: 100; Kostina, 2022: 87), demonstrates an exception to this principle. Both *-t* and *-ttâr* suffixes can be attached to stems with any argument structure, cf. intransitive non-agentive (4), intransitive agentive (5), and transitive (6). Regardless of the arguments of the producing stem, the Causee gets an accusative case marker, even if there already is an accusative Patient. Inanimate Causees act as Patients and can be unmarked (4b) in accordance with the principles of differential object marking⁵.

- (4) a. *vas'a s'as'ka-jez ús't-is'kâ-t-i-z / ús't-is'kâ-ttâr-i-z.*
 Vasya flower-ACC open-DETR-CAUS-PST-3SG open-DETR-CAUS-PST-3SG
 ‘Vasya made the flower blossom’.
 b. *vas'a kagaz-les' samol'ot loba-t-i-z / loba-ttâr-i-z.*
 Vasya paper-GEN2 plane fly-CAUS-PST-3SG fly-CAUS-PST-3SG
 ‘Vasya launched a paper airplane {made an airplane fly}’.
- (5) *tren'er ruslan-*(ez) biz'â-t-i-z / biz'â-ttâr-i-z.*
 coach Ruslan-ACC run-CAUS-PST-3SG run-CAUS-PST-3SG
 ‘The coach made Ruslan run’.
- (6) *anaj-ez maša-*(jez) kn'iga-(jez) lâ'ž'â-t-i-z / lâ'ž'â-ttâr-i-z.*
 mother-POSS.3SG Masha-ACC book-ACC read-CAUS-PST-3SG read-CAUS-PST-3SG
 ‘Mother made Masha read a book’.

The suffix *-ttâr*, but not *-t*, can mean either single (7a) or double causation (7b). Two Causees and a Patient in one clause are all marked by accusative suffixes.

- (7) a. *ataj-ez maša-jez (gožtet) lâ'ž'â-ttâr-i-z.*
 father-POSS.3SG Masha-ACC letter read-CAUS-PST-3SG
 ‘Father made Masha read (a letter)’.

⁴ When *-t* and *-ttâr* are followed by a suffix starting with a consonant, such as the infinitive marker, there is a vowel *â* between. In the glosses, I attribute it to the causative suffixes and consider the forms with and without *â* to be allomorphs.

⁵ About DOM in Standard Udmurt, see (Kondratyeva, 2002).

- b. *ataj-ez* *maša-jez* *ekog-ze*
 father-POSS.3SG **Masha-ACC** **younger_brother-ACC.POSS.3SG**
 (*gožtet*) *lâʒʹâ-ttâr-i-z* / **lâʒʹâ-t-i-z*.
letter read-CAUS-PST-3SG read-CAUS-PST-3SG
 ‘Father made Masha make her younger brother read (a letter)’.

One small class of perception verbs deviates from this marking pattern. Their Causees can take dative case markers (8). The same shift in strategy occurs, for example, in Mishar Tatar (Bonch-Osmolovskaya, 2007: 151–152). In this case, the participant plausibly combines the roles of Causee and Experiencer, the dative marking being standard for the latter (9).

- (8) *vas'a* *anaj-ze* / *anaj-ez-lâ* *kârž'a-n*
 Vasya **mother-ACC.POSS.3SG** **mother-POSS.3SG-DAT** sing-VN
kâld-is'kâ-t-i-z.
 listen-DETR-CAUS-PST-3SG
 ‘Vasya made his mother listen to a song’.
- (9) *mânâm* *s'ekât* *öz* *lû* *perevod*.
I.DAT hard NEG.PST.3 become translation
 ‘It was not hard for me to translate’ (Tatyshly Udmurt corpus: “Dialogue”).

Neither *-t* nor *-ttâr* has any semantic limitations on producing stems (but the resulting verbs have different semantics; I will discuss it in Section 4). However, there are some morphophonological restrictions. To the best of my knowledge, the causative suffix in Standard Udmurt has not been described in light of this question. Firstly, the suffix *-t* can be attached to both verbal and nominal stems. Contrarily, the suffix *-ttâr* does not serve as a verbalizer. For example, there are two ways in which a verb can be formed with *-t* from a nominal stem *s'is'* ‘rotten’: attaching the suffix directly to a root or to a verbalizing morpheme *-mâ*. With *-ttâr* there is only one way, and *-mâ* cannot be omitted.

- (10) *s'is'* ‘rotten’ — *s'is'-tâ-nâ* ‘rotten-CAUS-INF’ / *s'is'-mâ-tâ-nâ* ‘rotten-VB-CAUS-INF’ /
 **s'is'-ttârâ-nâ* / *s'is'-mâ-ttârâ-nâ*

Secondly, all Tatyshly Udmurt verbal stems end with a vowel *-â* or *-a*. They form two classes based on whether this thematic vowel remains or drops in the course of derivation. The main idea here is that *-ttâr* cannot be attached directly to a consonant and needs a thematic vowel, while *-t* behaves differently depending on a verb. In my verb sample, the *a*-stems always keep the vowel (11a), except for the verb *šuna-nâ* ‘melt-INF’ (11b).

- (11) a. *šoka-nâ* ‘breath-INF’ — *šoka-tâ-nâ* ‘breath-CAUS-INF’ / **šok-tâ-nâ* / *šoka-ttârâ-nâ* /
 **šok-ttârâ-nâ*
 b. *šuna-nâ* ‘melt-INF’ — *šun-tâ-nâ* ‘melt-CAUS-INF’ / ??*šuna-tâ-nâ* / **šun-ttârâ-nâ* /
 %*šuna-ttârâ-nâ*

The verbs with the *â*-vowel have more pattern variation. If the vowel is preceded by a consonant cluster, it always remains, and *-t* or *-ttâr* suffixes are attached after: *lâʒʹâ-nâ* ‘read-INF’ — *lâʒʹâ-tâ-nâ* ‘read-CAUS-INF’ / *lâʒʹâ-ttârâ-nâ*. If there is a single consonant, the vowel can be either present or absent. The former group contains such verbs as *mânâ-nâ* ‘go-INF’, *pâžâ-nâ* ‘bake-INF’, *žutâ-nâ* ‘lift-INF’, etc. The stems from this group attach both *-t* and *-ttâr* after the vowel (12).

- (12) *kat'a fat'ima-jez perepeč' pâžâ-t-i-z /*
 Katya Fatima-ACC perepech bake-CAUS-PST-3SG
**pâžâ-t-i-z / pâžâ-ttâr-i-z / *pâžâ-ttâr-i-z.*
 bake-CAUS-PST-3SG bake-CAUS-PST-3SG bake-CAUS-PST-3SG
 'Katya made Fatima bake some perepeches'.

The latter group is represented by the verbs *pârâ-nâ* 'enter-INF', *pôz'â-nâ* 'stew-INF', *potâ-nâ* 'go_out-INF', etc. These stems omit the vowel *-â* and can attach the *-t* suffix (but not *-ttâr*) directly to the last consonant (13a). The only way *-ttâr* is added to this kind of stem is after *-t*, creating a second causation (13b).

- (13) a. *pet'a pûni-jez korka pâr-t-i-z /*
 Petya dog-ACC home enter-CAUS-PST-3SG
**pârâ-t-i-z / *pâr-ttâr-i-z / ??pârâ-ttâr-i-z.*
 enter-CAUS-PST-3SG enter-CAUS-PST-3SG enter-CAUS-PST-3SG
 'Petya let/brought the dog in'.
- b. *pet'a pûni-jez korka pâr-tâ-ttâr-i-z.*
 Petya dog-ACC home enter-CAUS-CAUS-PST-3SG
 'Petya asked someone to let/bring the dog in'.

It seems that belonging to a certain group is an intrinsic property of each verbal stem. One argument in favor of this hypothesis comes from the pair of causative verbs derived from *pukâ-nâ* 'sit-INF'. This stem produces two verbs, with and without the thematic vowel, which have different meanings (14a-b). As one will see later in Section 5, these differences in the properties of *-t* and *-ttâr* are crucial for the question of the synchronic morphemic structure of the latter suffix.

- (14) a. *anaj-ez maša-jez pukon vâl-e*
 mother-POSS.3SG Masha-ACC chair surface-ILL
*puk-t-i-z / *puk-ttâr-i-z.*
 sit-CAUS-PST-3SG sit-CAUS-PST-3SG
 'Mother sat Masha on a chair'.
- b. *anaj-ez maša-jez pukon vâl-ân*
 mother-POSS.3SG Masha-ACC chair surface-LOC
*pukâ-t-i-z / *pukâ-ttâr-i-z.*
 sit-CAUS-PST-3SG sit-CAUS-PST-3SG
 'Mother made Masha sit on a chair {for a while}'.

4. Semantic properties

The suffixes *-t* and *-ttâr* demonstrate some differences in their semantics. While *-t* does not specify the means of causation ('make or get X done somehow'), *-ttâr* can be interpreted as 'make someone do X with force, against their will' (15).

- (15) a. *anaj-ez fat'ima-jez kêrž'a-t-i-z.*
 mother-POSS.3SG Fatima-ACC sing-CAUS-PST-3SG
 'Mother made/asked/helped Fatima (to) sing'.
- b. *anaj-ez fat'ima-jez kêrž'a-ttâr-i-z.*
 mother-POSS.3SG Fatima-ACC sing-CAUS-PST-3SG
 '{Fatima didn't want to, but} mother forced Fatima to sing'.

When attached to a patientive verbal stem with a non-agentive Causee, *-ttâr* can also obtain a close meaning of a deliberate action, cf. (16).

- (16) a. *vas'a n'an'-ez vuž-mâ-t-i-z.*
 Vasya bread-ACC stale-VB-CAUS-PST-3SG
 'Vasya {forgot to eat the bread and} got the bread stale'.
 b. *vas'a n'an'-ez vuž-mâ-ttâr-i-z.*
 Vasya bread-ACC stale-VB-CAUS-PST-3SG
 'Vasya intentionally did something to make the bread stale'.

This kind of additional semantic component is peculiar to double-causative constructions. The typology of interpretations conveyed by the second causative morpheme has been thoroughly investigated in (Kulikov, 1993). The author provides a list of interpretations of double-causative verbal forms. It includes, among others, compositional (the second affix introduces the second causation), intensive, and deliberate (as opposed to accidental) semantic components.

However, nearly half of our consultants see no difference in interpretations between verbs with *-t* and *-ttâr* (when used as a single causative). Example (17) illustrates the lack of volitive semantic element, as *-ttâr* is used quite freely in constructions with non-human non-agentive Causers:

- (17) *šundâ jablok-ez gord-ektâ-ttâr-i-z.*
 sun apple-ACC red-VB-CAUS-PST-3SG
 'The sun made apples redden'.

For comparison, double-causative verbs with the *-t* suffix never have any additional interpretations apart from the compositional one:

- (18) *pet'a maša-jez vas'a-jez sireda-tâ-t-i-z.*
 Petya Masha-ACC Vasya-ACC draw-CAUS-CAUS-PST-3SG
 'Petya made Masha draw Vasya'.

The semantics of morphological causatives across languages may embrace a range of nuanced meanings (Kulikov, 2001). Both Tatyshly Udmurt suffixes have the following: factitive (physical) causation (19), indirect (mediated) causation (20), including verbal causation (21). As far as I know, there is no detailed research on this question considering Standard Udmurt; however, my data does not contradict the descriptions in (Kondratyeva, 2009; Kostina, 2022).

- (19) *vas'a pet'a-jez bič'atâ-sa s'ere'ž'a-t-i-z / s'ere'ž'a-ttâr-i-z.*
 Vasya Petya-ACC tickle-CVB laugh-CAUS-PST-3SG laugh-CAUS-PST-3SG
 'Vasya made Petya laugh by tickling him'.
 (20) *vas'a pogâra-sa pet'a-jez s'ere'ž'a-t-i-z / s'ere'ž'a-ttâr-i-z.*
 Vasya fall-CVB Petya-ACC laugh-CAUS-PST-3SG laugh-CAUS-PST-3SG
 'Vasya made Petya laugh by falling'.
 (21) *vas'a an'ekdot vera-sa pet'a-jez s'ere'ž'a-t-i-z / s'ere'ž'a-ttâr-i-z.*
 Vasya joke tell-CVB Petya-ACC laugh-CAUS-PST-3SG laugh-CAUS-PST-3SG
 'Vasya made Petya laugh by telling him a funny story'.

In those idiolects, in which there is no intensificational semantics, the *-t* and *-ttâr* suffixes can also express rogative meaning (22):

- (22) *pet'a dâš-et-is'-ez ôs-ez vors-a-t-i-z / %vors-a-ttâr-i-z.*
 Petya study-CAUS-PTCP.ACT-ACC door-ACC close-CAUS-PST-3SG close-CAUS-PST-3SG
 'Petya asked / %forced the teacher to close the door'.

Permissive meaning, though typologically common, has its limitations and needs further research. For example, in sentences like (23), they are considered pragmatically infelicitous. The speakers use the verb *lez'ânâ* 'let, allow' instead of morphological causatives in contexts implying a voluntary act of permission.

- (23) *maša anaj-ez-les' d'iskot'eka-je mânâ-nâ ž'ua-ø-z=no*
 Masha mother-POSS.3SG-GEN2 nightclub-ILL go-INF ask-PST-3SG=ADD
anaj-ez so-je lez'-i-z / #mânâ-t-i-z /
 mother-POSS.3SG that-ACC let-PST-3SG go-CAUS-PST-3SG
#mânâ-ttâr-i-z.
go-CAUS-PST-3SG
 'Masha asked her mother if she could go to a nightclub, and her mother forced her to go'.

Interestingly, verbs with the suffix *-t* can be used in contexts where the Causer unintentionally allows something to happen. As for *-ttâr*, those speakers who strongly accept intensificational semantics, unsurprisingly, reject it (24).

- (24) *vas'a pi-ze ž'angâš zor ul-ân*
 Vasya son-ACC.POSS.3SG wrongfully rain bottom-LOC
*kot-mâ-t-i-z / *kot-mâ-ttâr-iz.*
 wet-VB-CAUS-PST-3SG wet-VB-CAUS-PST-3SG
 'Vasya accidentally let his son get wet under the rain'.

To conclude, the suffix *-t* expresses a semantically unspecified causation and has therefore the widest use. The suffix *-ttâr* can either behave the same as *-t* or introduce semantic elements of intensification or intentionality, which is typical of double causatives.

5. The formative *-ttâr*: one or two suffixes?

Two questions about *-ttâr* remain unclear: in what form the suffix was borrowed and what its current morphemic structure is. Let us recall that, unlike *-t*, it can express either single or double causation. One possible way of treating this fact is to postulate two different morphemic configurations: *-ttâr* in the former case and *-t-târ* in the latter, so that the number of causations matches the number of causative suffixes. However, there is an argument against this approach. As we have seen in example (10), *-ttâr* cannot be attached directly to nominal stems. If it contained *-t* on the synchronic level, we would not expect this constraint.

While *-ttâr* shows properties of a single causative from the morphological point of view, it behaves like a double causative semantically and has the intensificational interpretation that the "ordinary" causative suffix *-t* lacks.

Let us take a look at the data of Turkic languages, especially Bashkir and Tatar, to check whether the properties of *-ttâr* are connected to its source. The typology of double causatives in Turkic is investigated in (Kulikov, 1999). Kulikov claims that iteration of causative morphology exists in most Turkic languages; moreover, such iteration is grammatically unrestricted. Verbal forms with more than two causative affixes are certainly hard to process and rare in real speech, but there are no

structural bans on causative chains of any length, and forms with any amount of causative affixes can potentially be interpreted and given a suitable context. The intensificational semantics of the *ttVr*-like formants is also attested, for example, in Tuvan, Turkish, Azerbaijani (Kulikov, 1999: 52), and Balkar (Lyutikova et al., 2006: 162).

In Bashkir, two productive suffixes *-(ə)t* and *-dər* can appear in one verb recursively in sequences like *-dər-(ə)t-dər...* or *-(ə)t-dər-(ə)t-...* (Juldašev, 1958; Dmitriev, 2008; Salyakhova, 2011; Perekhval'skaya, 2017). Yet, the only semantics expressed by double (multiple) causatives is claimed to be compositional: each causative suffix represents a link in a causative chain⁶.

In Mishar Tatar, according to (Lyutikova, Tatevosov, 2014: 4), a second causative morpheme can be “fake” in the sense of adding not another causation but rather a sociative meaning. The verbal form in (25) is only acceptable in the provided contexts, where the Causer is actively participating in the caused event from the beginning to the end.

(25) MISHAR TATAR

trener marat-nr jeger-t-ter-de.

trainer Marat-ACC run-CAUS-CAUS-PST

‘The trainer made Marat run’ {The trainer follows Marat, telling him how to run / helps Marat run by removing obstacles out of his way in the course of running / supervises Marat’s running}. (Lyutikova, Tatevosov, 2014: 4)

In (Tatevosov, 2018: 35), the intensificational semantics of double causatives in Mishar Tatar is mentioned, but there is no specification of how widespread it is. The author argues that two kinds of interpretation in (25) and (26) are related to one mechanism, namely incremental relations between the causing and the caused events. It means that there is an instance of causation for every time segment of a caused event. Hence, the Causer must be present all along. The intensification is due to a chain of implications: ‘the choice of two causative suffixes rather than a single one’ → ‘indicating that ensuring the causer’s participation in a situation requires constant effort’ → ‘effort goes beyond normal’.

(26) MISHAR TATAR

marat kerim-ni aša-t-tyr-dx.

Marat Kerim-ACC eat-CAUS-CAUS-PST

‘Marat fed Kerim by force’. (Tatevosov, 2018: 35)

Despite apparent similarities between double causatives in Mishar Tatar and the *-ttâr* suffix, they demonstrate some crucial differences. First of all, according to Tatevosov, the intensificational semantics in Mishar Tatar is only available with agentive Causees and never appears, for example, when the Causee is inanimate. As we have seen in (16), it is not the case for Tatyshly Udmurt. Second, the verbs with *-ttâr* cannot have sociative interpretation and are freely used in contexts where the Causer performs the causative act once and then leaves, such as (27).

(27) *uč'kâ-ø, ataj-ez maša-jez lâ'ž'â-ttâr-e!*

look-IMP father-POSS.3SG Masha-ACC read-CAUS-PRS.3SG

‘Look, father is making Masha read!’ {Mother and I are entering the room and see Masha reading alone. Father is not here, but I know for sure that Masha would not have read if father had not forced her}.

⁶ I want to express my gratitude to Sergey Say, Boris Orekhov, Zarema Ekba, and Sofiya Urmancheeva for their expertise and help in finding Bashkir speakers for my research.

It is important to mention that the Mishar dialect seems to differ in this regard from other varieties of Tatar. In particular, several speakers of Kazan Tatar reject any interpretations of double-causative verbs except for the compositional one during an informal survey⁷. However, considering the fact that the Mishar dialect is widely spoken in Bashkortostan (Bulatova, 2021), this only makes the hypothesis about the Tatar borrowing source of *-ttâr* quite plausible.

Let us bear in mind that, according to Kulikov, intensification is the second most common meaning of the double causative. It means that this semantics did not necessarily enter Tatyshly Udmurt from the source language but rather developed inside the subdialect as an innovation. It does not exclude the possible influence of Mishar Tatar, and even if the semantics was inherited from Mishar Tatar, in Tatyshly Udmurt it obviously widened. Given all that, we must assume that, in the first stages of its permeation into the subdialect, *-ttâr* consisted of two causative markers, presumably *-t* and *-târ*, and was later reanalyzed as a single morpheme. Typologically, there is no requirement for a one-to-one correspondence between the number of causations and causative markers (cf. (Nie, 2022) where the author argues that in Turkish, a single causative marker can convey a double causation, and any amount of causative suffixes, even up to five, can serve as a single causation semantically). It is also not uncommon for causative morphemes to fuse together and then develop into a single affix, preserving or not the traces of their double-causative nature. In Siraiki (Indo-Aryan, Pakistan), one finds a very close situation to Tatyshly Udmurt: it has two etymologically related suffixes, *-āv* and *-vāv*; the latter can express both single and double causation (Lowe, Birahimani, 2019). Similar etymologies are proposed for suffixes in Andi (Nakh-Daghestanian, Daghestan (Rochant, 2019)) and Konso (East Cushitic, Ethiopia (Mous, 2004)). Moreover, it seems to be an accepted argument amongst turkologists that the formative *-tVr* itself is an amalgamation of *-t* and *-Vr*; see (Majtczak, 2010) for discussion.

6. Conclusion

In this article, I addressed the morphosyntactic and semantic properties of causative markers in Tatyshly Udmurt. These are the suffix *-t*, Uralic by origins, and the formant *-ttâr* borrowed from Turkic. The *-t* suffix serves as a universal causative marker with no specified manner of causation and no constraints over a producing verbal stem. It meets the expectations based on the Standard Udmurt causative suffix.

In turn, the *-ttâr* suffix is not similar either to *-t* or to its Turkic counterparts. It exhibits ambiguous properties. It can be used in contexts with a single causation just like *-t*. At the same time, it can also express a double causation and behave like a double causative semantically, adding a component of intensification. I assume that, at the time of borrowing, the morphemic complex consisted of two productive affixes *-t* and *-tVr* which were then reinterpreted as a unified morpheme.

List of abbreviations

3 – 3rd person, ABL – ablative, ACC – accusative, ADD – additive particle, CAUS – causative, CVB – converb, DAT – dative, DETR – detransitive, ILL – illative, INF – infinitive, IPFV – imperfective, GEN2 – second genitive, LOC – locative, NEG – negation, PC.PST – past participle, POSS – possessive, PRS – present, PST – past, PTCP.ACT – active participle, SG – singular, ST – stem, VB – verbalizer.

References:

Baidoullina A. Tatyshlinskii govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya [Tatyshly subdialect of the Udmurt language: phonetics and morphology]. MA dissertation. Tartu, 2003.

⁷ I thank Anastasia Polonyankina for her help in this survey.

- Bonch-Osmolovskaya A. A.** Semantika aktantnykh derivatsii [Semantics of valency-changing alternations] // Misharskii dialekt tatarskogo yazyka. Ocherki po sintaksisu i semantike / E.A. Lyutikova (ed.). Kazan: Magarif, 2007. P. 143–192.
- Bradley J., Gulyás N. F., Czertnár A.** Causatives in the languages of the Volga-Kama Region // STUF – Language Typology and Universals, 2022. Vol. 75. No. 1. P. 99–128.
- Bulatova M. R.** Tatarskie govory Baškortostana [Tatar subdialects of Bashkortostan]. Kazan: IYALI im. G. Ibragimova, 2021.
- Comrie B.** Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. Oxford: Blackwell, 1981.
- Dmitriev N. K.** Grammatika bashkirskogo yazyka [Grammar of Bashkir]. M.: Nauka, 2008.
- Dolovai D.** A műveltetés és a műveltető szerkezetek // Uralisztika / I. Kozmács, K. Sipőcz (eds.). Budapest: Bölcsész Konzorcium, 2006. P. 147–165.
- Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka.** Fonetika i morfologiya [Grammar of Contemporary Udmurt. Phonetics and morphology] / P. I. Perevoshchikov, V. M. Vakhrushev, V. I. Alatyrev (eds.). Izhevsk: Izhevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.
- Kel'makov V. K.** Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty [A short course in Udmurt dialectology. Phonetics. Morphology, Dialect texts]. Izhevsk: Udmurtia, 1998.
- Kharitonov L. N.** Zalogovye formy glagola v yakutskom yazyke [Voice verbal forms in Yakut]. M. & L.: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1963.
- Kondrat'yeva N. V.** Vozniknovenie formy zaloga v sovremennom udmurtskom yazyke [The emergence of the form of voice in contemporary Udmurt] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya, 2009. Vol. 1. P. 73–86.
- Kostina K. G.** Tipy zalogovykh konstruksiy udmurtskogo glagola [Types of voice constructions of the Udmurt verb]. Izhevsk, 2022.
- Kulikov L.** Causatives // Language Typology and Language Universals. An International Handbook / M. Haspelmath (ed.). Berlin, New York: Walter De Gruyter, 2001. Vol. 2. P. 886–898.
- Kulikov L.** Remarks on double causatives in Tuvan and other Turkic languages // Journal de la Société Finno-Ougrienne, 1999. Vol. 88. P. 49–58.
- Kulikov L.** The 'second causative': a typological sketch // Studies in Language Companion Series / B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 121–154.
- Lowe J. J., Biraḥimani A. H.** The argument structure of Siraiiki causatives // Proceedings of the LFG'19 Conference / M. Butt, T. Holloway King, I. Toivonen (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2019. P. 191–211.
- Lytkin V. I., Gulyaev E. S.** Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka [A short etymological dictionary of Komi]. M.: Nauka, 1970.
- Lyutikova E., Tatevosov S.** Causativization and event structure // Causation in Grammatical Structures / B. Copley, F. Martin (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 279–327.
- Majtczak T.** Proto-Turkic causative in *-g-? // Studies on the Turkic World. A Festschrift for Professor St. Stachowski on the Occasion of His 80th Birthday / E. Marczak-Wohlfeld, B. Podolak (eds.). Kraków: Jagiellonian University Press, 2010. P. 59–67.
- Mous M.** The causative in Konso. Ms, 2004.
- Nie Y.** Turkish causatives are recursive: A response to Key 2013 // Linguistic Inquiry, 2022. P. 1–14.
- Perekhval'skaya E. V.** Kauzativnye konstruksii v bashkirskom yazyke [Causative constructions in Bashkir] // Acta Linguistica Petropolitana, 2017. No. 13. P. 231–254.
- Rochant N.** Why does the Andi causative suffix agree in number? // Caucasian Languages: Typology and Diachrony, Russian Academy of Science in Moscow, Oct 2019. Conference talk. 2019.
- Salyakhova Z. I.** Formy kauzativa v bashkirskom yazyke [Causative forms in Bashkir] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 2011. No. 5. P. 319–322.
- Seifart F.** Direct and indirect affix borrowing // Language, 2015. Vol. 91. No. 3. P. 511–532.
- Struktura sobytiya i semantika glagola** v karachaevo-balkarskom yazyke [Event structure and verbal semantics in Karachay-Balkar] / E. A. Lyutikova et al. M.: IMLI RAN, 2006.
- Symulov M. G.** Sposoby vyrazheniya kauzativnykh otnoshenii v raznostrukturnykh yazykakh: Na materiale angliiskogo i chuvashskogo yazykov [Ways of expressing causative relations in structurally different languages: on the material of English and Chuvash]. Cheboksary, 2005.
- Tánczos O.** Causative Constructions and their syntactic analysis in the Udmurt Language. Ph.D. diss. Budapest, 2015.
- Tarakanov I. V.** Zaimstvovannaya leksika v udmurtskom yazyke [Borrowed vocabulary in Udmurt]. Izhevsk: Udmurtiya, 1982.
- Tatevosov S. G.** Zametki o fal'shivoi kauzativatsii [Notes on fake causativization] // Voprosy yazykoznaniya, 2018. No. 1. P. 7–44.
- Yuldashev A. A.** Sistema slovoobrazovaniya i spryazheniya glagolov v bashkirskom yazyke [System of word formation and verb inflection in Bashkir]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1958.

Belova Daria Dmitrievna.

Technician.

Research Computer Center of Lomonosov Moscow State University.

Leninskie Gory, 1, p. 4, Moscow, Russia, 119234.

Junior researcher.

Institute of Linguistics of the RAS.

Bolshoy Kislovsky lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: dd.belova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 9 октября 2023 г.

Д. Д. Белова

Каузативные суффиксы в татышлинском удмуртском: как сосуществуют исконные и заимствованные морфемы

Статья посвящена морфологическим каузативам в татышлинском говоре удмуртского языка (Республика Башкортостан). В результате долгого интенсивного контакта с окружающими тюркскими языками – татарским и башкирским – татышлинский удмуртский выработал более сложную систему каузативных показателей, чем литературный. Она включает два суффикса: общеудмуртский *-t*, а также *-ttâr*, который является тюркским заимствованием и отсутствует в литературном удмуртском. В статье рассматриваются семантические и морфосинтаксические свойства суффиксов. Показано, что два суффикса накладывают разные ограничения на производящие основы, главное из которых заключается в том, что *-t* в отличие от *-ttâr* может служить вербализатором и присоединяться к именным основам. Еще одно важное различие состоит в том, что *-ttâr* может обозначать как одинарную, так и двойную каузацию. Между тем принципы маркирования каузируемого одинаковы для дериватов с обоими суффиксами и совпадают с литературным удмуртским: каузируемый маркируется аккузативом вне зависимости от аргументной структуры производящего глагола, что противоречит иерархии Комри. Суффиксы могут выражать весь спектр типологически засвидетельствованных частных каузативных значений (фактивное, опосредованное, рогативное), за исключением пермиссивного. Кроме того, в некоторых идиолектах *-ttâr* вводит дополнительную семантику интенсификации или намеренности, что характерно для двойных каузативов. Учитывая его морфосинтаксические свойства и данные других языков, мы предполагаем, что на этапе заимствования этот формант представлял собой две каузативные морфемы, но на синхронном уровне он функционирует как единый суффикс. Таким образом, суффиксы *-t* и *-ttâr* демонстрируют отличия не только друг от друга, но и от соответствующих суффиксов литературного удмуртского и тюркских языков.

Ключевые слова: *морфологический каузатив, двойной каузатив, заимствование аффиксов, диалектная морфология, удмуртский язык, тюркские языки*

Белова Дарья Дмитриевна.

Техник.

Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ул. Колмогорова, 1с4, Москва, 119234.

Младший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009.

E-mail: dd.belova@yandex.ru

Т. Н. Николаева, Л. М. Готовцева

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ
ЯКУТСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В рамках антропоцентрической парадигмы в центр современного языкознания ставится человек как носитель языка, как представитель определенной культуры. Такая постановка объекта исследования требует нового подхода, иных методов его познания, учитывающих роль человеческого фактора в языке, обуславливающего формирование внутреннего содержания языковых единиц, а также его дешифровку. В данной работе антропоцентрический подход подразумевает принцип изучения человека в языке, а именно человека во фразеологических единицах (ФЕ) якутского языка. Актуальным с точки зрения изучения человека представлен гендерный аспект, предполагающий рассмотрение семантических особенностей номинации мужчины и женщины как гендерных компонентов данных единиц. В исследовании впервые предпринимается попытка выявления среди массива ФЕ тех выражений, которые относятся к гендерной референции, извлеченных из фразеографических и лексикографических словарей якутского языка. Выявлено, что подавляющее большинство ФЕ содержит в качестве компонента номинацию человека – *kuhu*, гендерная идентификация которого поддается только благодаря широкому контексту, поэтому в данной работе интерпретация значений большинства единиц подкрепляется примерами из художественных произведений или из периодических изданий. Сложность прочтения единиц с гендерной семантикой также обусловлена отсутствием грамматической категории рода имен существительных в якутском языке, номинирующих человека. В ходе исследования произведена систематизация гендерно маркированных единиц, выделение компонента, номинирующего лицо мужского и/или женского рода или означающего сферу их занятий, социально-статусного положения, а также определение качественной характеристики, заложенной в образных основаниях данных единиц как знаков, содержащих культурно значимую информацию. Единицы с номинацией *дьахтар* (женщина и сферы ее деятельности), несмотря на их немногочисленность, раскрывают тему нравственности, в основном как нарушение нормы поведения женщины в данном социуме. Во фразеологических единицах с наименованием эр киһи (мужчина и сферы его деятельности) отражены в основном описание его внешней характеристики, а также осуждение проявлений его поведения в социуме.

Ключевые слова: фразеологические единицы, якутский язык, гендер, социокультура, образ человека

Введение

Исследование гендера во фразеологии языков становится перспективным и актуальным на сегодняшний день, вызывает интерес у лингвистов, в работе которых затрагиваются проблемы языкового маркирования гендерных отношений в социокультурном контексте. Фразеологическая номинация женщин и мужчин как проблема современной лингвистики исследуется на стыке междисциплинарных направлений, что позволяет преодолевать определенные трудности при изучении гендерного фактора, на которые указывают О. Б. Абакумова, Н. В. Кирюхина. Таковыми они считают: 1) семантическую осложненность как результат особой вторичной номинации; 2) нейтрализацию грамматической категории рода; 3) особенности согласования внутри синтаксической цепочки; 4) отсутствие четких критериев отбора фразеологизмов для исследования гендерного фактора (Абакумова, Кирюхина, 2019: 50–59).

В данной статье впервые предпринимается попытка переосмысления фразеологических единиц якутского языка, в которых отражается этноспецифическое представление о женщине и мужчине в социуме, в частности, разделение социальных ролей, различия в поведенческих и личностных характеристиках, вовлеченность в сферу выполнения трудовых функций, установление рода занятий (в обществе и семье) и т. д.

Функционально-семантический анализ основывается на широком пласте ФЕ, извлеченных из фразеографических и лексикографических словарей (ЯРФС, БТСЯЯ), контекстуальных примеров из художественных и публицистических источников для выявления семантической дифференциации данных языковых единиц.

Отметим наличие большого количества работ, посвященных лингвистическому исследованию гендера как на материале русского языка (Эмирова, 2002; Ермолаева, 2011), так и на материале разноструктурных языков, выполненных в сравнительно-сопоставительном аспекте, в том числе и в области фразеологии.

Обзор научных публикаций последних лет позволяет сделать вывод о том, что авторы, изучая проблему осмысления гендерного фактора в языке, фокус внимания направляют на выявление социальной значимости обсуждаемой проблематики.

Например, по мнению И. В. Зыковой, особый акцент на современном этапе развития гендерных исследований делается на том, что гендер обусловлен не только и не столько биологически, но и социально и посредством культуры. Гендер является культурно и исторически относительным; его значение, интерпретация и выражение могут быть различными как в рамках одной культуры, так и в разных культурах, выступая в качестве причины исторических изменений языковой системы (Зыкова, 2003: 7).

А. В. Кирилина полагает, что «Термин *гендер* был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий» (Кирилина, 2005: 8).

В лингвокультурологическом исследовании гендерного стереотипа на материале ФЕ узбекского, казахского и каракалпакского языков Г. М. Исмаилов отмечает, что фразеологизмы в тюркском языкознании всегда являлись объектом изучения с различных (лексико-грамматического, семантического) аспектов, однако до сих пор, по мнению автора, проблема лингвокультурологического изучения гендерного стереотипа остается до конца не исследованной. Автор подмечает наличие фразеологизмов двух типов: общих для референтов обоего пола и связанных с референтами одного пола (Исмаилов, 2017: 85–92).

Говоря о том, что исследование гендерных стереотипов на материале ФЕ получило широкое распространение и является одним из наиболее актуальных направлений в современной лингвистике, К. К. Бораганова обнаружила в кумыкско-русском фразеологическом словаре Н. Э. Гаджихметова лишь 12 ФЕ с ключевыми словами *эр* в значении «мужчина» и *къатын* в значении «женщина» (Бораганова, 2015: 75–182).

Особенности бинарной оппозиции «мужчина – женщина» во фразеологии и паремиологии хакасского языка стали предметом исследования К. А. Покояковой. Автор обращает внимание на андроцентричность хакасского языка, которая отражает преимущественно мужской взгляд и мужское восприятие образов мужчины и женщины. По ее мнению, также не отмечается отрицательных характеристик мужчины в отличие от женщины, которая наделяется такими качествами, как глупость, болтливость, неряшливость, безнравственность (Покоякова, 2015: 304–306).

Человек в пословичной картине мира башкирского языка рассматривается Г. Н. Ягафаровой, в работе которой анализируются языковые средства объективации концепта «Человек», выявляются семантические особенности его применения в башкирском языке. В результате проведенного анализа автор приходит к заключению, что «в пословицах под словом *кеше* чаще подразумевается мужчина, так как патриархальная ортодоксальная башкирская семья главой семьи, а значит основным человеком в доме, всегда считала мужчину» (Ягафарова, 2013: 294–299).

Гендерные стереотипы в хакасских и якутских поговорках рассматриваются в коллективном исследовании А. И. Егоровой, В. Н. Тугужековой, З. Е. Каскараковой, Н. Г. Канзычаковой. Авторы отмечают, что «В поговорках хакасского и якутского народов отражены традиционные семейно-родовые отношения, построенные на андрократических (патриархатных) установках, строгой регламентации гендерных различий, дихотомизации мужского и женского, иерархии статуса мужчин и женщин» (Егорова и др., 2020: 18–31).

В современной лингвистике активно стала разрабатываться проблема описания образа человека по данным языка.

В этом направлении следует отметить серию работ Р. Н. Анисимова, представляющих языковую репрезентацию культурного концепта «человек» на обширном языковом материале (2016, 2018, 2019а, 2019б).

Глубинное содержание многомерной характеристики человека представлено в работе Е. Н. Афанасьевой, в которой актуализируется моделирование образа человека по данным якутского языка (Афанасьева, 2019: 231–242).

Если мы обратимся к ФЕ, то образы данных единиц с компонентом *киһи* «человек» или с его имплицитным (скрытым) значением не поддаются четкой гендерной дифференциации ни по компонентному составу, ни по общему значению. Однако они осознаются носителями данной лингвокультуры, особых сложностей не представляют при интерпретации содержания даже при отсутствии эксплицитно выраженных гендерно значимых признаков, т. е. лексем *эр киһи* (мужчина) и *дьахтар* (женщина) в качестве компонентов единиц.

Гендерная референция в предлагаемой работе устанавливается на структурно-семантическом уровне, что обуславливает определение гендерной маркированности как плана выражения, так и плана содержания образных единиц. Предпринимаемая систематизация фразеологизмов, содержащих в компонентном составе эксплицитную и/или имплицитную номинацию человека, производится с учетом маркеров, характерных для отражения мужской, женской и метагендерной референции.

ФЕ, относящиеся к референту-мужчине

Обозначение лица

Хабды сэмнэбэ устар., эвфемизм (досл. ‘объедки куропатки’) ‘новорожденный мальчик’. Так с рождения называли мальчика, защищая от злых духов, при этом надеясь, что он будет заниматься охотой, а значит, станет кормильцем семьи. Гендерным маркером в данном примере является компонент – наименование *хабды* (куропатка), что связано с охотой, деятельностью, предназначенной для мужчин, а также известно, что данная единица употребляется в целях прикрытого обозначения новорожденного мальчика, будущего охотника.

Фразеологизм *Тимир бэлэс* (досл. ‘железная глотка’, ‘медная глотка’) соотв. ‘голосистый, обладающий способностью громко, долго петь, кричать и т. д.’ тяготеет к единицам с маскулинной семантикой ввиду наличия компонента *тимир* (железо), который соотносится с физической силой мужчин.

Аата, бу киһи, кыра оҕоҕо дылы сири-дойдуну аймаан тугун сүрэй, обургум күүмэйэ да бүппэтэ бэрт ээ, дьэ үчүгэй тимир бэлэс, – диһирэ (С. Новиков). ‘Ну, ты как малое дитя орешь во все горло, что земля трясется’.

Сээркээн Сэһэн фольк. (досл. ‘красноречивый говорун’) соотв. ‘мудрый, всезнающий старик, обладающий талантом красноречивого рассказчика’. *Сээркээн Сэһэн* – собственное имя мудреца, фигурирующего в народном эпосе – олонхо и сказках, который дает советы богатырям, указывает им путь.

Оноолооххо (*оноолоох соннооххо*) *орооспотох* означает лицо мужского пола ‘не познавший женщины, девственник’ (досл. не имевший связи с одетыми в кафтан с разрезом сзади).

«*Аны оноолоох соннооххо ороһуом суоҕа, биһллээх соннооххо мэгийиэм суоҕа*», – *диэн андабайбытым* (Эрилик Эристиин). ‘Я поклялся, что больше не буду связываться с женщиной’. В основе интерпретации примера лежит образ женщины, одетой в кафтан с разрезом сзади, и женщины в приталенной шубе. Из данного образа складывается представление о женщине в целом, с которой говорящий не будет вступать в связи.

Мужское начало

Степень опытности мужчины прослеживается в следующих примерах, хотя сам деятель явно не выражен, но он распознается содержательно и наличием факультативного компонента (*киһи*), а также устанавливается контекстуально.

Мунна тыллыбыт (тыырыыллыбыт) (киһи) (досл. 'человек с поротыми ноздрями') соотв. 'тертый калач'; 'опытный человек, которого трудно провести'. В старину уголовным преступникам рвали ноздри и на щеках выжигали незаживающие клейма.

Харыйаан эрэйи энгээринэн тэлбитин, муну муннунан тыырбытын барытын биэс тарбах курдук билэр буолан, Киргизэлэй доборун эмиэ да аһына, эмиэ да үтүө дууһалаах киһи диэн хайгыы санаата (А. Бродников). 'То, что друг его Харыйан – человек с жизненным опытом, Григорий знал хорошо, поэтому он его и жалел, и хвалил за его добрую душу'.

Мунхатын хараба кэнээбит киһи (досл. 'человек, у которого расширились очки невода') соотв. 'видавший виды человек'.

Бу бурдук сытыйытыгар ким да эппиэттээбэт. Ыскылаат сэбиэдиһсэйэ Крылов оччону көрөн баччаба кэлбит, мунхатын хараба кэнээбит киһи (В. Ойуурускай). 'Никто не отвечает за то, что зерно испортилось. Завскладом Крылов, видавший виды человек, уйдет от ответственности).

Следующая единица выражает положительную оценочность семантики по отношению к мужчине, центральным компонентом является лексема *эр* (мужчина, муж). Обычно так говорят о представителе мужского пола, чтобы указать возраст или выразить восхищение, если он проявил себя с лучшей стороны, иногда с иронией, когда он показал себя как антигерой.

Эр бэрдэ (досл. 'лучший мужчина') соотв. 'смельчак, удалец'; 'добрый молодец'.

Икки эр бэрдин куоракка ыппыттарга аара бандьыттарга түбэспит сурахтара иһилиннэ (А. Аччыгыя). 'Двух смельчаков отправили в город, но вскоре выяснилось, что они попали в руки бандитов'.

Мужская референция выражена через упоминание лексемы *кылыһыт* (спортсмен по прыжкам на одной ноге) в следующем примере, хотя само это слово лишено семы гендерной принадлежности. Однако при восприятии данной единицы доминирует стереотипное представление об образе мужчины, который, будучи уже не молодым, хочет жениться. Обычно так говорят с некоторой долей иронии или даже осуждения, критики по поводу подобного поведения мужчины с возрастными признаками.

Кырдьан баран кылыһыт буолбут (досл. 'состарившись, стал спортсменом по прыжкам на одной ноге (в национальном виде спорта)') соотв. 'состарившись, молодиться; будучи уже пожилым, считать себя молодым'.

– *Бай, ол Сис Сэмэн оҕонньор тоҕо кэллэбэй? Кыыс көрө кээлтэ буолуо ээ. Кырдьан баран кылыһыт буолбут диэбиккэ дылы, оҕонньор ойох ылаары тиийэн эрдэбин (А. Софронов). '– Ну, зачем приехал старик Сис Семен? Наверное, на девок посмотреть. Считает себя еще молодым, раз жениться захотел'.*

Внешность мужчины актуализируются рядом единиц:

В нижеприведенном примере маркер гендера не имеет эксплицитного выражения, но анализ внутренней формы, в которой имплицитно содержится компаративный признак, вызывает ассоциативные представления о мужском образе как физически крепком и сильном человеке.

Ат бөбө, кус быһый киһи (кус быһый, ат бөбө киһи) (досл. 'человек с лошадиной силой, утиной быстротой') соотв. 'очень сильный и быстрый человек'.

Тыгын тойон бастагы уола ат бөбө, кус быһый киһи этэ (Далан). 'Первый сын Тыгына был очень силен и быстр'.

В этом выражении сохранилось древнее значение слова *кус* – «собака». Таким образом, данное сочетание первоначально означало 'сильный, как лошадь; быстрый, как собака, человек'.

Следующая группа выражений употребляется по отношению к мужчине, это подтверждается широким контекстуальным материалом и наличием определенных лексем во внутренней форме (соматизмы), которые указывают на мужской потенциал фразеологизмов.

Унуоҕа кытаатта (досл. 'кость окрепла') соотв. 'физически укрепнуть, возмужать'.

– Эчи, кыһыыта да бэрт... Билингниттэн, сиртэн көстө илигиттэн... эгэ итинтикэн улааттын, унуоҕа кытааттын (С. Омоллоон). ‘– Ну, зло берет... Еще молоко на губах не обсохло... он еще вырастет, еще окрепнет’.

Сиһин этэ сиппит, буутун этэ буспут фольк. (досл. ‘мясо поясницы дозрело, мясо бедра сварилось’) соотв. ‘возмужать, физически окрепнуть’.

Быстар дьадаҥы ыала уоллара Бичин Сэмэн сүүрбэ сааһыгар тиийэн холун этэ хойду-бута, буутун этэ мунгутаабыта, сиһин этэ сиппитэ (Н. Якутской). ‘Сын бедняков – Бичин Семен к своим двадцати годам заметно возмужал, физически окреп’.

Внешность мужчины может быть передана посредством ФЕ *Силиргэх курдук (киһи)* (досл. ‘как корень дерева человек’) соотв. ‘крепкого сложения, невысокий и широкоплечий’.

Уокка туох эрэ буһа турар, ол аттыгар силиргэх курдук хара киһи олорор (Хотугу Сулус). ‘На костре что-то варится, рядом виднеется черный силуэт коренастого человека’.

Во внутренней форме единицы заложен эксплицитный компаративный маркер, который определяет основной принцип гендерной отнесенности, т. е. компонент *силиргэх* (‘корень дерева’) ассоциативно соотносится с номинацией мужского пола, его телосложением.

Среди ФЕ мужской референции обнаруживаются единичные примеры с явно выраженным опорным компонентом с обозначением *эр* (муж) или *эр киһи* (мужчина), что объясняется в основном восполнением лексемой *киһи* денотативного поля мужского пространства.

Эр киһи элээмэтэ (досл. ‘то, что осталось от мужчины’) соотв. ‘постаревший, немощный или еще не достигший зрелости (мальчуган) горе-мужчина, одна видимость’.

Туох эмэ кыра үлэтэ ыйан биэрээр – ааны, түннүгү, баҕар, хотоннун. Эр киһи элээмэтэ буоллаҕым (Н. Габышев). ‘Дай какую-нибудь небольшую работу – дверь, окно, может, коровник. Как-никак, мужчина’.

Мужская деятельность, род занятий

Следующие единицы ориентированы на сферу мужской деятельности, хотя гендерный признак не лежит на поверхности, семантика осложнена непрозрачностью прототипической ситуации, которая требует пояснения экстралингвистического фактора, участвующего в формировании фразеологической номинации.

Салыннаах ытыс (ытыстаах, тарбах, тарбахтаах) (досл. ‘слизистая ладонь (со слизистой ладонью; слизистый палец, со слизистыми пальцами’) соотв. ‘удачливый, везучий охотник, рыбак’.

«– Дьэ, Сэбирдэх салыннаах ытыс, хайаан даҕаны балык баар сирин таба түспүтэ буолуо, төһө собо кытарар», – эгин дэһии элбээтэ (А. Аччыгыйа). ‘«Да, Сэбирдэх – удачливый рыбак, обязательно найдет место для хорошего улова, сколько же он наловит карасей», – начали все весело спорить’.

Саппыйатын маска тэбээтэ (досл. ‘(он) тряс кошелек о дерево’) соотв. ‘ветер свистит в карманах у кого-л.’

Эттэрин-астарын сыыһын чэйгэ, табаахха эргитээри (куоракка) киирэн баран, (хаартылаан-арыгылаан) саппыйаларын маска тэбээбит, кураанах кэлэн кэргэттэрин хомоппут дьон элбэхтэр (Б. Боотур). ‘Много тех, кто, выехав в город поменять жалкий кусок мяса и прочего продукта на чай и табак, возвращался ни с чем, проиграв вырученное в карты или потратив на спиртное’.

ФЕ, относящиеся к референту-женщине

Обозначение лица

Образ женщины передается ассоциативно, исходя из смысла компонентов единицы, относящихся к сфере женского мира: *уһун баттахтаах (суһуохтаах, ырбаахылаах)* (досл. ‘с длинными волосами (косой, платьем’) соотв. ‘женщина’.

– Бэйи-бэйи, – Кирилэ иһиирэн ылла. – Хата мин эйиэхэ уһун баттахтаабы булар дьыаланан дьарыгырыам (Р. Бағатаайыскай). ‘Постой-постой, – присвистнул Кирилл. – Может, я займусь поиском женщины для тебя’.

Данная единица ориентирована на женскую референцию, актуализирует возраст девушки, способствует восприятию стереотипного образа женщины на этом этапе жизни. Обычно так выражают неодобрение, упрек, если девушка проявила себя неподобающим образом в этом возрасте.

Сырбан татай устар. ‘молодица, молодуха, шестнадцати-семнадцатилетняя девушка’ (досл. подвижная, вертлявая).

Социальная роль будущей хозяйки домашнего очага содержится в семантике единицы *кыптыый кыраһына устар.*, эвфемизм (досл. ‘лоскуток от ножниц’) соотв. ‘новорожденная девочка’. Кыптыый ‘ножницы’ в якутской культуре считается знаком девочки. Женщина, хозяйка семейного очага, рукодельница обшивала всех членов семьи, обеспечивала мужа-охотника теплой, удобной одеждой.

В следующем фразеологизме содержится опорный компонент *дьахтар* (женщина), что определяет женскую референцию единицы. Гендерно маркированным будет и слово *чэпчэки* (легкий), которое конкретизирует образ женщины легкого поведения.

Чэпчэки дьахтар (досл. ‘легкая женщина’) соотв. ‘ветреная, легкомысленная женщина’.

(Баһылай:) *Баһылай оҕонньор кийиһтин бэркэ маанылыырын үрдүгэр, бэйэтэ куһаҕан, чэпчэки дьахтар буолан, киһиэхэ иэдэйэн, эриттэн арахсан эрэр үһү дэтэр гына тылы ыыт эрэ...* (А. Софронов). ‘Надо пустить слух, мол, невзирая на заботы старика Василия, невестка его – женщина ветреная, закрутила с другим, уходит от мужа’.

Сырыы дьахтар (досл. женщина-похождение) соотв. ‘распутница’.

Данная единица имеет аналогичное значение, как и предыдущий фразеологизм. Лексема *сырыы* в этом случае выражает приключение, похождение, что иллюстрирует портрет женщины низкой социальной ответственности.

Женское начало репрезентируется рядом фразеологизмов, в которых присутствует компонент *дьахтар* (женщина).

Представление о женщине-хозяйке как о хранительнице очага передается фразеологизмом *тымныы күрдьэхтээх дьахтар устар.* (досл. ‘женщина, у которой холодная лопата’) соотв. ‘женщина, у которой холодная юрта’.

В старину, чтобы пережить длинную холодную зиму и чтобы было более-менее тепло в жилище, женщины-якутки мазали его углы снегом, замоченным в воде.

Про женщину, у которой умирают мужья, говорили: *тымныы хоойдоох дьахтар* (досл. ‘женщина с холодной паухой’). Данное выражение вступает в оппозицию *тымныы хоойдоох киһи* (досл. ‘человек с холодной паухой’) соотв. ‘мужчина, у которого умирают жены’.

По представлениям якутов, основное предназначение женщины – выйти замуж и рожать детей. Долго не вступать в брак, сидеть в девках не приветствуется представителями данного лингвокультурного сообщества, о чем свидетельствует наличие ряда фразеологизмов. В них отмечается наличие основного компонента *кыыс* (девушка), который формирует отнесенность к женской референции:

Кыыһынан кырдьыбыт (досл. ‘(она), не став женщиной, постарела’) соотв. ‘старая дева’.

Аны оҕобут эргэ барымына, кыыһынан олорон кырдьара буолуо... (Хотугу Сулус). ‘Дочка наша засидится в девках, однако...’.

Кыыһынан сылдьар (досл. ‘девушка, которая еще не вышла замуж’) соотв. ‘незамужняя женщина’.

Кыыһынан сылдьар кыайар «эй», «ээх» диэн биэриэ диэтэбин дуу (Хотугу Сулус). ‘Согласится ли не согласится на это незамужняя женщина – неизвестно’.

Следующий пример содержит компонент *дяхтар* (женщина) и относится к сфере женской референции, выражает грубое, с оттенком пренебрежительности отношение к женщине, которая никогда не рожала детей. Лексема *байтаһын* по БТСЯЯ имеет значение ‘откормленный, нагулявший за лето жир скот (или кобыла) (обычно для забоя)’ (БТСЯЯ, 2005: 136).

Байтаһын дяхтар унич. (досл. ‘не рожавшая женщина’) *соотв.* ‘женщина, не рожавшая детей (потому не знающая забот о детях)’.

Байтаһын дяхтар оту баҕас мунньуо (Б. Боотур). ‘Не знающая забот легко соберет это сено’.

ФЕ *атабынан эргэ барбыт устар.* (досл. ‘ногами своими замуж вышла’) *соотв.* ‘убежать из родного дома и тайком выйти замуж’ требует интерпретации прототипической ситуации, так как отсутствует основной компонент женской референции.

Вступающие в брак девушка или молодой человек должны были получить благословение родителей, брак без согласия родителей не одобрялся, что подтверждается контекстом:

Бэйэтэ кыыс дяхтар, атабынан баран кырдыаҕас киһиэхэ сэлээннэммитэ (А. Сыромятникова). ‘Девушка сама навязалась пожилому человеку’.

Имеется определенное количество ФЕ, направленных на отрицательную характеристику женщины по ее поведению, хотя в единицах опорный компонент *дяхтар* (женщина) отсутствует, но по выводному значению можно догадаться о приписываемых женщинам качествах (болтливость, нескромность, неприличие в отношениях с мужчиной и т. д.).

Моонньугар иилиһин (ыйана сырыт) (досл. ‘вешаться на шею кому-л.’) ‘усиленно добивается расположения, взаимности, любви’.

Ити кыыс ветеринар уол моонньугар иилистэ сылдьар. ‘Эта девушка добивается взаимности от молодого ветеринара’.

Уһун тыллаах (досл. ‘длинный язык у кого-л.’) *соотв.* языкастая.

Ити дяхтарга тоҕо кэпсээтин. *Уһун тыллаах мунутаан сарсын дэриэбинэни толоруо.* ‘Почему рассказываешь этой женщине. Эта языкастая завтра наполнит всю деревню’.

Как показывает материал, **внешность** эксплицируется всего несколькими фразеологизмами, смысл которых касается внешности женщины с некоторой долей иронии, насмешки:

Кыыс хаана киирбит (досл. ‘вошла ее девичья кровь’) *соотв.* ‘выглядеть гораздо моложе своих лет (о женщинах)’.

Балаҕан аайы баар (досл. ‘имеющийся в каждой юрте’) *соотв.* ‘ничем не примечательный, заурядный, обыкновенный’.

– *Төһө кыраһыабай кыыһы кытта эрийсэрий?*

– *Мин көрдөхпүнэ балаҕан аайы баар* (Хотугу Сулус).

– Девушка, за которой он ухаживает, красивая?

– Мне кажется, она ничем не примечательна, обыкновенная’.

БТСЯЯ фиксирует с компонентом *ыал* вместо *балаҕан* – *ыал аайы баар* (досл. ‘имеющийся в каждой семье’), от такой модификации значение не меняется, *соотв.* ‘ничем не примечательный, заурядный, обыкновенный’ и касается в основном характеристики внешности.

Интергендерные фразеологизмы

Исходя из вышесказанного, кодифицированные ФЕ фразеосемантической группы «человек» условно распределим на фразеосемантические подгруппы, которые можно осмыслить по значению как универсальные, т. е. они рассматриваются понятными как по отношению к мужскому, так и по отношению к женскому миропониманию.

Формы поведения в социуме, отношение к жизни

Отрицательно коннотированным качеством для обоих полов является болтливость:

Айабын кыаммат киһи соотв. ‘невоздержанный на язык, болтливый человек’.

– *Айаххын наһаа кыаммат киһигин. Ити тоҕо сааннын-хайаатын? – диэн сэмэлээтэ* (Р. Кулаковская). ‘– Ты, оказывается, чрезвычайно невоздержан на язык. Ты почему стращаешь-пугаешь?’

Аһаҕас айахтаах (досл. ‘с открытым ртом’) *соотв.* ‘болтливый человек, болтун; человек, не умеющий хранить тайну; бесструнная балалайка’.

Кырдьыга, Василиса киниэхэ сүбэһит буолар да кыаҕа суоҕа. Хата, ол оннугар, тугу истибитин хаһан да игиннэрбэт буолара, хас билсэр дьахтарын аайы кэпси сылдьар аһаҕас айахтааҕа (Н. Якутская). ‘По правде, Василиса – плохой советчик. Она ничего не пропускала мимо ушей, болтала каждому встречному’.

Безусловно, следует отметить и наличие ФЕ, обладающих имплицитно выраженным потенциалом женских образов. Например:

Сиртэн-буортан тэйбит курдук (досл. ‘словно отскочивший от земли’) *соотв.* ‘красивый, опрятно, чисто одетый с хорошими манерами, с красивой походкой’ (обычно о девушке).

Ол ыал Маайыс диэн үчүгэй дьүһүннээх, сиртэн-буортан тэйбит курдук ыраас, чэбэр, эргэ барар сааһын сиппит кыыстаахтара (Б. Боотур). ‘У них была дочь Майя, красивая, опрятная, почти невеста’.

Однако, как показывает материал, данная единица обнаруживает себя как ФЕ, которая может употребляться не только по отношению к женщине, но и по отношению к мужчине. Например:

Сиртэн-буортан тэйбит курдук ып-ыраас, кырасыабай диэн бэйэлээх эдэркээн уол тизрэ быластаан сытара (В. Яковлев). ‘Растянувшись, лежал навзничь молодой красивый парень’.

ФЕ *кийииттээбит курдук буол* (досл. ‘быть как невестка’) *соотв.* ‘испытывать робость, стесняться’, где гендерным маркером выступает компонент *кийиит* ‘невестка’, обозначает лиц не только женского пола, но и мужского, что подтверждает следующий контекст:

Бонифатий оҕонньор урут тылга тиһэр бэйэтэ бу сырыыга хайдах эрэ кийииттээбит курдук буолан кэпсэтиигэ соччо кыттыбакка, тэйиччи соҕус сэрбэллэн олонор, ыһаарыламмыт собону сиэн илибирэтэр (В. Яковлев). ‘Старик Бонифатий, всегда словоохотливый, сидел поодаль молча, как будто испытывал робость, и осторожно принялся за жареного карася’.

Айылҕа биэрбит киһитэ (досл. ‘человек, которому дала природа’) *соотв.* ‘бог не обидел’.

Тулуурун холкутун чааһынан айылҕа биэрбит киһитэ (Д. Кустуров). ‘От природы стойкий и выдержанный человек’.

Айылгы киһи соотв. ‘обаятельный, очень доброго и спокойного нрава человек’.

(Уолаттар) ийэлэрэ мөбөн убайыктана көрсүбүттэрэ. Ол эрэри ийэлэр барахсаттар кыһырбыт уохтара-кылыннара аастар эрэ, кинилэр саҕа айылгы дьоннор суохтар ини (И. Федосеев). ‘(Ребята) были расстроены после того, как их пожурела мать. Но матери, успокоившись, по обыкновению остаются людьми добрыми’.

Айыы киһитэ (досл. ‘божий человек’) *соотв.* ‘сердечный, душевный человек’.

Как видно из приведенных примеров, в репрезентации положительных качеств как мужчины, так и женщины в составе компонентов фразеологизмов встречаются лексемы *айылҕа* ‘природа’, *айылгы* ‘нрав’, *айыы* ‘бог’.

Но основная масса единиц все же тяготеет по глубинному оформлению образов к единицам, репрезентирующим мужскую картину мира.

Таким образом, предварительный анализ ФЕ по гендерной дифференциации не обнаружил четкой идентификации, так как основная масса формируется с помощью компонента *киһи*, номинирующего человека вообще или без его включенности в состав единиц.

Если мы обратимся к якутским паремиям, то можем обнаружить единицы с номинациями представителей обоих полов. Об этом более подробно представлено в работе, посвященной исследованию гендерных стереотипов в паремиях хакасов и якутов. Авторы пришли к заключению, что «в паремиях хакасов и якутов достаточно объемно отражено содержание и четко прослеживается скрытая направленность гендерных стереотипов» (Егорова и др., 2020: 18–31). Затрагивая проблему представления о мужском как о норме и стандарте, авторы отмечают среди прочих признаков андроцентризма в языковом сознании и отождествление понятий «человек» и «мужчина» (обозначение этих понятий одним словом), что подтверждается наличием большего количества ФЕ с компонентом *kuhi*, за номинацией которого кроется все же лицо мужского пола.

То, что основная масса таких единиц актуализирует значение мужского пола, отмечает и А. М. Эмирова (Эмирова, 2002: 210–212). По мнению автора, в скрытой форме проявляется андроцентричность языка. Маскулинный уклон семантики автор объясняет исторически сложившейся социальной диссоциацией трудовой деятельности представителей разных полов, а также указывает на влияние лексикографических традиций, когда интерпретация значения слов и фразеологизмов общего рода в словарях обычно осуществляется с помощью синонимичных слов мужского рода или субстантивных словосочетаний со стержневым компонентом «человек», например, травленный волк – человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт, знания.

Относительно якутского языка можно также констатировать факт подобных явлений, когда выводное значение формулируется с помощью лексики *kuhi* ‘человек’ в основном без указания каких-либо гендерных признаков.

Заключение

Основной массив ФЕ якутского языка всем своим компонентным составом и образной составляющей выражает номинацию *kuhi* ‘человек’, что обуславливает задачу решения другой проблемы, а именно рассмотреть семантические особенности номинаций человека в рамках онтологической оппозиции «мужчина – женщина».

Выявлено, что ФЕ якутского языка в основном гендерно не маркированы, гендерная идентификация может быть реализована только в контексте, так как в данных единицах отсутствуют четко выраженные гендерные маркеры, например, собственные имена, нарицательные имена как детерминанты номинации лица. Гендерная идентификация осложняется отсутствием грамматической категории рода у имени существительного, унификацией значения личного местоимения *кени* (она, он) по отношению как к лицу женского рода, так и к лицу мужского рода, так и к не лицу.

В ходе исследования произведена систематизация всего массива фразеологизмов якутского языка с гендерной маркированностью, определение ключевого компонента *kuhi* ‘человек’ для дальнейшей дешифровки гендерного образа в значении единиц. На семантическом уровне данный массив с компонентом *kuhi* ‘человек’ условно можно разделить на группы: 1) единицы относятся к лицам обоих полов; 2) единицы выражают отнесенность к лицам мужского пола; 3) единицы выражают отношение к лицам женского пола. Отдельно выявлены единицы, содержащие в компонентном составе лексики, содержащие указание на мужчину и/или сферу маскулинного, а также единицы, содержащие лексику, указывающую на женщину и/или сферу фемининного.

Изучение специфики гендерного аспекта во фразеологизмах якутского языка выявило следующее:

- 1) в данных единицах отсутствуют компоненты с именами собственными;

2) в единицах отсутствуют компоненты с маркером – именем нарицательным, в том числе лексем сферы семейно-родственных отношений, наименований женщин и мужчин по социальному статусу и пр.;

3) обнаружены две идиомы, в которых содержатся наименования мифологического и фольклорного персонажей, относящихся к референтам мужского пола.

Таким образом, предпринятое исследование является первой попыткой систематизации и параметризации женской и мужской фразеологической картины мира, что может заставить пересмотреть или посмотреть по-новому на языковые представления женщины и мужчины в данном социокультурном пространстве. В дальнейшем представляется актуальным продолжить исследование массива ФЕ с имплицитно выраженными гендерными маркерами, чтобы определить корреляцию мужской/женской референции для формирования результирующего смысла данных единиц.

Среди ФЕ с номинацией *кыыс* ‘девушка’, *дьахтар* ‘женщина’, а также обозначающих сферы их занятий, нормы поведения, социальный статус представлены в основном единицы, в которых прослеживается тенденция к негативной оценочности.

Список сокращений

досл. – дословно; *соотв.* – соответствует; *у кого-л.* – у кого-либо; *унич.* – уничижительно; *устар.* – устаревшее слово; ФЕ – фразеологическая единица; *фольк.* – фольклор.

Словари

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004–2018.

ЯРФС – Якутско-русский фразеологический словарь / сост. А. Г. Нелунов. Новосибирск, 2002. Т. 1. 287 с.; Т. 2. 420 с.

Литература:

Абакумова О. Б., Кирюхина Н. В. Антропометрические лексемы и структуризация образа мужчины и женщины в современных русских анти-поговорках с гендерным компонентом (на материале паремического дискурса) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1, № 2. С. 50–59.

Анисимов Р. Н. Зооморфные компоненты в составе фразеологизмов, характеризующих человека // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 203–218.

Анисимов Р. Н. Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. Филология. С. 31–42.

Анисимов Р. Н. Лексика ландшафта в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019а. № 3 (71). С. 67–79.

Анисимов Р. Н. Лексемы-мифологемы в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019б. № 2 (24). С. 9–19.

Афанасьева Е. Н. Вербализация образа человека в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 231–242.

Бораганова К. К. Гендерные стереотипы кумыков по данным кумыкской фразеологии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 4. С. 175–182.

Егорова А. И., Туужекова В. Н., Каскаракова З. Е., Канзычакова Н. Г. Гендерные стереотипы в хакасских и якутских паремиях // Урало-алтайские исследования. 2020. № 2 (37). С. 18–31.

Ермолаева М. В. Гендерный аспект русской фразеологии (на материале процессуальных фразеологизмов семантического объединения «социальный статус лица»). Челябинск, 2011. 304 с.

Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.

Исмаилов Г. М. Лингвокультурологическое исследование гендерного стереотипа в тюркской фразеологии (на материале узбекского, казахского и каракалпакского языков) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Вып. 14, № 1. С. 85–92.

Кирилина А. В. Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.

Покаянова К. А. Особенности бинарной оппозиции «мужчина – женщина» во фразеологии и паремии хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 304–306.

Эмирова Э. М. Гендер в зеркале русской фразеологии // Культура народов Причерноморья. 2002. № 31. С. 210–212.

Ягафарова Г. Н. Человек в пословичной картине мира башкирского языка // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 294–299.

Николаева Татьяна Николаевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Готовцева Лина Митрофановна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.

E-mail: Lingot@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 26 августа 2023 г.

T. N. Nikolaeva, L. M. Gotovtseva

SOCIO-CULTURAL ASPECT OF GENDER MARKING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE YAKUT LANGUAGE

In the anthropocentric paradigm, the human being as a native speaker, as a representative of a particular culture, is at the center of modern linguistics. This formulation of the object of research requires a new approach, and other methods of its cognition, which take into account the role of the human factor in language, which determines the formation of the internal content of linguistic units and their decoding. In this work, the anthropocentric approach implies the principle of studying a person in a language, namely a person in the phraseological units of the Yakut language. The aspect of gender is relevant to the study of a person when considering the semantic features of naming men and women as components of phraseological units. The phraseological units of the Yakut language have not yet been studied under the aspect of gender. This work is the first attempt to identify from the set of phraseological units those expressions that contain the names of men/women and which come from the phraseographic and lexicographic dictionaries of the Yakut language. It turns out that a large number of phraseological units contain as a component the naming of the person 'kihi', whose gender identification is possible only based on the broad context, so in this work the interpretation of the values of most of the units is supported by examples from artworks or periodical. The difficulty in reading units with gendered semantics is due to the lack of a grammatical category for the gender of nouns denoting a person in the Yakut language. The study involved a systematization of the gender-marked units, i.e. the component denoting a person of male and/or female gender or marking the domain of their profession or social status, and a definition of the qualitative features established in the figurative bases of these units as signs with culturally significant information. The units labeled diakhtar "woman" and the areas in which they occur, despite their small number, reveal the theme of morality, especially as a violation of the norm for women's behavior in this society. The phraseological units labeled er kihi "man" and the sphere in which he acts mainly reflect the description of his external features as well as the condemnation of the manifestations of his behavior in society.

Keywords: *phraseological units, Yakut language, gender, socio-culture, image of human*

References:

Abakumova O. B., Kirjuhina N. V. Antropometricheskie leksemy i strukturacija obraza muzhchiny i zhenshhiny v sovremennykh russkikh anti-poslovicah s gendernym komponentom (na materiale paremicheskogo diskursa) [Anthropometric lexemes and structuring of the image of a man and a woman in modern Russian anti-proverbs with a gender component (on the basis of paremic discourse)] // Diskurs professional'noj kommunikacii. 2019. Vol. 1, no. 2. P. 50–59 (in Russian).

- Anisimov R. N.** Zoomorfnye komponenty v sostave frazeologizmov, harakterizujushhih cheloveka [Zoomorphic components in the composition of phraseological units that characterize a person] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2016. No. 4. P. 203–218 (in Russian).
- Anisimov R. N.** Frazeologicheskaja nominacija vozrasta i opyta v yakutskom yazyke (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoj Sibiri) [Phraseological nomination of age and experience in the Yakut language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)] // *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologiya*. 2018. Vol. 17. No. 9. Filologija. P. 31–42 (in Russian).
- Anisimov R. N.** Leksika landshafta v sostave frazeologizmov jakutskogo jazyka, harakterizujushhih cheloveka [The vocabulary of the landscape as part of the Yakut language phraseological units that characterize a person] // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im.M.K.Ammosova*. 2019a. No. 3 (71). P. 67–79 (in Russian).
- Anisimov R. N.** Leksemy-mifologemy v sostave frazeologizmov jakutskogo jazyka, harakterizujushhih cheloveka [Lexemes-mythologems as part of the Yakut language phraseological units that characterize a person] // *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*. 2019b. No. 2 (24). P. 9–19 (in Russian).
- Afnas'eva E. N.** Verbalizacija obraza cheloveka v jakutskom jazyke [Verbalization of the human image in the Yakut language] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. Novosibirsk. 2019. No. 2. P. 231–242 (in Russian).
- Boraganova K. K.** Gendernye stereotipy kumykov po dannym kumykskoj frazeologii [Gender stereotypes of Kumyks according to the data of Kumyk phraseology] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija*. 2015. No. 4. P. 175–182 (in Russian).
- Egorova A. I., Tuguzhekova V. N., Kaskarakova Z. E., Kanzychakova N. G.** Gendernye stereotipy v hakasskikh i jakutskikh paremijah [Gender stereotypes in Khakass and Yakut paroemias] // *Uralo-altajskie issledovanija*. 2020. No. 2 (37). P. 18–31 (in Russian).
- Ermolaeva M. V.** Gendernyj aspekt ruskoj frazeologii (na materiale processual'nyh frazeologizmov semanticheskogo ob'yedinenija "social'nyj status lica") [Gender aspect of Russian phraseology (based on the material of procedural phraseological units of the semantic association "social status of a person")] / M. V. Ermolaeva. Cheljab. gos. akademiya kul'tury i iskusstv. Chelyabinsk. 2011. 304 p. (in Russian).
- Zykova I. V.** Sposoby konstruirovaniya gendera v anglijskoj frazeologii [Ways of constructing gender in English phraseology]. M.: Editorial URSS. 2003. 232 p. (in Russian).
- Ismailov G. M.** Lingvokul'turologicheskoe issledovanie gendernogo stereotipa v tjurkskoj frazeologii (na materiale uzbekskogo, kazahskogo i karakalpakskogo jazykov) [Linguoculturological study of the gender stereotype in Turkic phraseology (based on the material of the Uzbek, Kazakh and Karakalpak languages)] // *Vestnik RUDN. Serija: Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'*. 2017. Vol. 14, no. 1. P. 85–92 (in Russian).
- Kirilina A. V.** Gender i jazyk [Gender and language] / Moskovskij gos. lingvisticheskij un-t; Laboratoriya gendernyx issledovanij. M.: Jazyki slavyanskoj kul'tury. 2005. 624 p. (in Russian).
- Pokojakova K. A.** Osobennosti binarnoj oppozicii "muzhchina-zhenshhina" vo frazeologii i paremiologii hakasskogo jazyka [Features of the binary opposition "man-woman" in the phraseology and paremiology of the Khakass language] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2015. No. 3 (52). P. 304–306 (in Russian).
- Jemirova Je. M.** Gender v zerkale ruskoj frazeologii [Gender in the mirror of Russian phraseology] // *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*. Simferopol'. 2002. No. 31. P. 210–212 (in Russian).
- Jagafarova G. N.** Chelovek v poslovichnoj kartine mira bashkirskogo jazyka [Man in the proverbial picture of the Bashkir worldlanguage] // *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2013. No. 5 (21). P. 294–299 (in Russian).

Nikolaeva Tatyana Nikolaevna.

Ph.D. in Philology, Associate Professor of German Department.

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Belinsky str., 58, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Gotovtseva Lina Mitrofanovna.

Ph.D. in Philology, Senior Researcher Lexicology of Yakut Language Department.

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS.

Petrovsky str., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: Lingot@rambler.ru

V. A. Orlov

NEGATIVE PRONOUNS IN FINNIC LANGUAGES (BASED ON MATERIALS FROM THE GOSPEL TRANSLATIONS)

The article deals with the subset of indefinite pronouns which are often denoted in the literature as negative pronouns in six Finnic languages (Estonian, Finnish, North and Livvi Karelian, Seto and Veps). The data for the study comes from the translations of the Gospel texts into those languages. Negative pronouns are understood as such indefinite pronouns which are used primarily in the scope of negation and in some related contexts (downward-entailing or non-veridical). The distribution of negative pronouns in the text is described. It is shown that different types of negative pronouns are used in these languages. Finnish and North Karelian have a series of negative pronouns formed with the additive operator *-kaan* (*-kana* in North Karelian), which is used primarily in negative contexts. It is argued that these pronouns should be analyzed as strong Negative Polarity Items because they could occur in the contexts where an overt marker of negation is not present, such as the scope of adversative predicates, embedded clause of the negated matrix predicate or polar questions. Livvi Karelian and Veps employ pronouns with the prefix *ni-* borrowed from Russian. These pronouns behave like Negative Concord Items because they occur only in the presence of the clausemate sentential negation marker. Some differences in the distribution of these items are attested. Finally, Seto and Estonian do not have any special series of negative pronouns. Instead, the *-gi* pronouns, which have a very broad distribution, are used in these contexts. In Estonian, these can be modified by the marker of constituent negation *mitte*.

Keywords: *Finnic Languages, Indefinite Pronouns, Negative Polarity Items, Negative Concord Items*

Introduction

Most languages have special means to refer to entities that are unknown to the speaker or irrelevant to the discussion. Such entities are usually called indefinite in grammar descriptions. Indefiniteness may be expressed by pure syntactic and prosodic means as well as lexically, usually by determiners or by indefinite pronouns, which are the topic of this research.

Indefinite pronouns have traditionally been part of major discussions in theoretical linguistics such as the semantics of indefinite noun phrases (see (Brasoveanu and Farkas, 2016) and literature therein) or polarity sensitive items ((Giannakidou, 2011) and many others). However, for a long time, this discussion was restricted to well-studied European languages, English in the first place. The situation changed at the end of the 1990s, but many languages have remained understudied in this respect up to these days.

Unfortunately, Finnic languages are no exception to that. The most thoroughly described system of indefinite pronouns is Finnish. A general description of this system is given in (Haspelmath, 1997: 27). There also exist analyses of the semantics of the indefinite pronouns (Karttunen and Peters, 1980; Lohiniva, 2018). Veps has also been given much attention. H. Hienonen discusses the distribution of the major series of indefinite pronouns in Veps and provides a semantic map (Hienonen, 2010). The unmarked indefinite pronouns and the series borrowed to Veps from Russian are discussed in (Karjalainen, 2016), (Karjalainen, 2019), respectively. The system of Estonian indefinite pronouns, to the best of my knowledge, has not been discussed from a typological perspective, but some research was done on the pronoun *min-gi* – ‘which-ADD’ (Pajusalu, 2000) and *kee-gi* – ‘who-ADD’ (Pook and Lindström, 2022). Finally, the volume on the negation in Uralic languages (Miestamo, Tamm and Wagner-Nagy, 2015) must be mentioned where some information on negative pronouns in Finnish, Estonian, Livonian and Votic is provided as well as a general overview of the indefinite pronouns in Uralic (Van Alsenoy and van der Auwera, 2015).

This research tries to reduce this gap to some extent. It provides the description of the indefinite pronouns which are usually labeled as negative pronouns¹ because their distribution is

¹ Another tradition suggests that negative pronouns include only those pronouns that contain a negative marker, e.g. English *no-* or Russian *ni-* series (Penka, 2011). This approach may be beneficial for developing a separate from other in-

limited to negative and, perhaps, some closely related context in Finnic languages. The data comes from the translations of the New Testament into six languages: Estonian, Finnish, Livvi and North Karelian, Seto and Veps.

Negative pronouns are usually divided into two classes, discussed in the literature. We will argue that the negative pronouns in North Karelian and Finnish are best characterized as Negative Polarity Items (NPI), whereas the units in Livvi Karelian and Veps behave like Negative Concord Items (NCI). Estonian and Seto do not have dedicated negative pronouns. Instead, the *-gi* series is used, which has a very broad distribution. However, in Estonian, these pronouns may be additionally modified with the constituent negation marker in negative contexts.

The article is organized as follows. In section 2, the main properties of NPIs and NCIs are discussed. Section 3 provides some background information on the system of indefinite pronouns in Finnic languages and discusses their form and distribution. NPIs in the Finnic languages are discussed in section 5. Finally, Section 6 is dedicated to NCIs.

2. Properties of negative pronouns

2.1. Negative Polarity Items

As was mentioned, negative pronouns are generally not treated as a single class in the literature and could be split into at least two subclasses which partially coincide in their distribution. These subclasses are NPIs and NCIs. We will start our discussion with NPIs. Since the literature on this topic is vast, we will limit ourselves to the general information concerning their distribution and key properties.

NPIs are constituents that are excluded from assertive episodic contexts. A canonical example of an NPI is the English determiner *any*.

(1) John has *(not) seen any camels

Any can also occur in other contexts which do not contain explicit negation. Those include the antecedent of the conditional construction, (2a) the restrictor of the universal quantifier (b), and adverbial predicates (c).

(2) a. If you say anything about this, I'll be very upset	(Giannakidou, 2011: #26a)
b. Every student who saw anything contacted the police	(Giannakidou, 2011: #25a)
c. I doubt that John will have any complaints	(Chierchia, 2013: 129)

Multiple ideas were suggested to account for such distribution. The most widespread hypothesis nowadays seeks to find the common meaning component shared by the contexts that license NPI and thus are semantic in nature. These are the so-called downward-entailment hypothesis (Fauconnier, 1975; Ladusaw, 1979; Kadmon and Landman, 1993; Chierchia, 2013 and others)² and non-veridicity hypothesis (Zwarts, 1995; Giannakidou, 1998 and others)³. It should be noted, though,

definite pronouns analysis of these units. However, such terminology might obscure the vicinity of these units in terms of their distribution to other indefinite pronouns discussed in this article.

² Downward entailment could be loosely defined as follows. Suppose that there are two expressions R1 and R2 such that R2 is semantically stronger (i.e. R2 is a subset of R1) and a downward-entailing operator *f*. Then the following holds: *f*(R1) → *f*(R2). For example, the expression *Snowball is a white cat* entails that *Snowball is a cat* but not versa. The negation reverses the entailment: *it is not the case that Snowball is a cat* → *It is not the case that Snowball is a white cat*. For a more thorough discussion see (Chierchia 2013) and others.

³ An operator *f* is veridical if the following holds: *f*(*p*) → *p*, otherwise it is non-veridical. An example of a veridical context is an assertive episodic sentence, e.g. *John read a book*. Non-veridical contexts include downward-entailing contexts as well as some others, e.g. modals *John can read a book* → *John read a book*.

that both approaches have some flaws in terms of their empirical and theoretical adequacy, see the discussions in (Chierchia, 2013; Giannakidou, 2018).

It was also noted that not all NPIs are equal. For instance, the temporal expression *in weeks* is reported to be an NPI (3). However, unlike *any*, it cannot be used in the antecedent of the conditional construction (4) and some other downward-entailing contexts.

(3) I have *(n't) seen Mary in weeks (Penka, 2020: #25.a)

- (4) a. If Bill has ever seen anyone, he is keeping it a secret.
b. *If Bill has seen Mary in weeks, he is keeping it a secret.
(Gajewski, 2011: #40.a, b)

The expressions like *any* are usually called weak NPIs whereas those like *in weeks* are strong NPIs. This distinction will be important for the discussion of the Finnish and Karelian negative pronouns.

Summing up, we will consider an indefinite pronoun an NPI if it is excluded from assertive episodic contexts and if the contexts it occurs are somehow connected to negation (by virtue of being downward-entailing or non-veridical).

2.2 Negative Concord Items

Another class of negative pronouns discussed in the article are NCIs ((Zeijlstra, 2004; Penka, 2011; Giannakidou and Zeijlstra, 2017) and others). They are similar to NPIs in terms of the distribution, since they are also used in negative contexts. Another property of NCIs is that they contain some marker of negation. A typical example of NCI are the Russian *n'i-* pronouns.

- (5) *n'i-kto* *n'e* *poše-l* *v* *k'ino*
NEG-who NEG go-PST in cinema.ACC
'No one went to the cinema'.

Unlike NPIs, NCIs usually require an overt negation marker to be present in the structure. It means, for example, that they cannot be licensed by adversative predicates as shown in (6) where the NPI *-libo* series but not the *n'i-* series⁴ is possible.

- (6) *somn'evaj-us'* *čto* **n'i-kto /* *kto-l'ibo* *znaj-et* *èto*
doubt-1SG that NEG-who who-INDEF know-3SG this.ACC
'I doubt that anyone knows this'.

Another well-known difference is the ability of NCIs to be used in fragment answers.

- (7) *– kto* *t'eb'e* *pomoga-l?*
Who you.DAT help-PST
– n'i-kto / **kto-l'ibo*
NEG-who who-INDEF
'– Who helped you?
– No one'.

⁴ For the discussion of Russian NPIs see (Pereltsvaig, 2000)

The local dependency on the overt marker of negation and presence of negative morphology on these items suggest that NCIs are licensed by some syntactic mechanism, and one of the most prominent analyses of these units (Zeijlstra, 2004) explores the idea that they are licensed by the syntactic operation Agree. Moreover, it is argued that there is a distinction between so-called strict NCIs like the Russian *n'i*-series and non-strict which are attested in Romance languages ((Zeijlstra, 2004) and others). However, the status of the latter group is doubted by some researchers (see the recent discussion in (Россяйкин, 2021)). I will not take part in this discussion, since the Finnic languages analyzed here do not have non-strict negative concord.

Therefore, the main properties of NCIs relevant for the present research are their local dependence on the overt marker of negation and their ability to be used as fragment answers.

3. Indefinite Pronouns in Finnic languages

3.1. Formal properties

As discussed in (Haspelmath, 1997), indefinite pronouns usually occur in series formed with the indefiniteness marker and the ‘rootlike’ part referring to some ontological category which is usually expressed by the interrogative pronoun or the generic noun such as ‘person’, ‘thing’, etc.

In Finnic languages, they are formed from the interrogative pronouns. It is most common for the indefiniteness marker to follow the stem, the only exception being the *ni*- prefix in Veps and Livvi Karelian, which was borrowed from Russian (Blockland, 2011: 4). Unmarked indefinite pronouns are attested in Livvi and North Karelian. Case and number markers precede the indefiniteness marker. The locative forms are based on the genitive stem.

At the end of this section, the table showing the main forms of the discussed pronouns formed from *mi*- ‘what’ and *ken* – ‘who’ (Karelian) is provided.

Table 1

Main forms of negative pronouns in Finnic languages

Case\ Language	Estonian	Finnish	Livvi Karelian	North Karelian	Seto	Veps
NOM	<i>mis-ki</i> <i>kee-gi</i>	<i>mi-kään</i> <i>ku-kaan</i>	<i>ni-mi</i> <i>ni-ken</i>	<i>mi-känä</i> <i>ken-känä</i>	<i>miä-ki</i> <i>kiä-ki</i>	<i>ni-mi</i> <i>ni-ken</i>
GEN	<i>mille-gi</i> <i>kelle-gi</i>	<i>min-kään</i> <i>kenen-kään</i>	<i>ni-min</i> <i>ni-kenen</i>	<i>min-känä</i> <i>kenen-känä</i>	<i>min-ki</i> <i>kin-ki</i>	<i>ni-min</i> <i>ni-kenen</i>
PART	<i>mida-gi</i> <i>keda-gi</i>	<i>mitä-än</i> <i>ketä-än</i>	<i>ni-midä</i> <i>ni-kedä</i>	<i>mitä-nä</i> <i>ketä-nä</i>	<i>midä-gi</i> <i>kedä-gi</i>	<i>ni-midä</i> <i>ni-keda</i>

3.2. Distribution

Indefinite pronouns differ in their distribution. M. Haspelmath (1997) distinguishes nine main functions in which indefinite pronouns are used cross-linguistically. Specific indefinite pronouns could be used and interpreted independently of another semantic operator. Accordingly, non-specific are grammatical only in the presence and in the scope of such. Depending on the operator, different functions of non-specific pronouns are distinguished.

These functions are relevant to our data as well. The major series of indefinite pronouns in the languages under consideration are given in Table 2 according to the functions they perform in the text. The negative pronouns are written in bold.

Table 2

Distribution of indefinite pronouns in the discussed Finnic languages

Function\ Language	Estonian	Finnish	Livvi Karelian	North Karelian	Seto	Veps
SPECIFIC KNOWN	<i>-gi</i>	<i>-kin</i>	<i>n\ a</i>	<i>n\ a</i>	<i>-gi</i>	<i>n\ a</i>
SPECIFIC UNKNOWN	<i>-gi</i>	<i>-kin</i>	<i>-lienne</i> <i>-tahto</i>	<i>-lienöy</i> <i>-nih</i>	<i>-gi</i>	<i>-se</i>
NON-SPECIFIC, IRREALIS	<i>-gi</i>	<i>-kin</i>	<i>-tahto</i>	<i>-nih</i>	<i>-gi</i>	<i>-se</i> <i>-ni</i>
CONDITIONAL PROTASIS	<i>-gi</i>	<i>-kin</i>	<i>-tahto</i> <i>unmarked</i>	<i>-nih</i> <i>unmarked</i>	<i>-gi</i>	<i>-se</i> <i>-ni</i>
COMPARATIVE	<i>n\ a</i>	<i>n\ a</i>	<i>-tahto</i>	<i>-nih</i>	<i>n\ a</i>	<i>-ni</i>
POLAR QUESTION	<i>-gi</i>	<i>-kaan</i> ⁵ <i>-kin</i>	<i>-tahto</i> <i>unmarked</i>	<i>-nih</i> <i>-kana</i> <i>unmarked</i>	<i>-gi</i>	<i>-ni</i>
INDIRECT NEGATION	<i>-gi</i>	<i>-kaan</i>	<i>-tahto</i>	<i>-kana</i> <i>-nih</i>	<i>-gi</i>	<i>-se</i> <i>-ni</i>
DIRECT NEGATION	<i>(mitte) -gi</i>	<i>-kaan</i>	<i>ni-</i>	<i>-kana</i>	<i>-gi</i>	<i>ni-</i>
FREE CHOICE	<i>tahes</i>	<i>tahansa</i>	<i>-tahto</i>	<i>vaikka</i>	<i>taht</i>	<i>taht</i>

4. Negative polarity items in Finnic languages

As it was discussed in Section 2.1. the main property of NPIs is their licensing by the contexts that bear some semantic resemblance to negation (downward entailment or non-veridicity). Two series of indefinite pronouns have such distribution – the Finnish *-kaan* series and the North Karelian *-kana*, which are formed with the bound additive operator, the distribution of which is restricted to negative contexts (see the analysis of this item in Finnish in (Lohiniva, 2018)).

I will begin with a discussion of the Finnish and the Karelian pronouns. The data does not suggest any differences between these series, so they will be analyzed together.

The main context they occur is in direct negation.

(8) a. FINNISH

Ja hän e-i sallí-nut kene-n-kään muu-n
and (s)he NEG-3SG allow-PTCP.PST who-GEN-ADD other-GEN
seura-ta mukana-nsa kuin Pietari-n
follow-INF with-POSS.3SG except Peter-GEN

b. NORTH KARELIAN

Hiän e-i otta-n ketä-nä muuta kerallah
(s)he NEG-3SG take-PTCP.PST who.PART-INDEF other-PART with
kuin Petri-n
except Peter-GEN

‘And he allowed no man to follow him except Peter’. (Mk. 5.37)

There are also cases when they occur in indirect negation. For example, it can be used in the complement clause of *tahtoa* (North Karelian *tahtuo*) – ‘want’ if the matrix clause is negated.

⁵ Possible vowel harmony and the loss of the initial /k/ is not reflected for more transparent representation

- (9) a. FINNISH
e-i=kä tahto-nut että
 NEG-3SG=too want-PTSP.PST that
kuka-an sa-isi-Ø si-tä tietä-ä
 who-ADD get-COND-3SG that-PART know-INF
- b. NORTH KARELIAN
e-i=kä tahto-n jotta
 NEG-3SG=too want-PTCP.PST if
ken-känä ša-is-Ø šii-tä tietyä
 who-INDEF get-COND-3SG that-PART know-INF
 ‘And he did not want anyone to know that’. (Mk.7.24)

Other cases of indirect negation include the clauses headed by the nominalized verb forms (10) in the abessive case or the adversative predicate *kieltää* – ‘forbid’ (11).

- (10) a. FINNISH
ja kulutta-nut kaike-n omaisuute-nsa
 and spend-PTCP.PST all-GEN property.GEN-POSS.3SG
saa-ma-tta mitä-än apu-a
 get-NMLZ-ABE what.PART-ADD help-PART
 ‘And she spent everything she had without getting any help’ (Mk. 5.26)
- b. NORTH KARELIAN
Näin työ anna-tta häne-llä valla-n olla
 so you give.PRS-2PL (s)he)-ADE/ALL free-GEN be-INF
ruata-ma-tta mitä-nä tuato-n tahi hyvä-kši
 work-NMLZ-ABE what.PART-INDEF father-GEN or good-TRANSL
 ‘So you let them be without doing anything good for their mother or father’ (Mk.7.12)
- (11) a. FINNISH
Ja hän kiels-i-Ø ankarasti hei-tä
 and (s)he forbid-PST-3SG strictly they-PART
anta-ma-sta kene-lle-kään tieto-a täs-tä
 give-NMLZ-ELA who-ALL-ADD knowledge-PART this-ELA
- b. NORTH KARELIAN
Iisussa kielt-i-Ø hei-tä lujasti
 Jesus forbid-PST-3SG they-PART firmly
šano-ma-šta täš-tä ke-llä-nä
 say-NMLZ-ELA this-PART who-ADE/ALL-ADD
 ‘And he strictly forbade them to tell anyone about this’. (Mk. 5.43)

The contexts above and the absence of these pronouns in other downward-entailing or non-veridical contexts suggest that they have a distribution of strong NPIs. However, they can also be used in polar questions.

- (12) a. FINNISH
voi-Ø=ko Nasareti-sta tulla mitä-än hyvä-ä
 can-3SG=INTER Nazareth-ELA come-INF what.PART-ADD good-PART

- b. NORTH KARELIAN
Voi-t=ko Nasareti-sta tulla mitä-nä hyvy-ä
 can.PRS-2SG=INTER Nasareth-ELA come.INF what.PART-ADD good-PART
 ‘Can anything good come from Nasareth?’ (Jn. 1.46)

Polar questions are the next extension of NPIs beyond contexts of negation in many languages (Giannakidou, 2011: 1671). However, this fact still poses many problems for the theories of NPI (see (Guerzoni and Sharvit, 2007)). It is also often noted that questions containing NPIs are negative-biased (ibid.). Our data does not provide evidence for or against this claim. Along with examples like (12), which do seem negative-biased, there is also quite neutral (13) (in the parallel example from North Karelian the unmarked series is used). It is also reported that Finnish *-kaan* pronouns do not add negative-bias effect (Kaiser, 2002: 204).

- (13) FINNISH
Lapse-t on=ko tei-llä mitä-än syö-tä-vä-ä
 child-PL be.3SG=INTER you-ADE what.PART-ADD eat-IPS-PTCP.PRS.-PART
 ‘Children! Do you have any food?’ (Jn. 21.5)

Another feature of *-kaan/-kana* series which is uncharacteristic of NPIs in most European languages is their ability to be used in the subject position of the clause (14). This is problematic for theories of NPI because it is usually assumed that an NPI must be structurally below negation to be licensed. Some researchers suggest that subject NPI is a feature of SOV-languages and propose that the subject position in those languages must be below the negation (see the discussion in (Россяйкин, 2022: 158)). Finnish and North Karelian data clearly contradicts such generalization, since these languages are SVO.

- (14) a. FINNISH
e-i kuka-an ole jumala-a milloin-kaan näh-nyt
 NEG-3SG who-ADD be god-PART when-ADD see-PTCP.PST
 ‘No one has ever seen the God’ (Jn. 1.18)
- b. NORTH KARELIAN
Ken-känä e-i ota tilkku-o uuvve-šta vuattie-šta
 who-ADD NEG-3SG take patch-PART new-ELA cloth-ELA
 ‘No one takes a patch from new clothes’. (Lk. 5.36)

However, the syntax of the constructions involving NPIs clearly differs in Finnish from standard negation, the difference being the preposition of the negative marker in relation to the subject. There is one example (against 27 with the inversed word order), though, which shows that this word order is not obligatory (15) and in North Karelian the negation marker in most cases follows the subject NPI (14b). Further research on these constructions is needed to understand the interaction between negation and subject NPIs.

- (15) FINNISH
Ja ku-kaan e-i voi-nut vasta-ta häne-lle sana-a-kaan
 and who-ADD NEG-3SG can-PTCP.PST answer-INF he-ALL word-PART-ADD
 ‘And no one could say a word to him’. (Mt. 22.46)

We may now conclude that the respective series in Finnish and North Karelian are best described as strong NPIs. Most of the observed deviations (licensing in questions, are well-attested cross-linguistically but require further investigation both in terms of acquiring more data and developing a theoretical analysis.

5. Negative Concord Items in Finnic languages

NCIs were defined in section 2.2. as items which bear some negative marker on them and depend on the presence of the overt marker of sentential negation. There are two classes of negative pronouns in the Finnic languages we discuss which have these properties – the Livvi Karelian and Veps *ni*- pronouns and the *mitte* wh-*gi* constructions in Estonian.

We will start the discussion with the latter constructions. As was shown in Table 2, Estonian and Seto make use of the indefinite pronouns formed with the additive clitic *-gi*, which are used in all functions except free choice. There are multiple cases when they are used in direct negation as well.

- (16) a. ESTONIAN
nei-l *ei* *ole* *mida-gi* *süüa*
 they-ADE NEG be what.PART-INDEF eat.INF
- b. SETO
näi-l *olõ-i* *midä-gi'* *süvvä'*
 they-ADE be-NEG what.PART-ADD eat.INF
 'They have nothing to eat'. (Mt.15.32)

However, in Estonian, they can be additionally modified in this function by the marker of constituent negation *mitte*. The distribution of this construction is limited to direct negation.

- (17) ESTONIAN
mitte *kee-gi* *ei* *ole* *näi-nud* *isa*
 CNEG who-ADD NEG be see-PTCP.PST father
peale *selle* *kes* *on* *Jumala* *juurest*
 except that.GEN who be.3SG god-GEN from
 'No one has seen the Father except the one [sent from] the God'. (Jn. 6.46)

It should be noted, though, that there are no examples attested in which this construction would be used in fragment answers. In this case, the marker of the sentential negation *ei* is used.

- (18) ESTONIAN
kas *kee-gi* *ei* *ole* *sin-d* *surm-a*
 INTER who-INDEF NEG be you-PART death-PART
mõist-nud *ei* *kee-gi* *Issand!*
 understand-PTCP.PST NEG who-INDEF lord
 'Has anyone judged you? – No one, o Lord'. (Jn. 8.10–11)

Let us proceed with the Livvi Karelian and Veps data. These languages make use of the *ni*-pronouns, which occur specifically in the direct negation function. As can be also seen from these examples, the marker *ni* could be used independently as the additive operator in the contexts of negation.

- (19) a. LIVVI KARELIAN
ni-ken *e-i* *voin-nuh* *sanuo* *häne-le* *vastah*
 INDEF-who NEG-3SG can-PTCP.PST speak.INF he-ALL against
ni *ühtü* *sanu-a*
 ADD one.PART word-PART

- b. VEPS
ni-ken e-i voi-nd sanu-da häne-le
 INDEF-who NEG-3SG can-CONN say-INF he-ALL
ni üht sana-d
 ADD one word-PART
 ‘No one could say a word to him’ (Mt. 22.46)

Though these items might seem identical in Veps and Livvi Karelian, some differences can be attested between them. First, the *ni*-pronoun is used in fragment answers only in the Veps text. It is used with the additional negative marker *ei* in Livvi Karelian (20.b).

- (20) a. VEPS
e-i=ik ni-ken sudi-nd sin-dai
 NEG-3SG-INTER INDEF-who judge-CONN you-PART
ni-ken hüvä mez'
 INDEF-who good man
- b. LIVVI KARELIAN
E-i=go ni-ken suudi-nuh sinuu
 NEG-3SG=INTER INDEF-who judge-PTCP.PST you.PART
izändü ei ni-ken
 lord NEG INDEF-who
 ‘Has anyone judged you? No one, Lord’. (Jn. 8.10–11)

Second, the data suggests the difference in the local domain in which *ni*-pronouns can be licensed. It is shown in (21), where the *ni*-pronoun is used in the complement infinitival clause of the negated verb *mennä* in Livvi Karelian. In the example from Veps, which seems to be structured in the same way in the relevant aspects, the *-ni* series is used which is restricted to non-specific functions.

- (21) a. LIVVI KARELIAN
Ken ku ollou levo-l häne-l e-i
 who if be.POT.3SG roof-ADE he-ADE NEG-3SG
pie heittüö ala-h
 need descend-INF down-ILL
e-i=go mennä perti-h ni-midä otta-ma-h
 NEG-3SG=INTER go-INF house-ILL INDEF-what.PART take-NMLZ-ILL
- b. VEPS
Ken om katuse-l ka al-gha män-goi alaha-ks
 who be.3SG roof-ADE PTCL PROH-3SG go-CONN down-TRANSL
pert'-he ot-ma-ha midä-ni sigä-päi
 house-ILL take-NMLZ-ILL what.PART-INDEF there-from
 ‘Whoever is on the roof, don’t go down into the house to take anything from there’.
 (Mk. 13.15)

These examples show that NCIs in Livvi Karelian and Veps may have different properties. The most important evidence comes from the fragment answer examples (20), which might suggest that *ni*-pronouns in Livvi Karelian might be not NCI at all, but its distribution and morphological form suggest otherwise.

Conclusion

This research has discussed the series of negative pronouns in 6 varieties of the Finnic languages represented in the translations of the Gospel texts. The distribution of these items was discussed and a classification was proposed.

The negative pronouns in Finnic languages could be divided into two classes, which are discussed in the literature and can be distinguished according to their distribution. The first class is formed by various NPIs. It is shown that they are present in Finnish and North Karelian, in which NPIs based on the negative additive operator *-kaan / -kana* are attested. Their distribution is limited to the functions of direct and indirect negation and polar questions. The second class is constituted by NCIs, which are found in Livvi Karelian and Veps. These languages make use of the borrowed from the Russian prefix *ni-*, which attaches to the interrogative pronouns. These forms can only occur in the presence of the clausemate sentential negation marker.

The study leaves many questions unanswered. First, these are empirical questions, such as the differences between *mitte wh-gi* construction and the *wh-gi* indefinite pronoun in Estonian or the exact distribution of the *ni-* pronouns in Livvi Karelian and Veps in terms of the local domain they may be used with regard to the negation marker and the ability to occur in fragment answers.

Finnic data also poses some theoretical questions. How do we account for the distribution of the Finnish and North Karelian NPIs? How subject NPIs are licensed in these languages? What should the semantics of Estonian and Seto *-gi* pronouns look like to account for the wide distribution of these items? Why do Livvi Karelian and Veps NPIs behave differently with regard to the domains they are licensed in and fragment answers? These questions require further study on separate languages and more data from the speakers of these languages.

Abbreviations

ABE – abessive, ACC – accusative, ADE – adessive, ALL – allative, ADD – additive marker, CNEG – constituent negation, COND – conditional mood, CONN – connegative, DAT – dative, ELA – elative, GEN – genitive, ILL – illative, INDEF – indefiniteness, INF – infinitive, INTER – interrogative, IPS – impersonal, NEG – negation, NMLZ – nominalizer, PART – partitive, PL – plural, POSS – possessive, POT – potential, PROH – prohibitive, PRS – present tense, PST – past tense, PTCL – particle, PTCP – participle, SG – singular, TRANSL – translativ

Sources:

Mi' Issändä Jeesusõ Kristusõ pühä Evangeelium: Matvei, Marki, Luka ni Joanni kirotoõ, 1926 [2013]. . Seto Instituut, Värska.
Pyhä ramattu, 1938. . Suomen Kirkon Sisälähetysseura.
Uuši Šana vienakarjalakši, 2011. . Piipijankiännöšinstituutti, Helsinki.
Uuzi Sana livvikse, 2003. . Biblienkiännändüinstituutti, Helsinki.
Uz' zavet: vepsän kelel, Kodvpainduz. Ed, 2006 . Biblijan Kändmižen Institut, Helsinki.

References:

Blockland R. Borrowability of pronouns: evidence from Uralic // *Finnisch-Ugrische Mitteilugen*. Vol. 35. 2011. P. 1–34.
Brasoveanu A., Farkas D. F. Indefinites / M. Aloni, P. Dekker (eds.). *The Cambridge Handbook of Formal Semantics*. 1st ed. Cambridge University Press. P. 238–266.
Chierchia G. Logic in grammar: polarity, free choice, and intervention. *Oxford studies in semantics and pragmatics*, 2. Oxford: Oxford university press, 2013.
Gajewski J. R. Licensing strong NPIs // *Natural Language Semantics*. No. 19 (2). 2011. P. 109–148.
Giannakidou A. Polarity sensitivity as (non)veridical dependency. *Linguistik Aktuell*, 23. Amsterdam: Benjamins, 1998.

- Giannakidou A.** 64. Negative and positive polarity items / K. von Heusinger, C. Maienborn, and P. Portner (eds.). Vol. 2. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. 2012. P. 1660–1712.
- Giannakidou A.** A critical assessment of exhaustivity for Negative Polarity Items: The view from Greek, Korean, Mandarin, and English // *Acta Linguistica Academica*. 2018. No. 65(4). P. 503–545.
- Giannakidou A., Zeijlstra H.** The Landscape of Negative Dependencies: Negative Concord and N-Words // M. Everaert and H.C. van Riemsdijk (eds.) *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*, Second Edition. Hoboken, NJ, USA: John Wiley & Sons, Inc., 2017. P. 1–38.
- Guerzoni E., Sharvit Y.** A question of strength: on NPIs in interrogative clauses // *Linguistics and Philosophy*. 2007. No. 30(3). P. 361–391.
- Haspelmath M.** Indefinite Pronouns. Oxford: Oxford university press, 1997.
- Hienonen H.** The Implicational Semantic Map for Veps Indefinite Pronouns // *Linguistica Uralica*. 2010. No. 46(4). P. 281–292.
- Kaiser E.** Case Alternation and NPIs in Questions in Finnish // *WCCFL 21 Proceedings*, 2002. P. 194–207.
- Karjalainen H.** Vepsän kielen paljaiden interrogatiivien indefiniittinen käyttö // *Virittäjä*. 2016. No. 120(3). P. 360–397.
- Karjalainen H.** Borrowing morphology // *Uralica Helsingiensia* [Preprint]. 2019. No. 14.
- Karttunen L., Peters S.** Interrogative quantifiers / C. Rohrer (ed.) *Time, Tense, and Quantifiers*. De Gruyter, 1980. P. 181–206.
- Lahiri U.** Focus and Negative Polarity in Hindi // *Natural Language Semantics*. 1998. No. 6. P. 57–123.
- Lohiniva K.** The syntax and semantics of additivity in Finnish. Université de Genève, 2018. URL: <https://archive-ouverte.unige.ch/unige:115531>
- Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B.B. (eds.)** Negation in Uralic Languages. *Typological Studies in Language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015.
- Pajusalu R.** Indefinite determiners mingi and üks in Estonian / E. Mati. (ed.) *Estonian: Typological studies IV*, 2000. P. 87–117.
- Penka D.** Negative indefinites. *Oxford studies in theoretical linguistics*. No. 32. Oxford ; New York: Oxford University Press, 2010.
- Penka D.** Negative and Positive Polarity Items / M.T. Putnam, B.R. Page (eds.) *The Cambridge Handbook of Germanic Linguistics*. 1st ed. Cambridge University Press, 2020. P. 639–660.
- Pook H., Lindström, L.** The use of the indefinite pronoun keegi “someone” in Estonian dialects // *Nordic Journal of Linguistics*. 2022. P. 1–32.
- Rosсыaykin P.** Russkiye ni-mestoimeniya litsenziruyutsya nad otritsaniyem [Russian negative pronouns are licensed above Negation] // *Rhema*. 2021. No. 4. P. 69–118.
- Rosсыaykin P.** Fokusnyy chastitsy i otritsatel'naya polyarnost' [Focus particles and negative polarity] // *Voprosy yazykoznaniya*. 2022. No. 2. P. 30–64.
- Rosсыaykin P.** Sfera deystviya propozitsionalnykh operatorov (na materiale otritsaniya i modal'nosti) [Scope of propositional operators (on the data on negation and modality). Thesis of the kandidat filologicheskikh nauk. MSU, 2022.
- Van Alsenoy L., van der Auwera J.** Indefinite pronouns in Uralic languages / M. Miestamo, A. Tamm, and B. Wagner-Nagy (eds.) *Negation in Uralic Languages. Typological Studies in Language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. P. 517–546.
- Zeijlstra H.** Sentential Negation and Negative Concord. Utrecht: LOT publications, 2004.
- Zwarts F.** Nonveridical contexts // *Linguistic Analysis*. 1995. No. 25. P. 286–312.

Orlov Vladislav Andreevich.

Junior researcher.

Institute of Linguistics of the RAS.

Bolshoj Kislovskij lane, 1, build. 1, Moscow, Russia, 125009.

Email: vladorlov@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 25 октября 2023 г.

В. А. Орлов

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ (ПО ДАННЫМ ПЕРЕВОДОВ ЕВАНГЕЛИЙ)

В работе на материале шести прибалтийско-финских идиомов (вепсского, северного и ливвиковского вариантов карельского языка, сето, финского и эстонского) рассматривается подкласс неопределенных местоимений, который в литературе часто именуется отрицательными местоимениями. Материалом ис-

следования послужили переводы текстов Евангелий на эти языки. Под отрицательными местоимениями подразумеваются такие неопределенные местоимения, которые в основном используются в сфере действия сентенциального отрицания, а также, возможно, в некоторых близких контекстах (контекстах с нисходящей монотонностью или контекстах со снятой утвердительностью). В статье описывается дистрибуция отрицательных местоимений в прибалтийско-финских языках и показывается, что эти единицы распадаются на две группы. В финском и северном карельском языках отрицательные местоимения образуются на основе аддитивного показателя *-kaan/-kana* соответственно, чья дистрибуция ограничена отрицательными контекстами. Дистрибуция этих местоимений соответствует сильным единицам отрицательной полярности (strong Negative Polarity Item (NPI)), поскольку, помимо собственно отрицательных контекстов, они могут употребляться при предикатах с импликацией отрицания, во вложенной клаузе при отрицании матричного предиката, а также в общих вопросах, однако они исключаются из иных контекстов, типичных для NPI, например, не употребляются в протазисе условной конструкции. Для ливвиковского карельского и вепсского языков характерны местоимения с префиксом *ni-*, который был заимствован из русского. Эти единицы ведут себя как единицы отрицательного согласования (Negative Concord Item (NCI)): они могут использоваться только в присутствии в одной локальной области с ними показателя отрицания. Отмечается, что вепсские и ливвиковские местоимения на *ni-* отличаются в дистрибуции. Наконец, для эстонского и сето не характерны специальные отрицательные местоимения. Вместо этого используются местоимения на *-gi*, имеющие крайне широкую дистрибуцию. В эстонском эти местоимения могут в отрицательных контекстах дополнительно модифицироваться показателем присловного отрицания *mitte*.

Ключевые слова: *прибалтийско-финские языки, неопределенные местоимения, единицы отрицательной полярности, единицы отрицательного согласования*

Орлов Владислав Андреевич.

Младший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009.

E-mail: vladorlov@iling-ran.ru

А. К. Прокопьева, С. М. Прокопьева

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА У КОЛОРАТИВОВ ЯКУТСКОГО И АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Актуальность исследования обусловлена тем, что семантика цветообозначений якутского языка до настоящего времени не рассматривалась в ракурсе антропоцентрической направленности семантического переноса с колоративами алтайского языка. Цель работы заключается в выявлении универсального и идиоэтнического в дивергентном и конвергентном направлениях переноса у колоративов якутского и алтайского языков. Анализ семантических структур базовых колоративов в якутском и алтайском языках выявил как общие, так и национально-специфические черты. В якутском и алтайском языках у колоративов в результате дивергентного и конвергентного развития и расширения семантики возникают производно-номинативные, переносные, фразеологические значения. Новизна работы состоит в исследовании дивергентного и конвергентного направлений семантического переноса у колоративов якутского и алтайского языков. При анализе многозначности на лексическом и фразеологическом уровнях выделяются дивергентное и конвергентное направления семантического переноса у языковых единиц. Антропоцентрическая направленность семантического переноса у колоративов якутского и алтайского языков достигает своего апогея при наличии образности у фразеологических единиц (ФЕ) по сравнению с лексическими единицами в силу раздельнооформленности структурного состава и полного или частичного переосмысления компонентного состава ФЕ. Общим методом исследования является индуктивно-дедуктивный, к частным относятся метод компонентного анализа, метод фразеологической идентификации и сравнительный анализ колоративов якутского и алтайского языков. Для установления семантической структуры лексических и фразеологических единиц был использован метод анализа словарных дефиниций, приведенный в лексикографических и фразеографических источниках. Авторы приходят к выводу, что в родственных якутском и алтайском языках универсальных цветообозначений больше, чем идиоэтнических, ввиду того что оба языка входят в восточно-хуннскую ветвь тюркских языков. Дальнейшая разработка данной проблемы представляет интерес в связи с постепенным накоплением научных материалов родственных и неродственных языков. Материалы исследования могут быть использованы в теоретических курсах лекций и на практических занятиях по сравнительно-сопоставительному языкознанию.

Ключевые слова: антропоцентризм, колоративы, якутский язык, алтайский язык, лексический и фразеологический перенос

Введение

По Н. А. Баскакову, якутский язык относится к якутской подгруппе уйгурской группы восточной ветви тюркских языков, алтайский язык – к киргизско-кыпчакской группе данной ветви (Баскаков, 2010: 221).

Теоретическую основу составляют труды Н. А. Баскакова (1985), Э. В. Севортяна (1974), А. М. Щербака (1997), А. Н. Майзиной (2006), Е. В. Крапивник (2015), Л. Л. Габышевой (2009) и т. д. Интерес ученых к колоративам подтверждается изданиями статей, монографий и в настоящее время: цветообозначения как способ категоризации художественной действительности (Рындина, 2022), динамика лексики цвета в русском языке (Перфилова, 2022), семантика хроматических цветообозначений на материале якутского олонхо и алтайских, хакасских эпосов (Божедонова, 2020) и другие.

Материал и методы

Общим методом исследования является индуктивно-дедуктивный. К частным относятся метод компонентного анализа, метод фразеологической идентификации, сравнительный анализ и метод анализа словарных дефиниций, данных в используемых лексикографических

и фразеографических источниках. В качестве источников материала исследования послужили толковые словари, в том числе «Словарь якутского языка» (в 3 томах) Э. К. Пекарского (2008), «Большой толковый словарь якутского языка» (в 15 томах) под редакцией П. А. Слепцова (2004–2018), «Ойротско-русский словарь» Н. А. Баскакова, Т. М. Тощакowej (1947), «Русско-алтайский словарь» под редакцией Н. А. Баскакова (1964), «Алтайско-русский словарь» под редакцией А. Э. Чумакаева (2018).

Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (2001) считают, что пласт хроматической лексики в тюркских языках «можно отнести не только к праязыку, но и к более глубокому, протоязыковому состоянию общетюркского языка, когда происходило формирование многих семантических и формальных категорий» (СИГТЯ, 2001: 592).

Прилагательные-цветонаименования подразделяются Е. В. Крапивником на три вида: автологические, металогические, тропеические (Крапивник, 2015: 34–35).

Антропоцентрическая направленность семантического переноса у колоративов якутского и алтайского языков достигает своего апогея при наличии образности у ФЕ. «Коннотативный компонент значения фразеологизма составляет его основной концепт, функциональную значимость, в соответствии с которой ФЕ появляется в парадигматических отношениях на уровне отбора» (Прокопьева, 1995: 14).

Образная маркированность семантики компонентов в составе ФЕ связана с антропометрическим параметром и релевантна для образования ФЕ. При анализе многозначности ФЕ выделяются дивергентное и конвергентное направления семантического переноса у языковых единиц (Prokorieva, 2014, 2021). При конвергентном развитии семантики слов и ФЕ якутского языка наблюдаются случаи полного или частичного совпадения значений языковых единиц. Дивергентное развитие семантики происходит при несовпадении формальной и/или семантической структуры сравниваемых единиц.

Язык как орудие культуры выражает специфические черты ментальности нации. Культура определяется исследователями как «своеобразная историческая память народа» (Телия, 1996: 226).

По наблюдениям А. Н. Майзиной, «Зачастую формирование цветовой терминологии в рамках той или иной этнической среды зависит от условий быта и жизнедеятельности народа, особенностей местного ландшафта, климата и т. д., в связи с чем и регламентируется общественная потребность людей в выборе конкретных цветовых обозначений» (Майзина, 2006: 17).

Семантическая структура якутских слов манган, үрүҥ и алтайского ак. В тюркских языках белый цвет обозначается словами: «а:q: орх., др.-уйг., аq; крх.-уйг., др.-огуз., ср.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз. аq; хрзм.-т., чаг., ст.-осм. ау – аq; Ю.-З.: тур., гаг. ак; аз. ау, турк. аq; сал. ах; С.-З.: кар., кбалк., кум., тат., башк., ног., ккалп., каз. аq; Ц.-В.: кирг., алт. аq; Ю.-В.: узб., аq, уйг. аq; С.-В.: сюг., чул., тув. тоф. аq, хак. ах; үрүҥ: орх., ен. үрүҥ, др.-уйг. үрүҥ – жүрүҥ (чаще); крх.-уйг., ср.-уйг., ср.-кыпч. үрүҥ, чаг. ewrūṅ; тур. диал. үрүҥ, кирг. (только в сочетаниях) үрүҥ-baraṅ, як. үрүҥ» (СИГТЯ, 1997: 598–601).

Белый цвет в якутском языке представлен двумя лексемами: үрүҥ и манган. Лексема манган считается заимствованной из монгольского языка (ср. цагаан талх ‘белый хлеб’, цагаан тэмээ ‘белый верблюд’, цагаан хаан ‘русский царь’ (досл. белый хан), цагаан цэрэг ‘белогвардеец; белая армия’) (БАМРС, 2001: 1111–1112). Для обозначения белого цвета в алтайском языке служит слово ак.

В пяти номинативно-производных значениях выявилось абсолютное сходство колоративов якутского и алтайского языков: 1. ‘белый цвет’: як. манган/үрүҥ өҥ – алт. ак өҥ; 2. ‘молочные продукты’: як. үрүҥ ас – алт. ак аш (букв.: белая пища); 3. ‘священный’: як. Үрүҥ Айыы ‘божество’ (букв.: белое божество) – алт. ак мал ‘благословенный скот’ (букв.: белый скот); 4. ‘водка’: як. үрүҥ – алт. ак ‘белое’; 5. ‘седой’: як. манган баттах – алт. ак чач ‘седые волосы’.

Колоративы *манган*, *үрүҥ* в якутском и *ак* в алтайском языках содержат положительную коннотацию в обоих исследуемых словах. К примеру, в якутском языке слова *манган*, *үрүҥ* используются в значениях: *үрүҥ күн* ‘белое солнце’, *манган ат* ‘белая лошадь’, *үрүҥ дьиэ* ‘белый дом’ и др. В алтайском языке: *ак мал* ‘белый скот’, *ак чачту* ‘седой’ (букв.: с белыми волосами), *ак јүрөк* ‘чистая душа’ (букв.: белое сердце).

Национальная специфика эксплицирована в дивергентной направленности переноса семантики якутского слова *манган*, *үрүҥ*: 1. ‘хорош во всех отношениях’ – *үрүҥ дьиэ* (букв.: белый дом); 2. ‘чистый, светлый, прекрасный’ (поэт.) – *үрүҥ күн сырдыга* (букв.: свет белого солнца); 3. ‘парадная дверь’ – *үрүҥ аан* (букв.: белая дверь); 4. ‘богатое сословие’ – *үрүҥ дьиэ* (букв.: белый дом); 5. ‘плодотворная работа’ – *үрүҥ көлөһүн* (букв.: белый пот); 6. ‘чистая работа’ (умственная работа, работа в конторе) – *үрүҥ үлэ* (букв.: белая работа); 7. ‘заварник’ – *үрүҥ чаанньык* (букв.: белый чайник); 8. ‘вручить лично в руки’ – *үрүҥ илиитигэр биэр* (букв.: дать в белые руки); 9. ‘император’ – *үрүҥ ыраахтааҕы* (букв.: белый царь); 10. ‘жизнь’ – *үрүҥ тыын* (букв.: белая душа).

В алтайском языке выявлены следующие значения, не присущие якутскому языку: «1. ‘открытый, пустой, голый’ – *ак јалан* ‘чистая, открытая поляна’ (букв.: белая поляна); 2. ‘бельмо’ – *көзине ак түшкен* // *көзине ак түжүн калган* ‘в глазах появилось бельмо’ (букв.: на глаза белое упало); 3. ‘чистый, невинный’ – *ак болзын*» (Майзина, 2006: 84).

ФЕ с колоративным компонентом үрүҥ/ак:

як. *үрүҥ күн сырдыга баҕалаах* ‘жизнь дорога’ (букв.: свет подсолнечного мира желателен), *үрүҥ күнтэн матта* ‘уходить из жизни’ (букв.: [он] лишился белого солнца), *үрүҥ тыынын өрүһүй* ‘спасать от гибели кого-либо, спасать жизнь чью-либо’ (букв.: белое его дыхание спасать) (Нелунов, 2002: 297–299);

алт. *ак сагышту* (ак санаалу) ‘добрый, доброжелательный, отзывчивый’ (букв.: с белыми мыслями); *ак јүрөктү* ‘добрый, добросердечный, добродушный, отзывчивый’ (букв.: с белым сердцем); *актын агы* ‘самый честный’ (АРС, 2018: 47).

Результаты проведенного исследования показывают, что у данных слов представлены пять конвергентных направлений переноса, остальные десять значений репрезентируют дивергентное направление переноса для каждого языка в отдельности.

В целом можно сказать, что совпадения значений якутских слов *манган*, *үрүҥ* и алтайского слова *ак*, в том числе и фразеологических, обусловлены одинаковым восприятием якутами и алтайцами белого цвета как позитивного, благоприятного. В негативном значении слова *манган*, *үрүҥ* и *ак* не употребляются.

Семантическая структура якутского слова хара и алтайского слова кара. Черный цвет *хара/кара* в якутской и алтайской лингвокультуре имеет как негативную, так и положительную коннотацию.

Сходство семантики якутского слова *хара* и алтайского слова *кара* в основном наблюдается на уровне производно-номинативных значений. Общими для данных слов являются значения: 1. ‘темный’: як. *хара түүн* – алт. *кара түн* (букв.: черная ночь); 2. ‘смуглый’: як. *хара кыыс* – алт. *кара кыс* (букв.: черная девушка); 3. ‘грязный’: як. *хара илии* – алт. *кара кол* (букв.: черная рука); 4. ‘зрачок’: як. *харах харата* – алт. *көстүг каразы* (букв.: чернота глаз); 5. ‘печальный’: як. *хара күннэр* – алт. *кара күндөр* (букв.: черные дни); 6. ‘негативный’: як. *хара кэмнэр үүннүлэр* (букв.: настали черные времена) – алт. *Сен бистин сүүжүбистен эмес, каргышту каранан бүткөн болбойун* ‘Наверное, ты родился не от нашей любви, а от проклятого зла’ (букв.: от проклятого черного); 7. ‘темные силы, злые духи’: як. *хара дьай* – алт. *Эй, каралар! Эй, злые духи!* (букв.: Эй, черные!); 8. ‘тяжелая работа’: як. *хара үлэ* – алт. *кара иш* (букв.: черная работа); 9. ‘множество’: як. *хара сэрии кус (түөлбэ)* ‘много уток’ (букв.: черная ар-

мия уток) – алт. *кара черу* ‘многочисленная армия’, *кара јон* ‘народ’ (букв.: черный народ); 10. ‘густой’: як. *хара тыа* – алт. *кара арка* ‘густой лес’ (черный лес); 11. ‘обильный’: як. *хара уу* ‘обильный пот’ – алт. *кара тер* ‘обильный пот’ (букв.: черный пот); 12. ‘совершенно, очень, абсолютно’: як. *хара сарсыардаттан* ‘с раннего утра’ (букв.: с черного утра) – алт. *кара јойу* ‘совершенно пеший’ (букв.: черный пеший).

В семантической структуре якутского слова *хара* благодаря дивергентному направлению переноса возникли присущие только данному языку коннотации: 1. ‘мясная, рыбная пища’: *харата суох олороллор* ‘живут без мяса/рыбы’ (букв.: живут без черной пищи); 2. ‘человек’ (эвф.): *Хараларым – дьонум* (А. Е. Кулаковский) (букв.: Мои черные – мои люди) 3. ‘выйти в люди’: *киһи-хара буол*; 4. ‘низшая каста, низший слой’: *хара дьуэ* ‘пристрой или меньшая часть дома, служащая кухней, а в старину – помещением для прислуги’ (букв.: черный дом); 5. ‘с самого начала, от начала’: *хара маннайгыттан* (букв.: с черного начала); 6. ‘результат тяжелой работы’: *хара көлөһүммүн тохтум* ‘проделал тяжелую работу’ (букв.: пролил черный пот); 7. ‘потроха’: *хара ис* (букв.: черная внутренность); 8. ‘второе половодье’: *хара уу* (букв.: черная вода); 9. ‘питательная жидкость, заполняющая защитную оболочку плода, околоплодные воды’ (у коров или кобыл): *хара уу* (букв.: черная вода); 10. ‘жить впроголодь’: *хара уунан* (на одной только воде) (букв.: на черной воде). 11. ‘неотделанное еще (что-либо железное), вышедшее прямо из-под молотка’: *баллай харата, баллыр харата*; 12. ‘для виду, нехотя, через силу’: *аат эрэ харата*; 13. ‘рогатый скот’: *хара түүлээх* (букв.: имеющий черную шерсть). Якуты крупный рогатый скот называют *хара түүлээх*, а лошадей – *үрүн түүлээх*; 14. ‘лиственничный строевой лес на корню’: *хара мас* (букв.: черное дерево); 15. ‘черный, черновой пол для утепления’: *хара муоста* (букв.: черный пол); 16. ‘дождь, перемежающийся со снегом’: *хара самыыр* (букв.: черный дождь); 17. ‘крутой обрывистый берег, яр, обрыв’: *хара сыыр* (букв.: черная горка); 18. ‘болезнь растений, вызываемая почвенными грибами, когда на корнях и прикорневой части стебля появляются серо-свинцовые пятна с черными точками, ризоктониоз, черная парша’: *хара атах* (ымынах) (букв.: черная ножка).

В алтайском языке выявлены в результате дивергентного направления переноса значения образные омонимичные значения, не присущие якутскому языку: 1. ‘лучший’: *каразын талдап* ‘выбирая лучших’ (букв.: выбирая черных); 2. ‘без примеси’: *кара чай* ‘чай без молока’; 3. ‘крепкий’: *кара болот* ‘стальной меч’ (букв.: черный меч).

На фразеологическом уровне конвергентность направления переноса значения эксплицирована в якутском и алтайском языках четырьмя абсолютно совпадающими ФЕ с компонентами *хара/кара* ‘черный’: 1) ‘злой, коварный, злопамятный’: як. *хара санаалаах* – алт. *кара санаалу* (букв.: с черными мыслями); 2) ‘злой умысел, злобность’: як. *хара санаа* – алт. *кара санаа* (букв.: черная мысль); 3) ‘гневаться’: як. *хара хааны кыыннаа* – алт. *кара каны кайна* (букв.: черная кровь-его кипит); 4) ‘мало’: як. *тынгырах харатын саҕаны* – алт. *тырмактын-каразынча* (букв.: с ногтевую черноту).

Следует особо отметить яркую образность и широко разветвленное направление переноса в якутском языке слова *хара* в отличие от алтайского, что свидетельствует о богатом образном мышлении якутов при вербализации окружающей действительности.

Семантическая структура якутского слова *кыһыл* и алтайского слова *кызыл*. О символике красного цвета в алтайской лингвокультуре А. Н. Майзина пишет: «В мировосприятии алтайцев красный цвет олицетворяет собой молодость, красоту, здоровье... ассоциируется с огнем, кровью, символизирует физическую силу, мощь, жизненные силы» (Майзина, 2006: 126).

Анализ семантических структур якутского *кыһыл* и алтайского слова *кызыл* показал, что у рассматриваемых слов имеются шесть конвергентных направлений переноса: 1. ‘цвет’: як. *кыһыл күн* – алт. *кызыл күн* (букв.: красное солнце); 2. ‘алый, румяный’: як. *кыһыл издэс* – алт. *кызыл јаак* ‘румяные щеки’ (букв.: красные щеки); 3. ‘рыжий’: як. *кыһыл бытык* – алт. *кызыл*

сагал ‘рыжая борода’ (букв.: красная борода); 4. ‘спелый’: як. *кыһыл отон* ‘брусника’ – алт. *кызыл алама* ‘красное яблоко’; 5. ‘красноармеец’ (ист.): як. *кыһыл* – алт. *кызыл* (букв.: красный); 6. ‘алый, румяный’ (о щеке) як. *кыһыл издэс* – алт. *кызыл качар*.

Выявлено четыре специфических значения слова *кызыл* алтайского языка: «1. ‘молодой, здоровый, крепкий’: *кызыл-марал кыстар* ‘юные девушки’ (букв.: красные багульник девушки); 2. ‘красивый’: *Кымыс кызыл* ‘Кымыс хороша, красива’ (букв.: Кымыс красная); 3. ‘жизнь’: *кызыл тын* (букв.: красное дыхание); 4. ‘абсолютно, совершенно’: *кызыл эт* ‘голый’ (букв.: красное тело)» (Майзина, 2006: 131).

У ФЕ с колоративным компонентом *кыһыл/кызыл* ‘красный’ сравниваемых языков имеются три полностью совпадающих значения: 1) ‘пустословие, фразерство’: як. *кыһыл тылынан* – алт. *кызыл тилле* (букв.: красным языком); 2) ‘голыми руками’: як. *кыһыл илиитинэн* – алт. *кызыл колло* (букв.: красными руками); 3) ‘с пустыми руками’: як. *кыһыл ытыһынан* – алт. *кызыл кол* (букв.: с красными ладонями/руками).

Семантическая структура слова *күөх* и алтайского слова *көк*. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» говорится о неясной этимологии слова *көк*: «Первичная семантика слова *көк* – ‘небо’. В процессе развития слово приобрело значение цветов по характеру различных окрасок неба: ‘синий, голубой, сизый, серый, зеленый’ – развитие семантики шло от существительного к прилагательному» (СИГТЯ, 2006: 331).

«Синий цвет в мировоззрении алтайцев воспринимается как цвет неба и ассоциируется с силой, мощью, молодостью и вечностью, чему способствовал культ неба – тенгрианство... также с образом синего, серого волка – тотемом-прародителем могущественных тюрков» (Майзина, 2006: 161–162). У якутов голубой и синий цвета являются символами «синего бездонного пространства с “синим дыханием” (*күөх тыын*), а также “салгын кут” (‘воздух-душа’))».

В семантических структурах слов *күөх/көк* обнаружено шесть одинаковых значений. Но в отличие от алтайского слова *көк* якутское слово *күөх* не имеет значений ‘седой’ и ‘серый’.

Конвергентность направления переноса проявляется в следующих значениях: 1. ‘цвет’: як. *күөх от* ‘зеленая трава’ – алт. *көк тенгери* ‘синее небо’; 2. ‘молодая, свежая трава, зелень’: як. *быйылгы күөх* – алт. *көк*; 3. ‘синяк’: як. *күөх баламах* ‘сплошные синяки’ – алт. *көзи көк* ‘глаз-его в синяке’ (букв.: глаз (его) синий); 4. ‘голубой’: як. *сырдык халлаан күөбэ* – алт. *көк тенгери* ‘голубое небо, синее небо’; 5. ‘зеленый’: як. *от күөбэ* – алт. *көк обоо* ‘зеленый (свежий) стог’; 6. ‘серый’: як. *күөх бөрө көтүтүгэр охтор үсү* (заг.) (Пек.) ‘говорят, серый волк на прыжке падает’ (дым) – алт. *көк бөрү* ‘серый волк’ (букв.: синий волк); 7. ‘незрелый’: як. *күөх отон* ‘незрелая ягода’ – алт. *көк арбанын чарагы* ‘зерно неспелого ячменя’.

В семантической структуре якутского слова *күөх* найдены четыре дивергентных направления переноса: 1. ‘вена’: *күөх тымыр* (букв.: синяя вена); 2. ‘пора, отличающаяся появлением зелени’: *күөххэ тиийбит киһи* ‘дожить бы до лета’; 3. ‘жизнь’: *күөх тын* (букв.: голубое дыхание) (Пек.); 4. ‘неудача, несчастье’: *күөх дьай* (устар.) (букв.: синяя сила).

В алтайском языке выявлены омонимичные по отношению к якутскому языку значения: «1. ‘небо’: *көк*; 2. ‘седой’: *көк баишту кижии* ‘человек с седыми, пепельного цвета волосами’ (букв.: ‘человек с синей головой’); 3. ‘бог’: *көк / көк тенгери* ‘голубое небо, синее небо’; 4. ‘совершенно, абсолютно’: *көк төгүн* ‘абсолютная ложь’ (букв.: синяя ложь)» (Майзина, 2006: 173–174). Различия данных слов обнаруживаются в основном при дивергентном развитии переносных значений.

В сравниваемых языках имеются две ФЕ с конвергентным направлением переноса компонентов *күөх/көк* ‘синий, зеленый’: 1) ‘лентяй’: як. *күөх сүрэх* (букв.: зеленое сердце) / *күөх көтпө* (лодырь, бездельник) – алт. *көк житке* (букв.: синий затылок). Здесь в образовании ФЕ, обозначающей *лентяй*, использованы разные соматизмы; 2) ‘большой, абсолютный лгун’: як. *күөх албын* – алт. *көк төгүнчи* (букв.: зеленый лгун).

Семантическая структура якутского слова *борон* и алтайского слова *боро*. Серый цвет в якутском языке обозначается словом *борон*, в алтайском – *бос* (реже) и *боро*. Данные цвето-наименования считаются заимствованными из монгольского языка. В других тюркских языках серый цвет обозначается словом *боз*. «Предпочтительность монгольского варианта *боро* в тюркских языках Сибири обусловлено прежде всего тем, что в прошлом тюркские племена Алтая и Сибири длительное время находились под властью монголов» (Майзина, 2006: 150). В этимологии данного слова мнения ученых расходятся. А. Н. Майзина придерживается мнения о том, что «монгольское слово *боро* является тюркизмом, восходящим к древнетюркскому *боз*» (Майзина, 2006: 150).

Серый цвет у алтайцев, по мнению А. Н. Майзиной, «не обладает какой-либо определенной символикой» (Майзина, 2006: 152), «ассоциируется с серостью, повседневностью» (Майзина, 2006: 162). Слово *борон* в якутском языке также носит нейтральный характер. Так, в фольклорных источниках *ураанхай* (самоназвание народа саха) имеет эпитет *борон*: *Боһоллоох дьыл обургу / Босхо бастаах / Борон Ураанхайы / Буор дьиз анныгар / Боһутуннаран олоһунта* (Кулаковский). «Свирепость зимы / Вертлявоголовых / Серолицых людей / В смрадных избах / Заставила было покорно жить» (Кулаковский, 1986: 242) (букв.: смуглолицый люд), используется в значении «непримечательный, посредственный».

Общим для семантики якутского слова *борон* и алтайского слова *боро* является значение «серый, непримечательный»: як. *борон таһаа* – алт. *бон ло боро* «совсем неважный» (букв.: серый-пресерый).

В якутском языке выявлены следующие значения, не присущие алтайскому языку: 1. «бурый»: *борон чох* «бурый уголь»; 2. «самоназвание якутов»: *борон ураанхай* (фольк.) (букв.: смуглолицый люд).

В семантической структуре алтайского слова *боро* найдены не присущие якутскому языку значения: «1. «мутный»: *суунын өңи бон-боро* – «цвет воды мутный-мутный»; 2. «серый; посредственный, неважный»: *Ол күндөр боро болгон* «Те дни были серыми»; 3. «печальный, грустный»: *бон-боро чырайынан* «по мрачному лицу» (букв.: серому-пресерому лицу); 4. «седой»: *боро чачту* «с седыми волосами» (букв.: с серыми волосами)» (Майзина, 2006: 152–155).

Якутское слово *борон* и алтайское слово *боро* имеют общие переносные значения «незрачный», «серый, посредственный, неважный». Эти значения обусловлены символикой серого цвета, олицетворяющего собой серость, повседневность, посредственность.

Заключение

Основные цветоименования в якутском и алтайском языках активно используются в слово- и фразеобразовании. Выявлено, что цветолексемы *манан*, *үрүн/ак* «белый», *хара/кара* «черный», *кыһыл/кызыл* «красный» и *күөх/көк* «синий» цвета в обоих исследуемых языках развивают производно-номинативные, переносные, фразеологические значения.

Абсолютное сходство наблюдается в 39 значениях колоративов (белый – 5, черный – 16, красный – 11, синий – 9), из них 9 – у ФЕ. Конвергентное направление переноса превалирует в якутском языке – 32, в алтайском языке – 16. В остальных случаях наблюдается дивергентное направление переноса.

Таким образом, принадлежность к восточно-хуннской ветви тюркских языков предопределило преобладание универсальных цветообозначений над идиоэтническими, специфика семантики колоративов сравниваемых языков объясняется особенностями быта народа, климата и т. д.

Дальнейшее изучение данной проблемы представляет большой интерес в связи с постепенным накоплением научных материалов по колоративной лексике на материале родственных и неродственных языков.

Список лексикографических источников

- АРС** – Алтайско-русский словарь / отв. ред. канд. филол. наук А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- БАМРС** – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах / под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба; отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70 000 слов. М.: ACADEMIA, 2001. 2007 с.
- Нелунов А. Г.** Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. Т. 1. 287 с.; Т. 2. 420 с.
- Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Литература:

- Баскаков Н. А.** Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. 205 с.
- Баскаков Н. А.** Тюркские языки: 4-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 248 с.
- Божедонова А. Е.** Семантика хроматических цветообозначений желтый, синий и зеленый в эпических текстах (сопоставительный анализ на материале якутского олонхо и алтайских, хакасских эпосов) // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102), ч. 3. С. 114–120.
- Габышева Л. Л.** Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Кононов А. Н.** Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С. 158–179.
- Крапивник Е. В.** Аспекты систематизации прилагательных-цветонаименований русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Крапивник Е. В.** Цветонаименования: аспекты систематизации. М.: Флинта, 2015. 144 с.
- Кулаковский А. Е.** Ырыа-хоһоон. Якутск: Кн. изд-во, 1986. 136 с.
- Майзина А. Н.** Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком: дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2006. 208 с.
- Перфилова М. Н.** Динамика лексики цвета в русском языке: автореф. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2022. 27 с.
- Прокопьева С. М.** Проблема фразеологической образности в исследовании универсально-типологического и национально-специфического в фразеологической системе языка. М.: Мир книги, 1995. 163 с.
- Рындина Ю. В.** Цветообозначения как способ категоризации художественной действительности (на материале романа Лиона Фейхтвангера «Die hässliche Herzogin») // Филология: научные исследования. 2022. № 5. С. 44–52.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.** Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.** Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков:** Лексика. М.: Наука, 1997. 799 с.
- Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 228 с.
- Щербак А. М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Наука, 1997. 191 с.
- Prokopenva S. M.** Divergence of direction of semantic transfer on phraseological level // Life Science Journal. 2014. № 11. P. 130–134.
- Prokopenva S. M.** Konvergente und divergente Entwicklung der Semantik bei den vieldeutigen Phraseologismen der jakutischen Sprache // Uluslararası Yakutça Araştırmaları. Türkiye, Hacettepe Üniversitesi, 2021. P. 169–178.

Прокопьева Алена Кирилловна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677000.

E-mail: alonachoo@mail.ru

Прокопьева Светлана Митрофановна.

Доктор филологических наук, профессор.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677000.

E-mail: dsmplana@mail.ru

Материал поступил в редакцию 7 июня 2023 г.

A. K. Prokopieva, S. M. Prokopieva

ANTHROPOCENTRIC SEMANTIC CHANGE IN YAKUT AND OLD ALTAIC COLOR NAMES

So far, the semantics of Yakut and Altaic color names have not been analyzed from the anthropocentric perspective of semantic change. The study aims to show the universal and ethnic peculiarities in the semantic divergence and convergence of Yakut and Altaic color names. The analysis of the semantic structure of basic color lexemes in Yakut and Altaic languages revealed both common and specific features. Both Yakut and Altaic color names develop derivational-referential, figurative, and phraseological meanings as a result of divergent and convergent development and expansion of semantics. For the first time, the semantic divergence and convergence in Yakut and Altaic color names are examined. The analysis of lexical and phraseological polysemy shows divergence and convergence in the semantic change of lexical units. The anthropocentrism of semantic change in Yakut and Altaic color names is revealed when phrasemes develop a figurative meaning due to structural separability, and complete or partial reinterpretation of their constituents. The general research method is induction-deduction, and the linguistic methods include componential analysis, the method of phraseological identification, and the comparative analysis of Yakut and Altaic color names. The analysis of dictionary entries in lexicographic and phraseographic sources was used to describe the semantic structure of lexical and phraseological units. It was found that Yakut and Altaic, as related languages, have more universal than ethnically specific color names, as they both belong to the Eastern Hun branch of the Turkic language, while ethnically specific color names are determined by lifestyle and climate. The continuous accumulation of research material on related and unrelated languages and the breakthroughs in information technology keep the interest in the further development of this problem alive. The research material can be used in theoretical lectures and practical courses on comparative linguistics.

Keywords: *anthropocentrism, color names, Yakut, Altai, lexical and phraseological unit, divergence and convergence of semantic change*

Lexicographic Sources:

ARS – Altajsko-russkij slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altajsk, 2018. 936 p.

BAMRS – Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Ed. by A. Luvsandjendjeva, C. Cjedjendamba. Ed. in Chief G. C. Pjurbeev. Ca. 70,000 words. Moscow: ACADEMIA, 2001. 2007 p.

Nelunov A. G. Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Yakut-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk: SB RAS Publishing, Geo Branch, 2002. Vol. 1. 287 p. Vol. 2. 420 p.

Sevortjan Je. V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov: Obshhetjurskie i mezhtjurskie osnovy na glasnye [Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and Inter-Turkic stems ending with vowels]. Moscow: Nauka, 1974. 768 p.

References:

Baskakov N. A. Tjurkskaja leksika v "Slove o polku Igoreve" [Turkic vocabulary in "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow: Nauka, 1985. 205 p.

Baskakov N. A. Tjurkskie jazyki [Turkic languages]. 4th edition. Moscow: Publishing Housevo LKI, 2010. 248 p.

Bozhedonova A. E. Semantika hromaticheskikh cvetooboznachenij zheltyj, sinij i zelenyj v jepicheskikh tekstah (sopostavitel'nyj analiz na materiale jakutskogo olonho i altajskikh, hakasskikh jeposov) [Semantics of chromatic color names yellow, blue and green in epic texts (a comparative analysis of Yakut Olonkho and Altai, Khakass epics)] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2020. No. 12 (102), Part 3. P. 114–120.

Gabysheva L. L. Fol'klornyj tekst: semioticheskie mehanizmy ustnoj pamjati [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk: Nauka, 2009. 143 p.

Kononov A. N. Semantika cvetooboznachenij v tjurkskikh jazykah [Semantics of color names in Turkic languages] // Tjurkologicheskij sbornik 1975. Moscow, 1978. P. 158–179.

Krapivnik E. V. Aspekty sistematizacii prilagatel'nyh-cvetonaimenovanij russkogo jazyka [Some aspects of systematization of adjective color names in Russian]. Cand. of Sci. Dissertation. Moscow, 2013.

- Krapivnik E. V.** Cvetonaimenovanija: aspekty sistematizacii [Color names: some aspects of systematization]. Moscow: FLINTA, 2015. 144 p.
- Kulakovskij A. E.** Yrya-hohoon [Epic poetry]. Yakutsk: Book Publishing, 1986. 136 p.
- Majzina A. N.** Semanticheskoe pole cvetooboznachenij altajskogo jazyka v sopostavlenii s mongol'skim jazykom [Semantic field of Altai color names as compared to Mongolian]. Cand. of Sci. Dissertion. GornoAltajsk, 2006. 208 p.
- Perfilova M. N.** Dinamika leksiki cveta v russkom jazyke [Dynamics of color vocabulary in Russian]. Thesis of Cand. of Sci. Diss. Tambov, 2022. 27 p.
- Prokopieva S. M.** Problema frazeologicheskoy obraznosti v issledovanii universal'no-tipologicheskogo i nacional'no-spezificheskogo v frazeologicheskoy sisteme jazyka [Problem of phraseological figurativeness in investigation of universal and specific features of the phraseological system of language]. Moscow: Mir knigi, 1995. 163 p.
- Prokopieva S. M.** Divergence of direction of semantic transfer on phraseological level // Life Science Journal. 2014. No. 11. P. 130–134.
- Prokopieva S. M.** Konvergente und divergente Entwicklung der Semantik bei den vieldeutigen Phraseologismen der jakutischen Sprache // Uluslararası Yakutça Araştırmaları. Türkiye, Hacettepe Üniversitesi, 2021. P. 169–178.
- Ryndina Ju. V.** Cvetooboznachenija kak sposob kategorizacii hudozhestvennoj dejstvitel'nosti (na materiale romana Liona Fejhtvangera "Die hässliche Herzogin") [Color names as a way to categorize reality in fiction (illustrated by the novel by Lion Feuchtwanger "Die hässliche Herzogin")] // Filologija: nauchnye issledovanija. 2022. No. 5. P. 44–52.
- Shherbak A. M.** Oчерки po sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov (Imja) [Essays of comparative morphology of Turkic languages (Name)]. Leningrad: Nauka, 1997. 191 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov.** Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. Moscow: Nauka, 2001. 822 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov.** Pratiurkskij jazyk – osnova. Kartina mira pratiurkskogo jetnosa po dannym jazyka [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Proto-Turkic. Picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to linguistic data]. Moscow: Nauka, 2006. 908 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov:** Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages: Vocabulary]. Moscow: Nauka, 1997. 799 p.
- Telija V. N.** Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and culturological aspects]. Moscow: School "Languages of Russian Culture", 1996. 228 p.

Prokopieva Alena Kirillovna.

Candidate of Philological Sciences, Docent.

M. K. Ammosov Northeastern Federal University.

Kulakovskogo str., 42, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: alonachoo@mail.ru

Prokopieva Svetlana Mitrofanovna.

Doctor of Philological Sciences, Professor.

M. K. Ammosov Northeastern Federal University.

Kulakovskogo str., 42, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: dsmplana@mail.ru

Ю. А. Шкураток, Е. М. Матвеева

ИСКОННЫЕ И ЗАИМСТВОВАННЫЕ ГЛАГОЛЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ВСТРЕЧУ С ДУШАМИ УМЕРШИХ, В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье исследуется, каким образом представления коми-пермяков о душах умерших реализуются в устных нарративах, какие языковые средства активизируются в данных текстах, в какой степени русские заимствования проникают в коми-пермяцкий язык. В качестве основного метода используется контекстуальный анализ, который направлен на описание языковых особенностей, отражающих связи языка и духовной культуры коми-пермяков. Представления о душе у коми до сих пор сохраняют свою специфику: считается, что у человека существует две души – *лов* и *орт*. Первая – это «внутренняя» душа, душа-дыхание, выходящая из тела во время смерти, вторая – это «внешняя» душа-тень, двойник человека, который может стать видимым перед его смертью. У современных коми-пермяков нет четких представлений о двух формах души, хотя сохраняются нарративы о различных предвестниках смерти, в том числе и о «двойниках». В коми-зырянском языке помимо исконного слова *орт* в диалектах фиксируется также слово *урѳс*: у коми-ижемцев это слово обозначает персонажа, близкого к душе *орт*. Лексема *урѳс* известна также и коми-пермякам: у кочевцев она употребляется в текстах о предвестниках смерти, у обрусевших оньковцев это «привидение», появляющееся перед смертью. Душа умершего остается в доме до 40-го дня (шести недель). Она проявляет себя различными звуками, для описания которых в коми-пермяцком языке существует богатая система оноματοпееических средств. Кроме того, в рассказах о проявлении души умершего встречаются и русские заимствованные глаголы со значением ‘мерещиться, чудиться’ *блэзнѳтны*, *вержѳтчыны*, *вершѳтчыны*, *вѳржѳтчыны*, *прикашѳтчыны*, а также исконный глагол *казмѳтчыны* ‘напомнить о себе, дать знать о себе’, при этом последний глагол имеет более конкретное значение и употребляется также и в прямом значении. По всей видимости, основной причиной заимствования коми-пермяцким языком русских диалектных глаголов обманчивого восприятия является их абстрактный характер, отвлеченность от конкретных проявлений (чаще всего звуковых), которыми описывается появление душ умерших в коми-пермяцком языке.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, душа *орт*, душа *лов*, оноματοпееическая лексика, мерещиться

Введение

В устной традиции как коми-пермяков, так и русских, проживающих на территории Пермского края, до сих пор бытует обширный пласт нарративов о встречах с душами умерших. В различное время диалектологическими и фольклорными экспедициями двух университетов Перми – Пермским государственным и Пермским педагогическим (сейчас ПГНИУ и ПГГПУ), а также экспедициями, которые были осуществлены авторами в 2022–2023 гг. в рамках проекта по изучению похоронно-поминальной обрядности коми-пермяков и русских на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края, был записан большой корпус таких текстов.

Представления о душах умерших у коми

Несмотря на долгую историю взаимодействия коми-пермяков и русских в этом регионе, представления о душе у коми-пермяков сохраняют свою специфику до сих пор. Данная специфика прежде всего заключается в том, что, по народным воззрениям, у человека существует две формы души – *лов* и *орт*. На это указывают все источники, начиная с первой попытки систематизировать представления коми о смерти, осуществленной В. П. Налимовым в статье «Загробный мир по верованиям зырян» (Налимов, 1907).

Энциклопедия «Мифология коми» отмечает, что во время «смерти единое человеческое существо как бы распадается на три составляющие: *шой* „тело, труп“; *лов* „душа-дыхание“; *орт* „душа-тень, двойник“. Одновременно создается образ покойного – *кулѳма* „умерший“,

объединяющий как представления о посмертном состоянии тела, так и о душах **лов** и **орт**» (Лимеров, 1999а: 215).

Различия между **лов** и **орт** формулируются следующим образом: «**лов** – одна из душ человека наряду с **орт**. **Лов** считается „внутренней“ относительно „орт“ душой человека» (Лимеров, 1999б: 226). Считается, что эта душа находится в голове (черепе) (Налимов, 1907: 4). П. А. Сорокин в одной из своих ранних работ (1910) пишет: «*Лов* – душа, буквально значит „дыхание“. „*Лолалё*“, – говорят зыряне про дышащего человека, следовательно, душа представляется зырянам как дыхание, дуновение. Когда человек умирает, они верят, что душа выходит из тела как нечто воздушное, эфирное, прозрачное. <...> Полную аналогию с данным представлением души находим мы у ближайших сородичей зырян – вотяков и пермяков. И у них душа обозначается словом *лул* (зыр. *лов*), и смерть обозначается также словом *лул петон* (*лов петом*) – выход, уход души...» (Сорокин, 2011: 25). В связи с этим кто-то из родственников должен был ожидать «*лов петом* букв. „дыхания выход“, чтобы, проверив зеркалом или гладким металлическим предметом отсутствие дыхания, правильно уложить покойника и закрыть ему глаза и рот» (Уляшев, 1999: 215).

На наличие двух душ – **орт** и **лов** – указывал и В. В. Климов, известный исследователь и публикатор коми-пермяцкого фольклора, хотя их различие он трактует несколько иначе. В этнографической работе «Корни бытия» он писал, что, «когда человек умирает, от его тела отделяется невидимая и невесомая часть, заключенная в прозрачную оболочку, – **орт**. Древние считали его невидимым двойником живого, его точной копией. ...слово „орт“... теперь уступило свое место слову „лов“ (душа), хотя они отличаются по смыслу: **лов** – это нечто энергетическое, животворящее, а **орт** – блеклая тень, призрак живого. У слова „лов“ большое родство, а „орт“ одинок, как валун в поле» (Климов, 2007: 206). **Лов** поднимается на небеса, а **орт** вместе с телом уходил на кладбище и потом в подземный мир (там же).

Исследовательница похоронного обряда С. В. Чугаева приходит к выводу, что у современных коми-пермяков отсутствуют понятия о двух формах души **лов** и **орт**, хотя тексты и некоторые косвенные свидетельства позволяют говорить о душе **орт** и у коми-пермяков (Чугаева, 2015: 13–14).

Наши наблюдения показали, что в речи коми-пермяков слово **орт** ‘двойник, призрак’ в настоящее время не фиксируется, нет также исторических свидетельств о его существовании в коми-пермяцких диалектах в прошлом, но при этом по-прежнему можно услышать нарративы о встрече с «двойниками». Например, в 2023 г. был записан такой текст: [*Эз висьтасьлө, что мыйкө прикашайтчө?*] *Гудөк ыбыс пө полььотчө*. <...> *Мунөма пө сэтчин чарымыс кузя* <...> *и адззылөма соседсө, война вылись локтө. Гортө пө локтөм да инькаыслө висьталөм: «Тэат, – пө, – көзяиньт гортө локтө, Гудөк ыбись адззылі». А сылө почтальонкаыс похоронка вайөма сіа лунө*. [Не говорили, что что-то мерещится (*прикашайтчө*)?] (Гудэк поле, говорили, пугает. <...> Ушла, говорят, туда по насту <...> и увидела соседа, с войны идет. Домой, говорит, пришла и его жене сказала: «У тебя, – говорит, – твой хозяин домой идет, на Гудэк поле видела». А ей почтальонка похоронку принесла в этот день) (Демина Коч., ПМ).

Слово **лов** ‘душа’ возводят к допермскому **lewle* ‘дыхание’, по мнению исследователей, оно является ономотопеей, так как в конечном счете восходит к звуку дыхания (Шляхова, Лобанова, 2012: 36). Современные носители коми-пермяцких диалектов, помимо слова **лов**, активно используют и русское заимствование *душа*.

Слово **орт** ‘двойник, призрак’, уст. поэт. ‘тень’ сравнивается с удм. *урт* ‘душа’ и возводится к допермскому **orte* (КЭСКЯ, 1970: 208). В коми-зырянских говорах оно фиксируется не повсеместно, у ижемских коми антропологические представления о душе-тени, душе-двойнике обозначаются *урөс/урес*, у печорских – *душенька* (Панюков, 2012: 38).

Еще более сложный процесс дифференциации представлений о душе наблюдается у ижемских коми на Кольском полуострове, где различаются три персонажа – *душенька*, *шуд* и *урес*.

Душенька – невидимый дух, приходящий на поминки к родственникам умершего, шуд – видимый дух, являющийся копией своего двойника, извещает о счастье, обеспеченности хозяина, урес – видимый и невидимый дух, предвестник смерти (Рочев, 1986: 63).

Так же как и в верхнесысольском, нижневычегодском и удорском диалектах коми-зырянского языка (СДКЯ, 2: 665), в кочевском диалекте коми-пермяцкого языка слово *урӧс* означает ‘беда, несчастье’: *Урӧс – сіа кытиӧмкӧ урон лоас хозяйствоат: или со здоровьем, или подакӧт. <...> Можот, керку сотчас или мый. Вот сэтиӧм. Умӧль мыйкӧ* (Урос – это какой-то урон будет: или со здоровьем, или со скотом. <...> Может, дом сгорит или что. Вот такое. Плохое что-то) (Кочёво, ПМ).

Кроме того, рассказы о «привидении» *урӧс*, которое появляется перед смертью кого-то из близких, были нами записаны от жителей Юсьвинского района на территории распространения бывшего оньковского диалекта южного наречия коми-пермяцкого языка в 2023 г.: *А это вот говорили, значит, урос тебя это делал, как виденьё, ли чё ли како-то, не знаю, это привиденьё как* (Они Юсьв., ПМ). *И вот это, пока, говорит, я до другого берега не дошла, ну это, где в лодку садятся, и вот тогда, grit, вот только перестало, по берегу, говорит, шла, так деревья-те всё качало, шумело. Вот это, говорит, урос. Это урос такой, привидение. И, по-моему, это привидение повлияло, что умер сын* (Потапово Юсьв., ПМ).

На Выми записаны былички, где встречается термин *кыж*, который обозначает персонажа, берущего на себя некоторые функции орта: «Если *орт* – видимый дух, копия двойника, то *кыж* – существо невидимое, оно извещает о смерти своего двойника шумовыми действиями, но само людям не показывается» (Рочев, 1986: 64).

Таким образом, вторая душа, душа-тень может показаться в виде двойника, т. е. быть воспринимаемой зрением, а может быть невидимой, но проявляющей себя различными звуками и воспринимаемой органами слуха.

Помимо этого, в некоторых локальных традициях коми-зырян задействуется и тактильное восприятие, невидимость души орт коррелирует с представлениями о синяках, которые появляются на теле родственника умирающего человека. «Считается, что щиплет до синяков орт человека, который должен умереть. Парные щипки указывают на количество предстоящих смертей: сколько пар – столько будет покойников» (Лимеров, 1999в: 268). Появление таких представлений свойственно и другим народам, в частности Л. Н. Виноградова и А. В. Гура на славянском материале писали о «тактильных» проявлениях мифологических персонажей и «взаимном притяжении» глаголов со значением интенсивного способа действия тактильной и звуковой сферы (Виноградова, Гура, 2021: 34).

У души *лов* можно выделить четыре аспекта ее функционирования: во-первых, это «жизненная субстанция, связанная с дыханием, обеспечивающая нормальную жизнедеятельность не только человека, но и других живых организмов», в этом аспекте она безличностна; во-вторых, это душа, уходящая после смерти в ад или рай, включающая в себя личностные характеристики умершего, данное представление связано с православным христианством; в-третьих, душа умершего, которая также является образным воплощением покойного и уходит в мир предков; в-четвертых, это «душа реинкарнирующая, перевоплощающаяся в различные формы природной жизни». При этом единство этих аспектов «определяет целостность образа *лов* и устойчивость этого образа в традиционном мировоззрении» (Лимеров, 1998: 8).

Выражение *лолыс петіс* (букв. ‘душа вышла’) можно часто обнаружить в коми-пермяцком языке: [*Лолыс кыті петӧ?*] *Ӧмӧть. Не весь эд шуӧны «лолыс петіс»* ([Душа откуда выходит?] Из рта. Не зря ведь говорят «душа вышла») (Ёгва Куд./род. Трепезник Куд., ПМ). *Тійӧ шуӧ токо мунітӧ, шондіыс шуӧ эз и пуксьы, сіа шуӧ куис. Вовыс петіс* (Вы только, говорит, ушли, солнце, говорит, еще и не село, она, говорит, умерла. Душа вышла) (Ёгва Куд., ПМ).

Лолыс петіс – не единственный фразеологический оборот с компонентом *лов* ‘душа’. А. С. Кривощёкова-Гантман писала: «Во многих фразеологических сращениях отражены

отжившие представления о явлениях и вещах объективной реальности. ...смерть представлялась лишь актом выхода из тела человека души: *лолыс петіс* 'умер' (букв. 'душа его вышла'); *лов петкӧтны* 'присутствовать при смерти' (букв. 'помогать выходу души из тела'); *лов босьтны* 'убить' (букв. 'взять душу'); *лов пуктыны* 'отдать жизнь' (букв. 'душу положить'); *лолыс абу* 'мертв' (букв. 'души нет'). В настоящее время в перечисленных фразеологических оборотах полностью утрачена связь общего значения с первоначальными значениями составляющих их компонентов» (Кривощёкова-Гантман, 2006б: 197–198).

Душа, по мнению коми-пермяков, живет в доме в течение 40 дней (или шести недель): *Сіа мунӧ, кӧр котома мӧдӧтӧнӧ. 40 дней. Сіа 40 днейнас мунӧ* (Она уходит, когда котому отправляют. 40 дней {живет}. Она на сороковой день уходит) (Кукушка Коч., ПМ). *Кыдз бы до шести недель олӧ керкуас, а потом после шӧсьти недель уже сіа ӧтӧ, кыдз шуньтӧ, кольлалӧны* (Как бы до шести недель живет в доме, а потом после шести недель уже она это, как сказать-то, провожают) (Ёгва Куд./род. Шорйив Куд., ПМ).

Ономатопеическая лексика в текстах о душах умерших

Для описания звуков, которые сопровождают появление невидимой души, используется ономатопеическая лексика. Данный лексико-грамматический класс слов¹ широко представлен в коми-пермяцком языке. В ходе анализа полевых материалов были найдены многочисленные звукоподражательные глаголы, «парные глаголы», один из которых восходит к ономатопее, конструкции, включающие звукоподражание и глагол, как лексически ослабленный *керны* (букв. 'делать'), так и лексически полнозначный.

В традиции коми-зырян различные шумы, которые трактуются как предвещающие смерть родственника, связываются с появлением души-тени: «орт умирающего вдали от дома человека возвращается на родину и дает знак родственникам о предстоящей смерти. В этом случае родственники слышат, как хлопает дверь, звук шагов. ...шум на чердаке или в голбце, стук в двери, жужжание веретена, звяканье тарелок на посудной полке и т. п.» (Лимеров, 1999в: 268).

В рассказах коми-пермяков также встречаются подобные сюжеты, но душа, возвращающаяся на родину, никак не называется, а ее появление описывается звукоподражаниями: *Вот дедӧ вӧи куӧма Сибирас. <...> Кинкӧ – ярс-ярс-ярс-ярс-ярс – муніс и керку ыбӧсвас – трин – и всё. «Ме, – пӧ, – кыдзи повзи и пукаа. Но! Эз тайнӧ керкуас пыр!» <...> И вот видзӧтасӧ – кытӧнкӧ сколько-то минут двенадцатое, а пятоо марта. И сзеса письмоыс дедӧсянь воктас: куас пятоо марта в двенадцатом часу... (Вот дед умер в Сибири. <...> Кто-то – ярс-ярс-ярс-ярс-ярс – прошел и во входную дверь – трин – и все. «Я, – говорит, – испугалась и сижу. Ну! Никто не зашел в дом!» <...> И вот посмотрели – где-то сколько-то минут двенадцатого, пятое марта. И потом письмо от деда (т. е. от его родственников) пришло: умер пятого марта в двенадцатом часу...) (Ошиб Куд., Материалы, 2020: 123–124).*

В рассказах о моменте смерти информанты воспроизводят слышимый ими звук, который издает умирающий, и этот звук они связывают с выходом души: *Но ме даже вот адззылі, кӧр мортыс куліс. Сіа токо «ам» керис, и сӧ – лолыс петіс. Шуӧны «лолыс петіс»* (Но я даже вот видела, когда человек умирал. Он только «ам» сделал, и все – душа вышла. Говорят, «душа вышла») (Ёгва Куд./род. Белоево Куд., ПМ). *И вот в один момент сіа вот: «Х-х-х!» Вот эттишӧма керышитіс и всё, мийӧ больше эг понӧ керны. Может, был, на самом деле сіа или вовыс сыӧн сіа петіс, или просто воздухыс, можот, вӧи лёгкӧяс, что петіс. Ме ог тӧд. Но вот сідз вот: «Х-х-х». Кыдз быттӧ вот сӧ пӧ вот. Сӧ, последнӧй вӧйс пӧ ведзи* (И вот в один момент она вот: «Х-х-х!» Вот так сделала и все, мы больше не стали делать {искусст-

¹ В коми-пермяцком языке их принято называть изобразительными словами (термин А. С. Кривощёковой-Гантман). См. подробнее об этом: Кривощёкова-Гантман А. С. Изобразительные слова // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь: ПГПУ, 2006а. С. 39–56.

венное дыхание}. Может, правда, на самом деле это или душа ее, она вышла, или просто воздох, может, был в легких, что вышел. Я не знаю. Но вот так вот: «Х-х-х». Как будто вот все, мол, вот все, последнюю душу, говорит, выпустила) (Ёгва Куд., ПМ). *Но вот сэттиом тайно вздохыс съокыт, топ тайно сэттиом сия вот кыдз гора, гора оддён вои*, ну. «Ух!» – *этадз вот. Оддён съокыта, вот этадз сылön петис, чисто страшно, чисто челядьё саймыисё* (Но вот такой, оказывается, вздох тяжелый, словно, оказывается, такая она вот как громкая, громкая очень была, ну. «Ух!» – так вот. Очень тяжело, вот так у нее вышла, даже страшно, даже мои дети проснулись) (Ёгва Куд./род. Трепезник Куд., ПМ).

В доме, где лежит покойник, ставят стакан с водой и на стакан кладут хлеб. Некоторые информанты утверждают, что стакан с водой ставят еще до смерти человека (когда ждут «выхода души»), чтобы она вышла и сразу омылась. Например: *Ышö мукöдпырсяс сувтöтöны васö стаканön или банкаön, или мыйöнкö дозокön. Мортыс ышö токо вöсьöтчö кувны, и сия шуö только «бульк» керис. Сия душаыс пыравис сэтчин и омылась кыдз сийön ванас* (Еще иногда ставят стакан с водой или банку, или с какой-то емкостью. Человек еще только собирается умереть, и она, говорят, только «бульк» сделала. Это душа заходила туда и омылась как этой водой) (Ёгва Куд., ПМ). Процесс омовения души описывается с помощью звукоподражательного заимствованного слова *бульк* в значении ‘бултыхнуть, плеснуть, булькнуть’, который употребляется с лексически ослабленным глаголом *керис* (КПРС, 1985: 45).

Большую группу в проанализированных текстах составляют звукоподражательные глаголы, обозначающие стук, гроыхание, грохотание, которые производит душа человека в течение 40 дней (или шести недель) пока она остается дома: часто используется глагол *гольыны* и его словоформы *гольёны, гольётöны* ‘стучать, грохотать’. Данные глаголы образованы от первого компонента звукоподражательного слова *голь-бряк*, которое «подражает сильному стуку, грохоту» (КПРС, 1985: 101) и суффиксов *-ль-*, *-öт-*. С синонимичной семантикой ‘с силой стукнуть’ обнаруживает себя в контекстах звукоподражательное слово *гольк-гольк*, употребляемое с лексически ослабленным глаголом *керны* (букв. ‘делать’): *А ме вот, допустим, пета кыдз öтöрас посöдзöттис, а мян кыдз лисниэсö ведзчыштан, дак сэтön плакэс гольётöны кыдзи бы. Этчинö оградаваняс муна, а сия {ловыс} бöрсяням мый гольк-гольк керас* (А я вот, допустим, выйду как на улицу через крыльцо, а у нас как лестницы спустишься, дак там плахи **стучат** как бы. Туда в сторону ограды пойду, а она {душа} за мной что **с силой стукнула**, сделала) (Ёгва Куд./род. Гуляева Куд., ПМ).

Сильный стук также является признаком того, что душа ушла из дома на 40-й (42-й день) во время ритуала проводов души: *Вот, например, мыйкö стукнитас или тэ проспийш пять часов, или шестойвас, дак вермас ёркнитны или кытчöкö стук керны, признаксö сетö* (Вот, например, что-то **стукнет** или ты проспишь пять часов, или на шестой, дак может **издать сильный грохот**, или куда-то **стук сделать**, признак дает) (Дёмино Коч., ПМ). Глагол *ёркнитны* ‘стукнуть, грохнуть, загреметь чем’ (КПРС, 1985: 138) образован от звукоподражательного слова *ёрк-ёрк* (‘подражание стуку, шуму, беготне’) (Кривощёкова-Гантман, 2006а: 46) с помощью суффикса *-нит-*.

Имеется еще один изобразительный глагол со значением ‘стукнуть, ударить’ – *камнитис*: *И тётя Сашаыс тожö, сия посöдзын узис. Сия шуö камнитис кинкö* (И тетя Саша тоже, она в сенях спала. Она, говорит, **сильно ударил** кто-то) (Ёгва Куд., ПМ). Глагол *камнитис* образован от звукоподражательного слова *кам* (‘подражание сильному стуку, ударам’) (КПРС, 1985: 164) и словообразовательного суффикса *-нит-*.

В коми-пермяцком языке среди звукоподражаний достаточно много редуplikаций и парных слов. Они также присутствуют в текстах о звуковом проявлении души умершего: *Куйва диванвас, сия шуö ёлочной игрушкиэсö только жилия-жоля, жилия-жоля шуö воисö* (Лежу на диване, он, говорит, елочные игрушки только **звения** {трогает}, **звон издавать**, говорит, стали) (Ёгва Куд., ПМ). *И до сорока дней тожo тёткаö кыллом, кыдз сия умывальникнас*

жольѳтчѳ-миссьѳ нѳ (И до сорока дней тоже моя тетка слышала, как он умывальником **звенит-моется**, говорит) (Ёгва Куд./род. Кочёво, ПМ). В выявленном нами парном глаголе **жольѳтчѳ-миссьѳ** (букв. ‘звенит-моется’) употребляется звукоподражательный глагол **жольѳтчѳ** «звенит», который уточняет действия глагола **миссьѳ**.

Души умерших при движении могут издавать самые разные звуки, например скрипеть половицами. В коми-пермяцком языке имеется изобразительное слово **дзурк**, которое обозначает подражание «скрипу двери, пола, телеги, обуви» (Кривощёкова-Гантман, 2006а: 44). От него с помощью уже отмеченного выше суффикса **-нит-** образовался изобразительный глагол **дзуркнитис** в значении ‘скрипеть’, кроме того, информантами используется также заимствованный из русского языка глагол **скрипитис**: *А сія ветѳѳтвыввис, и ныѳн полыс скрипитис* (А он похаживал, и у них пол **поскрипывал**) (Ёгва Куд., ПМ).

Душа может издавать звуки, используя не только бытовые предметы, но и имеющиеся музыкальные инструменты, на которых играл человек при жизни, она сохраняет все его привычки и навыки: *Видно, пуксис орсны гармошкаѳн. [Этѳ душаыс сылѳн локтис?] Дак сіа эд сорочиныѳдзас оз мун, сіа гортын. И вот сіа пуксис стулыс вылѳ, видно, и гармошканас дзуркнитис. А мамѳ сѳсся лѳгасис да: эты мымда челядѳн нѳ колин да ышѳ нѳ польѳѳтчан? И гармошкасѳ сѳсся вузалис, чтоб эз орс* (Видимо, сел играть на гармошке. [Это душа у него пришла?]) Дак она ведь до сорочин не уходит, она дома. И вот он сел на стул, видимо, и гармошкой **скрипнул**. А моя мама потом разозлилась да: со столькими детьми, говорит, оставил и еще, говорит, пугаешь? И гармошку потом продала, чтоб не играл) (Кукушка Коч., ПМ).

В некоторых рассказах передвижение души описывается очень детально, при помощи целого ряда различных звукоподражаний, в данном тексте – последовательно воспроизводится звук хлопанья двери, звук, который издают кирзовые сапоги при ходьбе, скрип сидений: *Уджали скорѳйын, и миян вѳлі больница. <...> Кыла, миян сѳтчин кык ыбѳс вѳлісѳ, и кык ыбѳс, и ѳна ѳдѳѳн шваткѳтисѳ. Первѳй ыбѳссѳ кинкѳ осьтис – шват токо игналис! Мѳд ыбѳссѳ осьтис – шват токо игналис! И кыла, кирзѳвѳй сапоггез, начит, – тарс-тарс, тарс-тарс, тарс-тарс. Локтис ме дынѳдз, этѳ ыбѳсыс дынѳдз локтис, пуксис дзурк-вирк. Миян вѳлісѳ сиденнез сѳтшиѳмѳсѳ, дзурк-вирк. Ме пукала и, начит, шуа, мыся: «Кин нѳ?»* (Я работала в скорой помощи, и у нас была больница. <...> Слышу, у нас там две двери были, и две двери эти очень сильно хлопали. Первую дверь кто-то открыл – **хлоп!** – потом закрыл! Другую дверь кто-то открыл – **хлоп!** – потом закрыл! И слышу: кирзовые сапоги, значит, – **тарс-тарс, тарс-тарс, тарс-тарс**². Дошел до меня, сюда до двери дошел, сел – **скрип-скрип**. У нас были сидения такие, **скрип-скрип**. Я сижу и, значит, говорю: «Кто {там}?») (Материалы, 2020: 123–124).

Далее этот рассказ был продолжен на русском языке: «Слышали вот в этом, значит, где я работала на скорой, в окнах видели мертвых. Те, значит, мужчины или женщины, которые уже умерли, они показывались в окнах, которых тут резали, якобы. Но я этому, конечно, не верила. Слышалась музыка: гармошка, значит, играла, пляски какие-то. Вот это говорили» (Материалы, 2020: 123–124). И здесь души умерших занимаются своими обычными делами, которые не свойственны для находящихся в больнице людей, – веселятся, играют на гармошке и пляшут.

Душа умершего способна не только издавать шумы, но и физически передвигать предметы, и это движение сопровождается звуками. Например: *И сіа сѳк ѳтік ѳйѳ, видзѳт... Сай-мис, мамѳ саймис. Сіа гыж токо стул веитышитис* (И он тогда в одну ночь, смотри... Проснулась, моя мама проснулась. Он с **царапанием** стул немного **подвинул**) (Кукушка Коч., ПМ). В этом контексте звукоподражательное слово **гыж** (‘подражание звукам, сопровождающим царапание, чесание’) (КПРС, 1985: 111) употребляется вместе с полнозначным глаголом **веитышитис** (букв. ‘передвинул’). В выражении **гыж веитышитис** ‘передвигать с царапанием’

² Ономатопеическая лексика в коми-пермяцком языке представлена богаче, чем в русском языке, по этой причине звукоподражания, для которых не нашлось аналогов в русском языке, в данном сборнике мифологической прозы оставлены без перевода.

звукоподражательное слово *гыж* передает конкретный характер звука, возникшего при передвижении стула. Звукоподражание *гыж* можно сопоставить с терминологизировавшимся у вымских коми-зырян словом *кыж* – «некий знак, предвещающий смерть близких: стук, падение предметов в доме и т. п. (Половники, Княжпогост)» (Панюков, 2012: 38).

Использование ономатопеической лексики в текстах о встречах с душами умерших типично не только для коми-пермяцкой устной речи, но и для русской диалектной речи, хотя лексический состав этой группы слов в русском языке менее разнообразен и их грамматические свойства различны. В д. Елога Юрлинского района в 2016 г. был записан текст о том, как духи-помощники колдуна в облике умершего приходят к его родственникам: *Митрошиха умерла <...>. Тун-тун-тун-тун-тун-тун идёт, говорит, посмотрю, grit, ноги, grit, как коровьи ноги. <...> Ну как бы дух еёный все равно ходит, икоты, она как никому не передала, вот* (Елога Юрл., ФДА ПГНИУ).

В русских мифологических рассказах также фиксируются сюжеты, где после смерти человека слышатся шаги, скрип половиц. Типичными для славянских традиций можно считать представления, где звуки являются признаком того, что умершие приходят, чтобы поесть оставленную для них поминальную пищу (Виноградова, 1999: 184).

Глаголы «обманчивого восприятия» в текстах о душах умерших

Помимо ономатопеической лексики, в текстах о душах умерших встречаются и так называемые глаголы неуверенного и обманчивого восприятия. На эту группу лексики обращали внимание исследователи коми-пермяцкой и русской демонологии и ранее, но на материале коми-пермяцкого языка она не становилась предметом специального рассмотрения. Например, этнограф Т. Г. Голева пишет, что для обозначения появления умершего лица коми-пермяки «чаще употребляют слова *пользётё* (лит. *повзётё*. – Ю.Ш., Е.М.) – ‘пугает’, кроме этого, говорят: *балует, блазит, казьмитчё* – ‘кажется’, *прикашайтчё* – ‘мерещится’, *верзитчё* – ‘кажется’, многие из терминов аналогичны определениям явлений других мифологических персонажей» (Голева, 2011: 197).

На славянском материале эти специфические глаголы были подробно проанализированы в диссертации М. В. Ясинской. Она пишет, что в «русских диалектах набор глаголов обманчивого восприятия значительно шире, чем в литературном языке. <...> Мотивационные модели, по которым образуются подобные глаголы, достаточно разнообразны и отражают различные подходы к номинации данного фрагмента языковой картины мира» (Ясинская, 2015: 207).

Такие глаголы также частотны в текстах на коми-пермяцком языке, но почти все они являются заимствованными из русских диалектов, только один из них является исконным – это глагол *казьмётчыны* ‘напомнить о себе, дать знать о себе’. В современном языке он может употребляться и в прямом значении, не связанном с миром сверхъестественного: *ме тэныт мунікам казьмётча* «я тебе скажу, когда буду уходить» (КПРС, 1985: 162).

Душа может *казьмётчыны* «дать о себе знать, напомнить» родственникам, живущим отдельно, во время выхода из тела: *Нія казьмётчёны. <...> И сэт тайнё понді мунны, быгрётчан кыдз: тар-тар-тар-тар-тар тарёвтчис, некытчё эз усь. Сэтчё жё тайнё и, ой, шуа: «Мари сойё эз кё кув?!» Казьмётчис сэтшюма мейм Мари сойё. [Кин казьмётчё: мортыслён ловыс или кин?] Ловыс, виднё. Ну. Одьёон казьмётчё. <...> петас воыс, сэк казьмётчё сія (Они напоминают {о себе}). <...> По этому месту, оказывается, идти стала, как скалка тар-тар-тар-тар-тар прокатилась, никуда не упала. Тут же и, оказывается, ой, говорю: «Сестра Мария не умерла ли?!» Напомнила {о себе} так мне сестра Мария. [Кто напоминает о себе: душа человека или кто?] Душа, видимо. Да. Очень напоминает {о себе}. <...> выходит душа, тогда напоминает {о себе} она» (Конанова Куд., КПА). Отметим, что в этом тексте появление души умершего снова обозначается звуком – шумом, который издает катящаяся скалка.*

Помимо этого, одним из употребительных слов в данных контекстах является коми-пермяцкий глагол *прикашайтчины* ‘причудиться, привидеться, померещиться (о призраках, видениях) *сылö по кинкö прикашайтчöм* «ему, говорят, кто-то причудился» (КПРС, 1985: 373). Некоторые тексты о появлении призраков можно соотнести с представлениями о душе *орт*, хотя сам информант не знает этого термина. Примечательно, что в устной коми-пермяцкой речи для описания персонажа, подобного душе *орт*, используется русское заимствование *образ*: *Ме петышиті <...> сіа тайнö угöлас пукалö, вот мамыс кыдз. Вот этадз керсьыштöм, и пукалö. Мамыслөн образыс, хозяиныслөн. <...> И через некоторое время сіа куліс. Вот этö уже <...> сіа шусьö: **прикашаччö** пö. [Сіа кин сэтöн вöлі, ортыс сьлөн?] Сіа вот сьлөн, видимо, этаыс, кыдз сіö... образыс ли, кыдз сіа... ловыс ли. Шуöны тай или душаыс, может, уже... (Я вышла <...> она, оказывается, в углу сидит, как вот мать его. Вот так сделалась, и сидит. Образ его матери, мужа. <...> И через некоторое время она умерла. Вот это уже <...> это называется «**прикашаччö**» (т. е. кажется/мерещится), говорят. [Это кто там был, ее орт?] Это вот ее, видимо, этот, как его... образ ли, как это... душа ли. Говорят, оказывается, или душа, может, уже...) (Егорова Куд./род. Кочёво, КПА).*

В коми-пермяцких текстах также активно используется заимствованный из русского языка глагол *вержить* в нескольких фонетических вариантах, некоторые из них подаются в «Коми-пермяцко-русском словаре»: *верийитчины* П сев. ‘мерещиться, померещиться, чудиться’ (КПРС, 1985: 65), *вөржйтчины* (КПРС, 1985: 83), в диалектах также обнаруживаем глагол *вержйтчины* (Кочево). Глагол *блазнйтны* и его производные не попали в главный лексикографический источник – «Коми-пермяцко-русский словарь», однако он также фиксируется в коми-пермяцких диалектах. Безусловно, он является заимствованием из русского, ср. *блзнить* ‘казаться, чудиться’. В единичных контекстах встретились некоторые другие заимствованные глаголы, например, *кажитчины* (от *казаться*), *явитчины* (от *явиться*).

Выводы

При анализе корпуса нарративов о том, как коми-пермяки представляют душу, как она выходит из тела, как души умерших напоминают о себе родственникам, когда они могут приходить к живущим, можно выделить два пласта лексических средств, используемых для вербализации этих представлений.

Во-первых, в исследуемых текстах активизируется большая группа ономотопеических средств. Невидимая душа проявляет себя разного рода шумами, поэтому используются многочисленные звукоподражания, исконные и заимствованные глаголы слухового восприятия (*гольöтны* ‘стучать’, *гольыны* ‘грохотать’, *камнитны* ‘ударить с силой’, *дзуркнитны* ‘скрипнуть’, *ёркнитны* ‘издать сильный грохот’, *стукнитны* ‘стукнуть’, *скрипнитны* ‘скрипнуть’ и др.). Подобные глаголы (и исконные, и заимствованные) часто образованы от звукоподражательных слов с помощью суффикса *-нит-*, он подчеркивает мгновенность, быстроту, неожиданность действия, которое выполняет душа, для окружающих.

Во-вторых, при появлении душ умерших, как и в других случаях проявления сверхъестественного, используется группа глаголов обманчивого восприятия. Эти глаголы, распространенные в русских диалектах, активно заимствуются коми-пермяками. Все глаголы со значением ‘мерещиться, чудиться’ *блазнйтны*, *вержйтчины*, *верийитчины*, *вөржйтчины*, *прикашайтчины* пришли из контактных пермских русских говоров. Только глагол *казьмöтчины* ‘напомнить о себе, дать знать о себе’ является исконным, при этом он имеет более конкретное значение и употребляется также и в прямом значении в контекстах, не связанных с миром сверхъестественного.

По всей видимости, основной причиной заимствования коми-пермяцким языком данной группы глаголов является их абстрактный характер, отвлеченность от конкретных звуковых проявлений, которыми описывается появление душ умерших в коми-пермяцком языке.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

Авторы выражают благодарность А. В. Кротовой-Гариной, Е. Л. Федосеевой, Ю. М. Юркиной за помощь в сборе и расшифровке диалектных материалов.

Источники с сокращениями:

КПА – Полевые материалы на коми-пермяцком языке, хранящиеся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. М., 1985. 624 с.

КЭСЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

ПМ – Полевые материалы, собранные в рамках работы над проектом РНФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» в 2022–2023 гг.

СДКЯ – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. / под ред. Л. М. Безносиковой. Т. I: А–О; Т. II: Ё–Я. Сыктывкар: Кола, 2012.

ФДА ПГНИУ – фольклорный и диалектный архив филологического факультета ПГНИУ.

Литература:

Виноградова Л. Н., Гура А. В. Щекотка в свете славянской лексики и мифологии (полесские данные на общеславянском фоне) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16, № 1–2. С. 7–38.

Виноградова Л. Н. Звуковой портрет нечистой силы // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 179–199.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Маматов, 2011. 272 с.

Климов В. В. Корни бытия. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 2007. 368 с.

Кривощёкова-Гантман А. С. Изобразительные слова // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь: ПГПУ, 2006а. С. 39–56.

Кривощёкова-Гантман А. С. Фразеология // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь: ПГПУ, 2006б. С. 188–205.

Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1998. 124 с.

Лимеров П. Ф. Кулӧма // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: Издательство ДИК, 1999а. С. 215–218.

Лимеров П. Ф. Лов // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: Издательство ДИК, 1999б. С. 226.

Лимеров П. Ф. Орт // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: Издательство ДИК, 1999в. С. 268–269.

Материалы по коми-пермяцкой демонологии / авт.-сост. А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток, А. С. Лобанова, С. Ю. Королева, И. И. Русинова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. 168 с.

Налимов В. П. Загробный мир по верованиям зырян // Этнографическое обозрение. 1907. № 1–2. С. 1–23.

Панюков А. В. Фольклорная традиция Выми в жанрах сказочной прозы // Фольклористика коми. Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. С. 21–45.

Рочев Ю. Г. Традиционные представления об орте и их трансформация в современности // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар, 1986. С. 57–70.

Сорокин П. А. Пережитки анимизма у зырян // Наследие. 2011. № 1. С. 23–44.

Уляшев О. И. Кулӧм // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: Издательство ДИК, 1999. С. 214–215.

Чугаева С. В. Человек и смерть. М.: Триумф, 2015. 256 с.

Шляхова С. С., Лобанова А. С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке. Пермь: ПГПУ, 2012. 297 с.

Ясинская М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 278 с.

Шкураток Юлия Анатольевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Ул. Букирева, 15, Пермь, 614068.

E-mail: shkuratok@mail.ru

Матвеева Елена Михайловна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Ул. Сибирская, 24, Пермь, 614990.

E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com

Материал поступил в редакцию 6 ноября 2023 г.

Yu. A. Shkuratok, E. M. Matveeva

ORIGINAL AND BORROWED VERBS INDICATING THE ENCOUNTER WITH THE SOULS OF THE DEAD IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE

This article analyzes the Komi-Permyak ideas about the souls of the dead and their implementation in oral narratives, the use of Russian borrowings in the Komi-Permyak language. We have used the method of contextual analysis, which aims to describe linguistic features that reflect the links between the language and the culture of the Komi-Permyaks. The Komi adhere to the idea that man has two souls – *lov* and *ort*. The first is the inner soul, the soul breath that leaves the body at the time of death, the second is the outer soul, the shadow, the doppelganger of a person that can become visible before death. Modern Komi-Permyaks do not distinguish between two forms of the soul, although there are still stories about various harbingers of death, including doppelgangers. In addition to the original word *ort*, the word *urös* has also survived in various dialects: Among the Komi-Izhma, this word refers to a figure close to the *ort*; among the Kochevo Komi-Permyaks, it is used in texts about harbingers of death; among the Russified Onkovites, it is a spirit that appears before death. The soul of the deceased remains in the house until day 40 (six weeks). It manifests itself in various sounds, and the Komi-Permyak language has a developed system of onomatopoeic words. In addition, there are also Russian loan verbs meaning 'to imagine, to wonder' *blaznite*, *verzhitshyny*, *versishchyny*, *vörzhitchyny*, *prikashaytshyny*, as well as the original verb *kazmötchyny* 'to remember, to make oneself known'. The main reason for borrowing this group of verbs from the Komi-Permyak language is obviously their abstract character, the abstraction from concrete manifestations (mostly sound), which describe the appearance of the souls of the dead in the Komi-Permyak language.

Keywords: *Komi-Permyak language, ort soul, lov soul, onomatopoeia, imagining things*

References:

- Chugaeva S. V.** Chelovek i smert' [Man and Death]. Moscow, Triumf, 2015. 256 p. (in Russian).
- Goleva T. G.** Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov [Mythological Characters in the Komi-Permyaks' Worldview System]. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2011. 272 p. (in Russian).
- Klimov V. V.** Komi bytiya [The roots of being]. Kudymkar, Komi-Permyak book publishing house, 2007. 368 p. (in Russian).
- Krivoshchekova-Gantman A. S.** Frazеология [Phraseology]. Sobranie sochineniy v 2 tomakh. T. 1. Grammatika, dialektologiya, leksika i frazeologiya, problemy razvitiya yazyka [Collected essays in 2 volumes. Vol. 1. Grammar, dialectology, vocabulary and phraseology, problems of language development]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2006b. P. 188–205 (in Russian).
- Krivoshchekova-Gantman A. S.** Izobrazitel'nye slova [Onomatopoeic words]. Sobranie sochineniy v 2 tomakh. T. 1. Grammatika, dialektologiya, leksika i frazeologiya, problemy razvitiya yazyka [Collected essays in 2 volumes. Vol. 1. Grammar, dialectology, vocabulary and phraseology, problems of language development]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2006a, pp. 39–56 (in Russian).
- Limerov P. F.** Kulöma [Kulöma]. Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya komi [Encyclopedia of Ural mythology. Vol. 1. Mythology of the Komi] by ed. V. V. Napol'skikh. Moscow, Syktyvkar, DIK Publ., 1999, pp. 215–218 (in Russian).
- Limerov P. F.** Lov [Lov]. Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya komi [Encyclopedia of Ural mythology. Vol. 1. Mythology of the Komi] by ed. V. V. Napol'skikh. Moscow, Syktyvkar, DIK Publ., 1999, p. 226 (in Russian).

- Limerov P. F.** Ort [Ort]. Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya komi [Encyclopedia of Ural mythology. Vol. 1. Mythology of the Komi] by ed. V. V. Napol'skikh. Moscow; Syktyvkar, DIK Publ., 1999. P. 268–269 (in Russian).
- Limerov P. F.** Mifologiya zagrobnogo mira [Mythology of the underworld]. Syktyvkar, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 124 p. (in Russian).
- Materialy po komi-permyatskoy demonologii** [Materials on Komi-Permyak demonology: monograph] by A. V. Krotova-Garina, Yu. A. Shkuratok, A. S. Lobanova, S. Yu. Koroleva, I. I. Rusinova. Perm, Perm State University Publ., 2020. 168 p. (in Russian and Komi-Permyak).
- Nalimov V. P.** Zagrobnyy mir po verovaniyam zyryan [Afterlife Beliefs of the Zyrian People]. Etnograficheskoe Obozrenie, 1907, is. 1–2. P. 1–23 (in Russian).
- Panyukov A. V.** Fol'klornaya traditsiya Vymi v zhanrakh neskazochnoy prozy [Folklore tradition of Vymi in the genres of non-fairy tale prose]. Fol'kloristika komi. Regional'nye fol'klornye traditsii Evropeyskogo Severo-Vostoka i Zaural'ya v mezhkul'turnom kontekste [Komi folkloristics. Regional folklore traditions of the European North-East and Trans-Urals in an intercultural context]. Syktyvkar, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. P. 21–45 (in Russian).
- Rochev Yu. G.** Traditsionnye predstavleniya ob orte i ikh transformatsiya v sovremennosti [Traditional ideas about orta and their transformation in modern times]. Traditsii i sovremennost' v kul'ture sel'skogo naseleniya Komi ASSR [Traditions and modernity in the culture of the rural population of the Komi ASSR]. Syktyvkar, 1986. P. 57–70 (in Russian).
- Shlyakhova S. S., Lobanova A. S.** Zvukoizobrazitel'nost' v komi-permyatskom yazyke [Sound imagery in the Komi-Permyak language]. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 2012. 297 p. (in Russian).
- Sorokin P. A.** Perezhitki animizma u zyryan [Remnants of animism among the Zyryans]. Nasledie [Heritage]. 2011, is. 1. P. 23–44 (in Russian).
- Ulyashev O. I.** Kulöm [Kulöm]. Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya komi [Encyclopedia of Ural mythology. Vol. 1. Mythology of the Komi] by ed. V. V. Napol'skikh. Moscow; Syktyvkar, DIK Publ., 1999, pp. 214–215 (in Russian).
- Vinogradova L. N.** Zvukovoy portret nechistoy sily [Sound portrait of evil spirits]. Mir zvuchashchiy i molchashchiy: Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul'ture slavyan [The sounding and silent world: Semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 1999. P. 179–199 (in Russian).
- Vinogradova L. N., Gura A. V.** Shchekotka v svete slavyanskoy leksiki i mifologii (polesskie dannye na obshcheslavyanskom fone) [Tickling in the light of Slavic vocabulary and mythology (Polesie data on a common Slavic background)]. Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii [The Slavic world in the third millennium]. 2021. Vol. 16, is. 1–2. P. 7–38 (in Russian).
- Yasinskaya M. V.** Predstavleniya o glazakh i zrenii v yazyke i traditsionnoy kul'ture slavyan. Dis. kand. filol. nauk [Ideas about eyes and vision in the language and traditional culture of the Slavs. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 278 p. (in Russian).

Shkuratok Yuliya Anatol'evna.

Candidate of Philology. Assistant Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Perm State University.

Bukireva str., 15, Perm, Russia, 614990.

E-mail: shkuratok@mail.ru

Matveeva Elena Mikhailovna.

Candidate of Philology. Assistant Professor of the Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature.

Perm State Humanitarian-Pedagogical University.

Sibirskaya str., 24, Perm, Russia, 614990.

E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 903.42

Е. А. Богайчук, Д. А. Бычков, А. А. Идимешев

МАТЕРИАЛЫ САМУСЬСКОЙ И ШЕЛОМОКСКОЙ КУЛЬТУР ПОСЕЛЕНИЯ САМУСЬКА III (ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ): ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2018–2019 ГОДОВ¹

Статья посвящена публикации материалов исследования поселения Самуська III, выявленного в 2016 г. на территории Самусьского археологического микрорайона (Томское Приобье), и является продолжением опубликованных ранее результатов изучения каменной индустрии памятника по итогам работ 2018 г. Основой для написания работы послужили материалы полевых исследований 2018–2019 гг., которые происходят из семи шурфов общей площадью 14 кв. м. Находки представлены фрагментами керамических сосудов, обломком технической керамики, изделиями из камня и продуктами его расщепления, обломками минеральных пигментов, фрагментом окаменелого дерева, шлаками и кальцинированными костями. Основу керамического комплекса составляют артефакты, относящиеся к шеломокской культуре раннего железного века и самусьской культуре периода ранней-развитой бронзы, имеются также единичные фрагменты сосудов позднего неолита-энеолита. Анализ каменной индустрии памятника дополнен характеристикой коллекции 2019 г. и соответствует ранее опубликованным данным. Орудия со следами дробления и растирания красящих веществ и минеральные пигменты со следами обработки отражают этапы изготовления краски населением самусьской культуры. Стратиграфия в заложенных шурфах с культуросо-держащими слоями соответствует стратиграфической ситуации на участках с естественным формированием почв. Но в шурфе 2018 г. выделяются два стратиграфических пласта, которые соответствуют периоду ранней-развитой бронзы и раннему железному веку. Также в данном шурфе обнаружено скопление орудий, заготовок и предметов с неутилитарными функциями, которое располагалось в непосредственной близости с пятном темно-серой плотной супеси, погруженным в археологически стерильный слой. Данная работа позволила вписать ранее опубликованные данные памятника в культурно-исторический контекст и отнести каменную индустрию к самусьской культуре. Полученная радиоуглеродная дата в совокупности с коллекцией находок дает основания к отнесению комплекса ранней-развитой бронзы к позднему этапу существования самусьской культуры. Скопление артефактов из шурфа 2018 г. может интерпретироваться как набор, который хранился или переносился в футляре, или как приклад, учитывая стратиграфическое и планиграфическое расположение.

Ключевые слова: *Томское Приобье, Самусь, Томь, ранняя-развитая бронза, ранний железный век, самусьская культура, шеломокская культура*

Самусьский археологический микрорайон сыграл важную роль в разработке схем историко-культурного развития Томского Приобья эпох неолита, бронзы и раннего железа. История исследования памятников микрорайона насчитывает более полувека (Матющенко, 1973; Плетнева, 1977; Косарев, 1981). Однако, несмотря на хорошую изученность, в его границах и на современном этапе исследований выявляются неизвестные ранее археологические объекты (Бычков, Боровская, Идимешев, 2022; Идимешев и др., 2021). В 2016 г. на территории микрорайона А. А. Идимешевым был обнаружен памятник, получивший название Самуська III. Исследовательский интерес к этому объекту обусловлен прежде всего его непосредственной близостью к ключевым памятникам эпох неолита-энеолита (Самусьский могильник, поселения Самусь I, III), бронзы (поселения Самусь III, IV), раннего железа (поселение Самусь II). Учитывая, что большая часть перечисленных памятников на сегодняшний день частично или полностью утрачена, актуальность изучения выявленного поселения не вызывает сомнений.

¹ Результаты радиоуглеродного датирования получены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов». Остальная часть работы выполнена в рамках гос. задания АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Полевые исследования на поселении Самуська III осуществлялись в 2016, 2018 и 2019 гг. Памятник расположен на правобережной первой надпойменной террасе р. Томи, приуроченной к левому берегу р. Самуськи и старицы р. Томи – Баранчуково озеро, высота террасы на данном участке варьируется от 1 до 6 м (Идимешев, Бычков, Асочакова, 2020: 116, рис. 1). Поселение включает четыре выраженных в рельефе впадины подпрямоугольной и подовальной форм размерами от 6 x 5 м до 10,5 x 9,5 м и глубиной от 0,3 до 0,6 м, которые располагаются компактной группой. Большая часть территории памятника не содержит фиксируемых в рельефе объектов. В ходе работ 2018–2019 гг. было заложено девять шурфов на различных участках поселения с целью установления культурно-хронологической характеристики и границ памятника. В семи шурфах общей площадью 14 кв. м был зафиксирован культуросодержащий слой. Коллекция артефактов с памятника составляет 451 единицу: 95 фрагментов керамических сосудов, 1 обломок технической керамики, 337 изделий из камня и продуктов его расщепления, 13 обломков минеральных пигментов, 1 фрагмент окаменелого дерева и 4 шлака. Коллекцию дополняют 8 кальцинированных фрагментов кости, не поддающихся видовому определению.

Характеристика каменной индустрии поселения Самуська III по результатам исследований 2018 г. уже была представлена в публикации (Идимешев, Бычков, Асочакова, 2020).

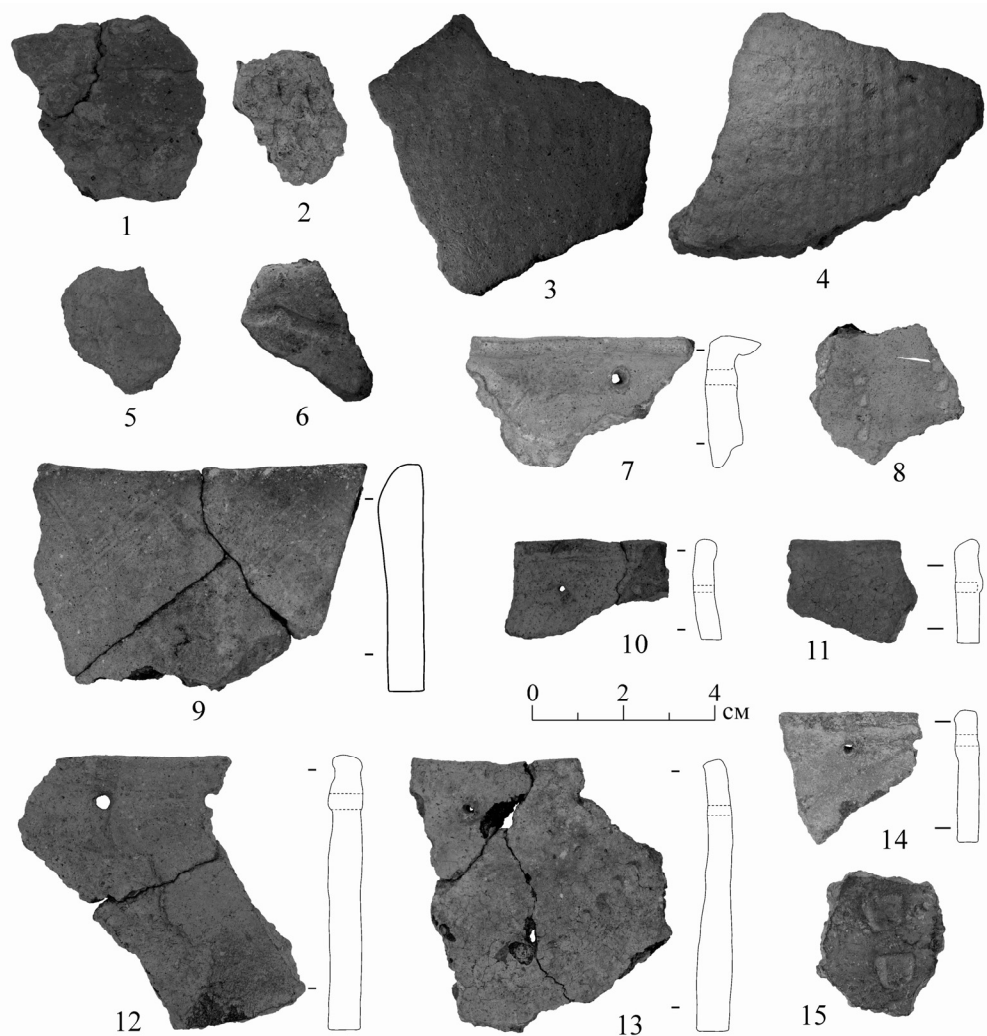

Рис. 1. Фрагменты керамических сосудов с поселения Самуська III: 1–2 – керамика периода позднего неолита-энеолита; 3–6 – керамика периода ранней-развитой бронзы (самусьская культура); 7–15 – керамика эпохи раннего железа (шеломокская культура)

В 2019 г. коллекция с рассматриваемого памятника была существенно дополнена, что способствовало формированию показательного керамического комплекса. Кроме этого, проведенные работы позволили проанализировать и обобщить некоторые стратиграфические и планиграфические наблюдения на памятнике. Таким образом, накопленная на данный момент информация является достаточной не только для того, чтобы рассмотреть памятник с учетом регионального историко-культурного контекста, но и существенно дополнить представления о периодах ранней-развитой бронзы и раннего железа Томского Приобья и сопредельных территорий. Актуальность введения в научный оборот имеющихся сведений определяется трендом исследований в этом направлении на указанных территориях (напр. Рыбаков, 2022; Рагимханова, 2022; Марочкин и др., 2021; Богайчук, 2021; и др.).

Стратиграфия выполненных на поселении шурфов имеет между собой схожую характеристику: культуросодержащий горизонт соотносится с пачками серой гумусированной супеси и слоем пятнистой серо-желтой и светло-серой супеси. Подобное залегание слоев фиксируется и на стратиграфических разрезах без наличия свидетельств человеческой деятельности, то есть на участках с естественным формированием почв. Исключением является шурф, который был исследован в 2018 г. Он имеет более сложную стратиграфию: верхние слои повторяют перечисленные ранее; в юго-западном углу шурфа погруженное в серую супесь со светло-серыми пятнами (археологически стерильный слой) на глубину до 0,3 м располагалось пятно темно-серой плотной супеси, над которым концентрировался слой, имеющий серо-розовую окраску (вероятно, окрашен с помощью минеральных красителей, наличие которых в коллекции материалов памятника будет отмечено далее в тексте). В темно-сером пятне находки не зафиксированы. Стратиграфия шурфа осложнена ламелями (Идимешев, Асочакова, Бычков, 2020: 117, рис. 2). В описываемом шурфе также прослеживаются некоторые закономерности в месторасположении находок: плотная сформированная ламель, которая залегает на глубине 0,6–0,8 м от дневной поверхности, является границей между слоем, подвергавшимся антропогенному воздействию в эпоху раннего железа, и слоем, в котором фиксируются только артефакты периода ранней-развитой бронзы (за исключением единичных находок раннего железного века в норах землероев). Почвенная масса, залегающая поверх плотных сформированных ламелей, содержит находки обоих выделяемых на памятнике хронологических этапов – ранней-развитой бронзы и раннего железного века, которые располагаются бессистемно. Стоит отметить, что культуросодержащие слои всех шурфов осложнены биотурбациями, о чем свидетельствуют многочисленные норы землероев.

В качестве источника информации для определения культурно-хронологической атрибуции нами используются керамические комплексы, так как в исследуемом регионе они являются основой для создания моделей периодизации. При анализе учитывается минимально возможное количество сосудов исходя из имеющихся фрагментов. Часть фрагментов керамики не идентифицируется, так как имеет сильную фрагментацию или не содержит характерных черт.

Обнаружены единичные фрагменты тулов, относящиеся к двум разным сосудам, один орнаментирован рядами отступающей палочки, другой – горизонтальными рядами отрисков палочки, поставленной под наклоном (рис. 1, 1–2). Данные фрагменты, вероятнее всего, относятся к игрековскому типу периода позднего неолита-энеолита, но, учитывая количество и размер находок, это определение может быть ошибочным (Косарев, 1981: 70–74; Синицына, 2008; Марочкин, Юракова, 2014: 193–194). Учитывая незначительное количество фрагментов, неуверенность в культурно-хронологической принадлежности и залегание в слое, подвергшемся активному воздействию в эпоху раннего железа, данная керамика не будет соотноситься с другими категориями предметов в коллекции.

Керамика периода ранней-развитой бронзы, относящаяся к самусьской культуре, представлена фрагментами тулов четырех сосудов, из-за отсутствия венчиков и донец форму

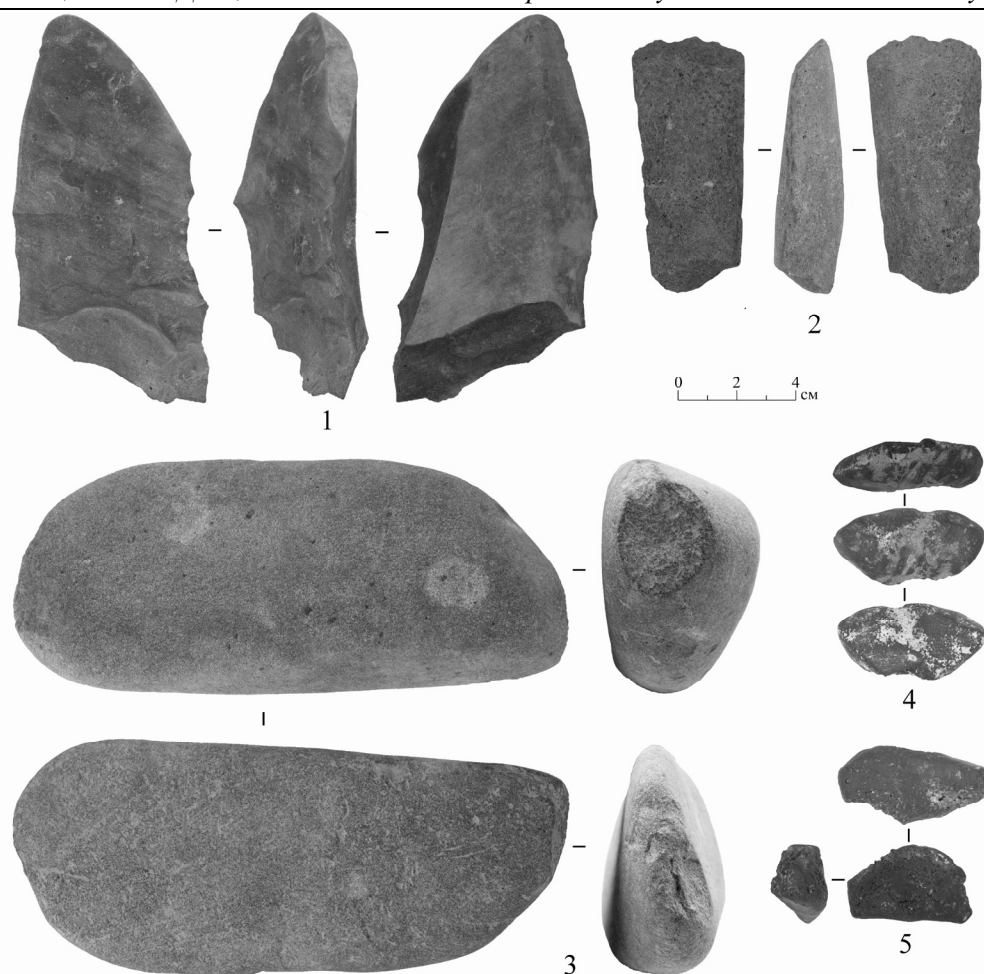

Рис. 2. Продукты каменной индустрии и минеральные пигменты с поселения Самуська III: 1 – нуклевидное изделие; 2 – заготовка тесловидного изделия; 3 – галька со следами антропогенного воздействия; 4–5 – минеральные пигменты со следами обработки

сосудов установить не удастся. Один сосуд (25 фр.) орнаментирован горизонтальными рядами, выполненными движущейся гребенкой (шагание с протаскиванием) (рис. 1, 3–4). Данный орнамент характерен для самусьской керамики и соответствует группе Б². Второй сосуд (1 фр.) орнаментирован рядами горизонтальных оттисков штампа подовальной формы с поперечной штриховкой внутри (рис. 1, 5). Подобное декорирование сосудов более характерно для группы В, но имеется и на сосудах группы Б. Третий (1 фр.) и четвертый (2 фр.) сосуды орнаментированы слабоволнистой прочерченной линией (рис. 1, 6), подобная орнаментация характерна для сосудов группы В (Молодин, Глушков, 1989: 77–98; Идимешев, Богайчук, Степанова, 2023).

Ранний железный век представлен фрагментами от семи сосудов баночной формы:

Сосуд 1 (26 фр.) (рис. 1, 7–8). Срез венчика прямой с «карнизиком» с внешней стороны. Под срезом венчика расположен горизонтальный ряд сквозных отверстий. Тулово орнаментировано разряженными оттисками вертикально поставленной пятизубой гребенки. На внутренней стороне сосуда имеются следы заглаживания зубчатым инструментом.

Сосуд 2 (6 фр.) (рис. 1, 14–15). Срез венчика округлый с наплывами на внутренней и наружной сторонах. Под срезом венчика горизонтальный ряд сквозных отверстий. Тулово орнаментировано оттисками гладкого штампа подквадратной формы.

² Здесь и далее для классификации самусьской керамики используется модель В. И. Молодина и И. Г. Глушкова, разработанная для анализа коллекции поселения Самусь IV (Молодин, Глушков, 1989: 77–98).

Сосуд 3 (8 фр.) (рис. 1, 10). Срез венчика округлый с наплывами на внутренней стороне. Под срезом венчика расположен горизонтальный ряд сквозных отверстий. Орнамент на тулове отсутствует.

Сосуд 4 (4 фр.) (рис. 1, 9). Срез венчика отогнут наружу. Край венчика орнаментирован разнонаправленными диагональными насечками. Под срезом венчика расположен геометрический орнамент, выполненный наклонными резными линиями.

Сосуд 5 (3 фр.) (рис. 1, 11). Срез венчика округлый. Под срезом венчика расположен горизонтальный ряд «жемчужника». Орнамент на тулове отсутствует.

Сосуд 6 (5 фр.) (рис. 1, 13). Срез венчика прямой. Под срезом венчика расположен горизонтальный ряд проколотого «жемчужника». Тулово орнаментировано диагональными рядами дугообразных вдавлений.

Сосуд 7 (5 фр.) (рис. 1, 12). Срез венчика округлый. Под срезом венчика горизонтальный ряд сквозных отверстий. Орнамент на тулове отсутствует.

Перечисленные фрагменты керамических сосудов имеют аналогии в памятниках шеломокской культуры Томского Приобья, для которых характерно расположение сквозных отверстий или «жемчужника» в зоне под венчиком и слабая орнаментация тулова. Схожее с сосудом 4 декорирование распространено реже, но также имеет аналогии на поселениях Шеломок II, Самусь II и Кижирова (Плетнева, 2018; Плетнева, Рагимханова, Степанова, 2019: 122–124).

Ранее был проведен анализ каменной индустрии поселения Самусь III по материалам исследований 2018 г. На основе анализа 163 предметов были охарактеризованы технологически важные черты индустрии (Идимешев, Бычков, Асочакова, 2020). В 2019 г. коллекция памятника пополнилась 182 изделиями из камня и продуктами его расщепления. 93,4% предметов относятся к целевым сколам без вторичной обработки и отходам производства. Характеристика данных категорий продуктов каменной индустрии аналогична представленным ранее, минералогический состав коллекции разнообразен. Учитывая, что для эпохи раннего железа имеющиеся предметы каменной индустрии не характерны, а культурно-хронологический компонент эпохи позднего неолита-энеолита на изучаемом поселении представлен малочисленно, то предметы из камня были отнесены к комплексу самусьской культуры.

Нуклевидные изделия представлены тремя экземплярами. Заготовки со следами вторичной обработки в количестве девяти предметов: два выполнены на пластинах, четыре – на отщепах, один – на гальке, одно изделие, идентифицируемое как геометрический микролит, одна галька со следами антропогенного воздействия.

Нуклевидные формы идентифицируются таковыми по факту наличия серии негативов от пластинчатых и иных сколов (рис. 2, 1). Относятся к одноплощадочным, фронт которых оформлен на гальках с подготовкой и без ударных площадок. Такая морфология характерна для материалов эпохи голоцена в Нижнем Притомье.

«Микролит» имеет почти полное морфологическое сходство с изделием из шурфа 2018 г. (Идимешев, Бычков, Асочакова, 2020: 119, рис. 4-4). Изготовлен из кварцитовидного песчаника. По широкому краю оформлен эпизодической параллельной равнофасеточной ретушью.

Все имеющиеся заготовки с ретушью изготовлены из кварцитовидного песчаника. Вторичная обработка зафиксирована на двух регулярных пластинах: целая пластина и дистальная часть пластины с трапециевидным сечением. У целой пластины полностью ретуширован левый край, на правом краю – дистальная и проксимальная части. Ретушь чередующаяся, краевая, слабой степени модификации, расположена в ряд. Морфология негативов субпараллельная, разнофасеточная. Вторая заготовка на дистальной части пластины – на правом краю по дорсальной поверхности расположена рядная, краевая, слабой степени модификации ретушь. Морфология негативов ретуши чешуйчатая, разнофасеточная.

Также вторичная обработка имеется на четырех отщепах, три из которых, вероятно, являются заготовками скребков с дугообразным контуром рабочей части. Непрерывная краевая

ретушь нанесена на дорсальную поверхность. Морфология негативов ретуши на двух заготовках чешуйчатая, на одной – субпараллельная, расположена в ряд. Подобные готовые изделия широко представлены в памятниках сейминско-турбинского времени (Молодин, Глушков, 1989: 29–30) и в литературе часто именуются ногтевидными скребками.

Заготовка тесловидного изделия выполнена на гальке (рис. 2, 2). Размер – 87 х 39 х 23 мм. При модификации изделия использовались две техники обработки – расщепление и шлифование. На рабочей части и боковых краях заготовки зафиксированы негативы снятий. Лицевая и обратная стороны со следами шлифовки. Аналогичные орудия известны в материалах памятников эпох неолита и бронзы и широко распространены по территории Западной Сибири.

На гальке размером 180 х 79 х 53 мм фиксируются следы различного воздействия (рис. 2, 3). На двух концах предмета расположены следы обивки. На лицевой и обратной сторонах – однонаправленные царапины и бороздки различной ширины. На различных частях фиксируются выбоины. Кроме этого, на лицевой и боковой сторонах и на одном конце расположены локальные окрашенные участки красного и бордового цветов. С учетом того, что на памятнике обнаружено достаточно большое количество обломков минеральных пигментов, соответствующих по цвету, данное изделие интерпретируется как орудие для дробления и растирания красящих веществ.

Следующей категорией находок являются обломки минеральных пигментов красного и бурого цветов – гетит либо гематит (рис. 2, 4–5; 3, 2, 4, 7). Представлен 13 образцами, 5 из которых имеют следы антропогенного воздействия – шлифовки, скобления. Размеры варьируются от 13 х 7 х 5 до 86 х 47 х 21 мм. Примечательно, что все минеральные пигменты из шурфа 2018 г., на которых фиксируются следы воздействия, залегали в скоплении, которое будет описано далее в тексте. Скобление осуществлялось предметами с шириной рабочей поверхности 0,5–3,5 мм. На некоторых частях обломков сохранена естественная непотревоженная поверхность или светло-серая корка. Минеральные пигменты встречаются на разных участках памятника, что может свидетельствовать об их широком использовании. Стоит отметить, что на памятнике были также обнаружены предметы, которые предположительно использовались для дробления и растирания красящих веществ. В материалах самусьской культуры зафиксированы следы использования красящих веществ различных оттенков красного. Случаи окрашивания зафиксированы на изделиях с неутилитарными функциями: Г-образные и сегментовидные предметы, антропоморфные и зооморфные скульптуры (Есин, 2009: 114–124, 325, 327–330, 336, 339).

В шурфе 2018 г. на стратиграфическом уровне, который нами отнесен к периоду ранней-развитой бронзы, было обнаружено скопление артефактов, которые были компактно уложены и соприкасались друг с другом. Есть вероятность, что предметы были размещены вместе преднамеренно и хранились в емкости из органического материала, которая не сохранилась до нашего времени. В данном скоплении отмечено 26 предметов.

Два изделия интерпретируются как грузила или стерженьки для рыболовных крючков (рис. 3, 1) (Идимешев, Бычков, Асочакова, 2020: рис. 5-1). Размеры – 96 х 38 х 22 и 95 х 36 х 17 мм. Являются шлифованными гальками, на обоих концах которых расположены проточенные и прошлифованные прорезы, по одной на каждом конце. Одно изделие изготовлено из метандезита, другое – из лимонита. Существует вероятность, что данные предметы являются незавершенными изделиями. Схожие по конструкции предметы характерны для памятников Верхнего и Среднего Приобья от позднего неолита до развитой бронзы, встречаются в памятниках самусьской, уткульской и степановской культур ранней-развитой бронзы (Матющенко, 1973: рис. 15-2, 5, 6; Молодин, Глушков, 1989: 43, 45, рис. 18-10; Кирюшин, 2002: 22–23, 41, 55; Кирюшин, 2004: 21, 65; Грушин, 2014: 417–418).

Два абразива, изготовленные из метабазальта (рис. 3, 12) (Идимешев, Бычков, Асочакова, 2020: рис. 5-2). На одном изделии размером 68 х 56 х 11 мм фиксируется пять рабочих поверхностей, три из которых имеют пришлифованную поверхность, вероятно использовавшаяся для заточки изделий с широкой рабочей частью (например, ножей). На двух фиксируются

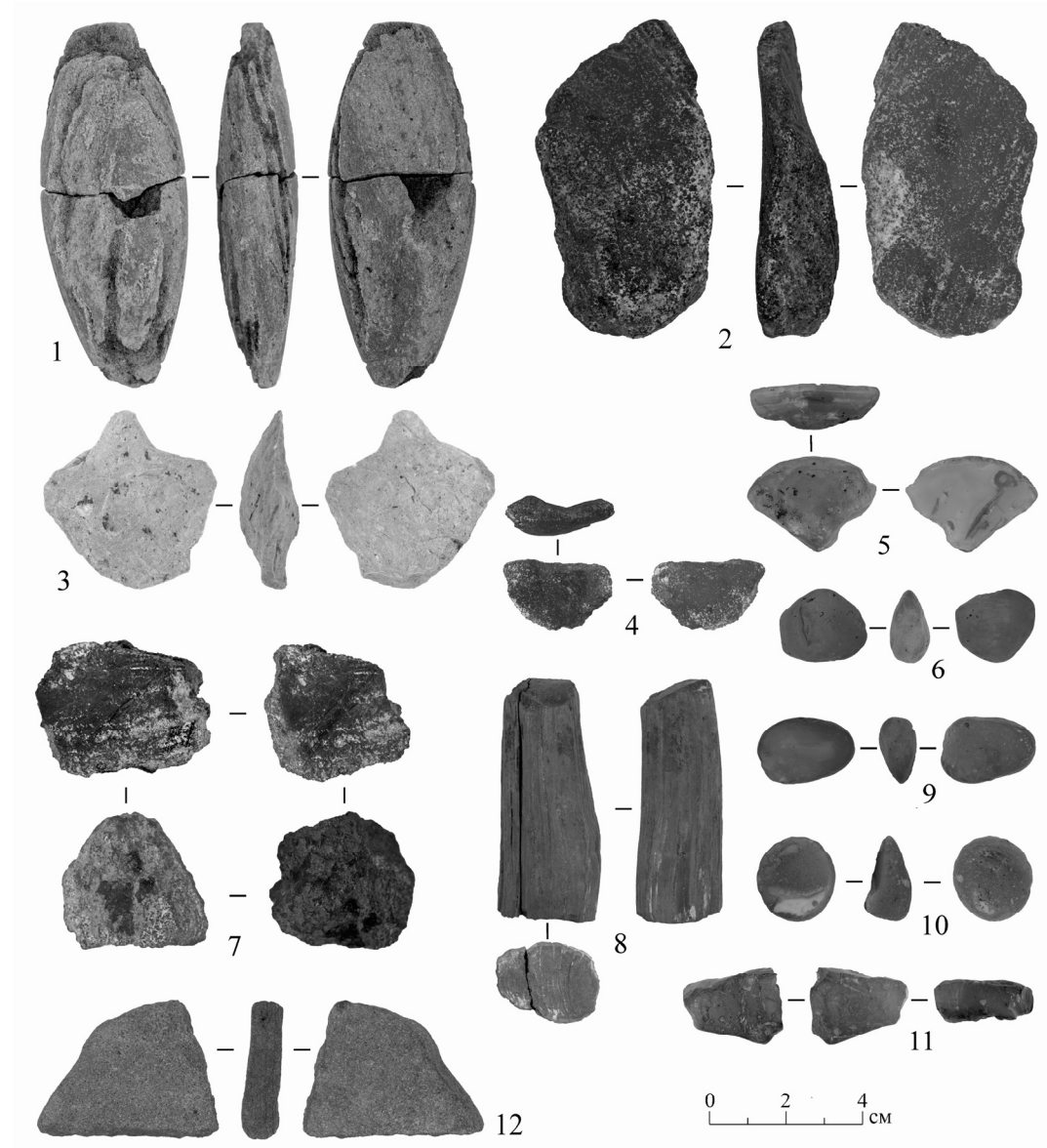

Рис. 3. Материалы скопления с поселения Самуська III из шурфа 2018 г.: 1 – грузило или стержень для рыболовного крючка; 2, 4, 7 – минеральные пигменты со следами обработки; 3 – шиповидное орудие; 5–6, 9–11 – гальки из халцедона; 8 – фрагмент окаменелого дерева; 12 – абразив

продольные и поперечные желобки, предположительно образовавшиеся в процессе проточки изделий с узкой рабочей частью (например, шилья). Другое изделие, размером 47 x 36 x 13 мм, имеет одну рабочую площадку со следами пришлифованности, но без видимых царапин. Также на нем присутствуют следы красно-бордовой краски, возможно, данный предмет использовался для растирания минеральных пигментов; но существует вероятность, что предмет окрасился из-за близкого залегания с подобными минералами. Учитывая широкое распространение изделий из металла в период существования самусьской культуры, данные предметы вполне характерны.

Отбойник, изготовленный из метабазальта, размером 112 x 44 x 23 мм (Идимешев, Бычков, Асочакова, 2020: рис. 6–2). Является галькой с характерными выбоинами на вентральной части. Схожий по форме отбойник был обнаружен на поселении Ивановка-1 в слое ранней и развитой бронзы, в котором зафиксированы сосуды крохалевской и самусьской культур, а также гребенчато-ямочной орнаментации (Бобров В. В. и др., 2014: 110, рис. 2–9).

Шиповидное орудие, изготовленное из кварцитовидного песчаника (рис. 3, 3), оформлено на отщепе. Подобная категория изделий представлена на поселении самусьской культуры Потаповы Лужки III (Богайчук, 2021).

Нуклеидный обломок из кварцитовидного песчаника. Высокая степень истощения изделия не позволяет произвести характеристику технологии (Идимешев, Бычков, Асочакова, 2020: 123).

Фрагмент окаменелого дерева размером 66 x 31 x 24 мм (рис. 3, 8). На одном конце предмета имеются выбоины, но они могут являться естественными.

Пять галек из халцедона размерами от 23 x 21 x 11 до 30 x 25 x 11 мм. Первый предмет имеет следы обработки: одна сторона представлена прямой зашлифованной и заполированной поверхностью со следами снятий на краях, на двух ребрах также фиксируются негативы снятий, на остальной части сохранена галечная поверхность (рис. 3, 5). Другая галька также имеет прямую поверхность, но свидетельства шлифовки и скалывания отсутствуют, остальная часть покрыта галечной поверхностью (рис. 3, 10). Третий предмет не модифицирован, но на одной стороне расположены прочерченные однонаправленные линии (рис. 3, 6). На четвертой гальке следов антропогенного воздействия не зафиксировано (рис. 3, 9). Пятая – обработана ретушью по периметру латеральной стороны (рис. 3, 11). Данные предметы, вероятно, являются заготовками для изготовления украшений. В целом использование халцедона для изготовления орудий в эпоху бронзы на территории Западной Сибири достаточно распространено (например: Толпеко, 2016; Пошехонова, Скочина, 2012: 37; Кулик, Мыльникова, Нохрина, 2010: 57–58).

Три обломка минеральных пигментов красного и бурого цветов – гетит или гематит (рис. 3, 2, 4, 7). На всех предметах зафиксированы значительные сработанности, следы шлифовки и скобления острыми предметами шириной 1–3 мм.

Также в описываемом скоплении залежали три пластинчатых отщепа, четыре скола, одна пластина и один осколок, изготовленные из различного сырья, а также одна галька без следов обработки.

Таким образом, не только стратиграфическая позиция, но и предметный набор из скопления позволяют определить его единовременность и принадлежность к самусьской культуре. Имеющееся количество орудий, заготовок и предметов, которые могут иметь неутилитарные функции в одном скоплении, также указывает на преднамеренность формирования такого набора. Можно также предположить, что данное скопление предметов связано с пятном темно-серой плотной супеси, которое может являться погребением, в котором из-за свойств почв не сохранились костные остатки. Подобное предположение уместно, учитывая, что пятно имеет вытянутую форму и ориентировано по линии ЮЗ-СВ. Увеличение площади вскрышных работ на данном участке памятника в будущем позволит более подробно рассмотреть данную ситуацию.

В шурфе 2018 г. в слое, содержащем материалы ранней-развитой бронзы, на границе пятна темно-серой плотной супеси и серо-розовой окрашенной супеси на глубине 0,85 м от дневной поверхности был отобран фрагмент древесного угля для датирования. Принимается во внимание, что данный образец обнаружен не в закрытом комплексе, но его стратиграфическое расположение дает основания для объективности его анализа, поскольку на данном участке визуально не фиксировалось нор и корневых ходов. Калиброванная радиоуглеродная дата (УМС) относится к кон. XVII – сер. XV в. до н.э. (таблица). С учетом тенденции удревнения культур периода ранней-развитой бронзы Западной Сибири в отличие от принятых ранее, можно отнести полученную дату к позднему этапу существования самусьской культуры в Томском Приобье (Молодин, Глушков, 1989: 163; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014). Эти значения синхронизируются с датами древесного угля из жилища четвертого поселения Тух-Сигат, которые в калиброванной шкале соответствуют второй четверти XIX – кон. XV в. до н.э., комплекс находок из жилища соотносятся исследователями как со степановской, так и с поздним этапом самусьской культуры (Кирюшин, 2004: 89, 189, рис. 79; Есин, 2009: 144). Кроме этого, опубли-

ковано еще несколько дат для комплексов самусьской культуры, сделанных по нагару на керамических сосудах с поселения Самусь IV, укладываемых в XXVIII–XXV вв. до н.э. (Есин, 2009: 144), и костям ребенка из Утинкинского погребения – XXVII–XXII вв. до н.э. (Ковтун, Марочкин, Герман, 2017), но, как отмечается самими авторами, существует высокая вероятность резервуарного эффекта.

Радиоуглеродная дата и ее калиброванные значения (калибровка выполнена в программе OxCal 4.4.4 Bronk Ramsey (2021)).

Код лаборатории	Номер образца	Описание образца	Радиоуглеродный возраст (BP)	Календарный возраст (cal BC/AD)
GV	03917	Древесный уголь	3 274 ± 36	1δ (68 %) 1609–1502 BC 2δ (95,4 %) 1621–1451 BC

Материалы поселения Самуська III даже с учетом незначительной площади вскрышных работ существенно дополняют имеющиеся сведения об эпохах бронзы и раннего железа Томского Приобья. Несмотря на то что материалы шеломокской культуры представлены только фрагментами керамических сосудов, интерес вызывает расположение памятника на первой надпойменной террасе на противоположном берегу р. Самуська от другого поселения данной культуры – Самусь II. Дальнейшие исследования позволят установить относительную хронологию данных памятников и подробности системы расселения в микрорайоне в раннем железном веке.

Для представлений о периоде ранней-развитой бронзы полученные сведения являются более существенными. Керамический материал и полученная радиоуглеродная дата указывают на принадлежность комплекса самусьской культуре, ее позднему этапу существования. Это позволяет вписать полученные ранее результаты статистического анализа каменной индустрии в региональный культурно-хронологический контекст. Учитывая, что для известных каменных индустрий изучаемого региона определяется отсутствие их комплексного исследования, то данный результат является существенным вкладом в реконструкцию системы жизнеобеспечения древнего населения. Орудие со следами дробления и растирания красящих веществ и минеральные пигменты со следами воздействия человека отражают некоторые технологические этапы изготовления краски. Данный пласт материальной культуры изучаемого периода ранее не был так детально отражен в предметном комплексе и был известен по уже окрашенным предметам. Не менее важным является обнаружение скопления изделий и заготовок из камня, а также предметов, которые могли иметь не утилитарные функции. Это может интерпретироваться как некий набор, который человек хранил или переносил в футляре из органических материалов. Но, учитывая близкое расположение темно-серого плотного пятна и серо-розового окрашенного слоя, также может быть объяснено как преднамеренное помещение для утилизации в качестве приклада.

Литература:

- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Конончук К. В., Щербакова А. В.** Новые материалы ранней – начала развитой бронзы на поселениях Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. 20. С. 108–111.
- Богайчук Е. А.** Поселение Потаповы Лужки III – памятник самусьской культуры в Томском Приобье // Материалы LXI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 114–115.
- Бычков Д. А., Боровская Е. Д., Идимешев А. А.** Новые сведения об освоении в финале каменного века окрестностей п. Самусь в Томской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 977–981.

- Грушин С. П.** «Уткульская» группа памятников бронзового века в Верхнем Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 416–420.
- Есин Ю. Н.** Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск: Томский государственный университет, 2009. 526 с.
- Идимешев А. А., Богайчук Е. А., Степанова Н. Ф.** Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики с поселения Потаповы Лужки-III (Томское Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 1. С. 46–58.
- Идимешев А. А., Бычков Д. А., Асочакова Е. М.** Каменная индустрия поселения Самуська III по результатам статистического анализа // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 3 (29). С. 115–127.
- Идимешев А. А., Квасница Ю. К., Зограф А. А., Богайчук Е. А.** Археологические разведки в Томской области // Археологические открытия. 2021. Т. 2019. С. 416–418.
- Кирюшин Ю. Ф.** Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2004. 295 с.
- Кирюшин Ю. Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2002. 294 с.
- Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Герман П. В.** Радиоуглеродные даты и относительная хронология сейминско-турбинских, крохалёвских и самусьских древностей // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. Т. 1. С. 269–274.
- Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Кулик Н. А., Мыльникова Л. Н., Нохрина Т. И.** Сырьевая база каменной индустрии в переходное время от бронзового к раннему железному веку (на примере поселения Линёво-1) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 52–61.
- Марочкин А. Г., Сизев А. С., Юракова А. Ю., Гаврилов Д. А., Хайрулина К. Д.** Стратиграфия поселения Писаная-4 в окрестностях Томской Писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 511–519.
- Марочкин А. Г., Юракова А. Ю.** Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Приобья) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 3. С. 189–201.
- Матющенко В. И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1973. Вып. 10. 212 с.
- Молодин В. И., Глушков И. Г.** Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
- Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В.** Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 3. С. 136–167.
- Плетнева Л. М.** Орнаментация керамики из объектов поселения Шеломок II // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 175–183.
- Плетнева Л. М.** Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск: Издательство Томского университета, 1977. 142 с.
- Плетнева Л. М., Рагимханова И. Ж., Степанова Н. Ф.** Результаты технико-технологического анализа керамики из могильника Шеломок I, поселений Кижирова, Самусь II // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. Вып. 4 (26). С. 120–127.
- Плетнева Л. М., Степанова Н. Ф.** Результаты технико-технологического анализа керамики с поселения Шеломок II // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. 3 (21). С. 107–117.
- Пошехонова О. Е., Скочина С. Н.** Комплекс эпохи ранней бронзы многослойного поселения Пякупур 3 в северо-таежной зоне Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 31–41.
- Рагимханова И. Ж.** Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Шеломок-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. № 28. С. 307–312.
- Рыбаков Д. Ю.** Культурно-хронологическая позиция поселения Шеломок III по материалам раскопок 2017 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 190–197.
- Синицына Г. В.** О хронологии стоянок Игреково I и Игреково II в среднем Приобье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2008. С. 193–197.
- Толпеко И. В.** Розовый халцедон в материалах памятников эпохи ранней бронзы Окуневского археологического микрорайона // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 2 (10). С. 137–142.

Богайчук Елена Андреевна.

Магистрант.

Алтайский государственный университет.

Пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049.

E-mail: helenn.00@mail.ru

Бычков Дмитрий Александрович.

Младший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.

E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Идимешев Асап Алексеевич.

Старший преподаватель.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: asap.i@mail.ru

Материал поступил в редакцию 1 сентября 2023 г.

E. A. Bogaichuk, D. A. Bychkov, A. A. Idimeshev

MATERIALS OF THE SAMUS AND SHELOMOK CULTURES OF THE SAMUSKA III SETTLEMENT (TOMSK OB REGION): BASED ON THE RESULTS OF THE 2018–2019 WORK

The article is devoted to the publication of materials from the Samuska III settlement, discovered in 2016 on the territory of the Samus archeological microdistrict (Tomsk Ob region), and is a continuation of the previously published results of the study of the stone industry of the site based on the results of the 2018 works. The basis for writing the article was the materials of the 2018–2019 field studies, obtained from 7 test pits with a total area of 14 m². The finds include fragments of ceramic vessels, fragments of technical ceramics, stone objects, and their fission products, fragments of mineral pigments, a fragment of petrified wood, slag, and calcined bones. The artifacts of the Shelomok culture from the Early Iron Age and the Samus culture from the Early and Middle Bronze Age as well as individual vessel fragments from the Late Neolithic and Eneolithic form the basis of the ceramic complex. The analysis of the site's lithic industry is complemented by findings from the 2019 collection and is consistent with previously published data. Tools with traces of crushing and grinding of dyes and mineral pigments with traces of processing reflect the phases of paint production by the Samus culture population. The stratigraphy in the test pits with occupation layers corresponds to the stratigraphic situation in the areas with natural soil formation. In the 2018 pit, however, two stratigraphic layers were distinguished, corresponding to the Early and Middle Bronze Age and the Early Iron Age. In addition, an assemblage of tools, intermediates, and objects with non-utilitarian functions was found in this pit, which is located near a site with dark gray, dense, sandy clay immersed in an archeologically sterile layer. This work made it possible to place the previously published data from the site in a cultural and historical context and to attribute the stone industry to the Samus culture. The radiocarbon data obtained, together with the collected finds, give reason to attribute the Early and Middle Bronze Age complex to the late phase of the Samus culture. Given the stratigraphic and planigraphic position, the collection of artifacts from the 2018 pit can be interpreted as a set that was kept or carried in a case, or as grave goods.

Keywords: *Tomsk Ob region, Samus, Tom, Early and Middle Bronze Age, Early Iron Age, Samus culture, Shelomok culture*

References:

Bobrov V. V., Marochkin A. G., Yurakova A. Yu., Pankratova L. V., Kononchuk K. V., Shcherbakova A. V. Novye materialy rannej – nachala razvitoj bronzy na poseleniyah Nizhnego Pritom'ya [New materials of early – beginning of advanced Bronze Age on settlements of Lower Tom river region] // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2014. Vol. 20. P. 108–111.

- Bogaichuk E. A.** Poselenie Potapovy Luzhki III – pamyatnik samus'skoj kul'tury v Tomskom Priob'e [The settlement Potapovy Luzhki III is a site of the Samus culture in the Tomsk Ob river region] // *Materialy LXI Rossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) arheologo-etnograficheskoj konferencii studentov i molodyh uchenyh* [Materials of the LXI Russian (with international participation) archaeological and ethnographic conference of students and young scientists]. Irkutsk, Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2021. P. 114–115.
- Bychkov D. A., Borovskaya E. D., Idimeshev A. A.** Novye svedeniya ob osvoenii v finale kamennogo veka okrestnostej p. Samus' v Tomskoj oblasti [Recent data on the terminal stone age history of the Samus area in the Tomsk region] // *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2022. Vol. 28. P. 977–981.
- Grushin S. P.** "Utkul'skaya" gruppа pamyatnikov bronzovogo veka v Verhnem Priob'e [The "Utkul" group of Bronze Age monuments in the Upper Ob] // *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russia archaeological congress in Kazan]. Kazan, Otechestvo, 2014. Vol. 1. P. 416–420.
- Esin Yu. N.** Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura [Ancient art of Siberia: Samus culture]. Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2009. 526 p.
- Idimeshev A. A., Bogaichuk E. A., Stepanova N. F.** Predvaritel'nye rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki s poseleniya Potapovy Luzhki-III (Tomskoe Priob'e) [Preliminary results of the technical and technological analysis of the ceramics from the Potapovy Luzhki-III settlement (the Tomsk Ob river region)] // *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and practice of archaeological research]. 2023. Vol. 35, No. 1. P. 46–58.
- Idimeshev A. A., Bychkov D. A., Asochakova E. M.** Kamennaya industriya poseleniya Samus'ka III po rezul'tatam statisticheskogo analiza [Stone industry of Samuska III settlement based on the results of the statistic analysis] // *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2020. Vol. 3 (29). P. 115–127.
- Idimeshev A. A., Kvasnitsa Yu. K., Zograf A. A., Bogaichuk E. A.** Arheologicheskie razvedki v Tomskoj oblasti [Archaeological exploration in Tomsk region] // *Arheologicheskie otkrytiya* [Archaeological discoveries]. 2021. Vol. 2019. P. 416–418.
- Kiryushin Yu. F.** Eneolit i bronzovyj vek yuzhno-taezhnoj zony Zapadnoj Sibiri [Eneolithic and Bronze Age of the Southern Taiga area of Western Siberia]. Barnaul, Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 2004. 295 p.
- Kiryushin Yu. F.** Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoj Sibiri [Eneolithic and Early Bronze Age of the south of Western Siberia]. Barnaul, Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 2002. 294 p.
- Kosarev M. F.** Bronzovyj vek Zapadnoj Sibiri [Bronze Age of Western Siberia]. Moscow, Nauka, 1981. 278 p.
- Kovtun I. V., Marochkin A. G., German P. V.** Radiouglerodnye daty i otnositel'naya hronologiya sejminsko-turbinskih, krokhalevskih i samus'skikh drevnostej [Radiocarbon dates and relative chronology of the Seima-Turbino, Krokhaev and Samus antiquities] // *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda*. [Proceedings of the Fifth (21st) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul, Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2017. Vol. 2017. Vol. 1. P. 269–274.
- Kulik N. A., Mylnikova L. N., Nokhrina T. I.** Syr'evaya baza kamennoj industrii v perekhodnoe vremya ot bronzovogo k rannemu zheleznomu veku (na primere poseleniya Linjovo-1) [Raw material base of lithic industry during the transition time from the Bronze to the Early Iron Age (on the example of Linjovo-1 settlement)] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical journal]. 2010. No. 2 (27). P. 52–61.
- Marochkin A. G., Sizyov A. S., Yurakiva A. Yu., Gavrilov D. A., Khairulina K. D.** Stratigrafiya poseleniya Pisanaya-4 v okrestnostyah Tomskoj Pisanicy [Stratigraphy of the Pisanaya-4 settlement near the Tomskaya Pisanitsa petroglyphic site]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2021. Vol. 27. P. 511–519.
- Marochkin A. G., Yurakiva A. Yu.** Materialy neolita-eneolita stoyanki Dolgaya-1 (yuzhnye rajony Nizhnego Pritom'ya) [Neolithic-Eneolithic findings from Dolgaya 1 site (South of Lower Tom' region)] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology]. 2014. Vol. 13, No. 3. P. 189–201.
- Matyushchenko V. I.** Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyj vek). Chast' 2: samus'skaya kul'tura [The Ancient History of the Population of the Forest and Forest-Steppe Ob Region (Neolithic and Bronze Age). Part 2: Samus culture] // *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1973. Issue 10. 212 p.
- Molodin V. I., Glushkov I. G.** Samus'skaya kul'tura v Verhnem Priob'e [The Samus culture in the Upper Ob region]. Novosibirsk, Nauka, 1989. 168 p.
- Molodin V. I., Epimakhov A. V., Marchenko Zh. V.** Radiouglerodnaya hronologiya kul'tur epohi bronzy Urala i yuga Zapadnoj Sibiri: principy i podhody, dostizheniya i problemy [Radiocarbon chronology of the South Urals and the south of the Western Siberia cultures: principles and approaches, achievements and problems] // *Vestnik Novosibirskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology]. 2014. Vol. 13, No. 3. P. 136–167.

Pletneva L. M. Ornamentaciya keramiki iz ob'ektov poseleniya Shelomok II [Ornamentation of ceramics from structures of Shelomok II settlement] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. 2018. No. 436. P. 175–183.

Pletneva L. M. Tomskoe Priob'e v konce VIII–III vv. do n. e. [The Tomsk Ob area in the late VIII to the III centuries B.C.]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1977. 142 p.

Pletneva L. M., Ragimkhanova I. Zh., Stepanova N. F. Rezul'taty tekhniko-tehnologicheskogo analiza keramiki iz mogil'nika Shelomok I, poselenij Kizhirovo, Samus' II [Results of the technical and technological analysis of ceramics from Shelomok I burial ground, Kizhirov and Samus' II settlements] // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2019. Vol. 4 (26). P. 120–127.

Pletneva L. M., Stepanova N. F. Rezultaty tekhniko-tehnologicheskogo analiza keramika s poseleniya Shelomok II [Results of the Technical and Technological Analysis of Ceramics from Shelomok II Settlement] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2018. Vol. 3 (21). P. 107–117.

Poshekhonova O. E., Skochina S. N. Kompleks epohi rannej bronzy mnogoslojnogo poseleniya Pyakupur 3 v severo-taеzhnoj zone Zapadnoj Sibiri [Complex of the Early Bronze Age of the multilayered settlement Pyakupur 3 in the northern taiga zone of Western Siberia] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2012. Vol. 1 (16). P. 31–41.

Ragimkhanova I. Zh. Predvaritel'nye rezul'taty raskopok na kurgannom mogil'nike Shelomok-I [Preliminary results of archaeological excavations on the Shelomok-I barrow cemetery] // Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Krai]. 2022. No. 28. P. 307–312.

Rybakov D. Yu. Kul'turno-hronologicheskaya poziciya poseleniya Shelomok III po materialam raskopok 2017 g. [Cultural and chronological position of the settlement of the Shelomok III based on the materials of the 2017 excavations] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija [Tomsk State University Journal. History]. 2022. No. 75. P. 190–197.

Sinitsina G. V. O khronologii stoyanok Igrekovo I i Igrekovo II v Srednem Priob'e [On the Chronology of the Igrekovo I and Igrekovo II Sites in the Middle Ob Region] // Vremya i kul'tura v arheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i soprodel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii [Time and Culture in Archaeological and Ethnographical Researches of Ancient and Modern Societies of Western Siberia and Adjacent Territories: the Problems of Interpretation and Reconstruction]. Tomsk, 2008. P. 193–197.

Tolpeko I. V. Rozovyy halcedon v materialah pamyatnikov epohi rannej bronzy Okunevskogo arheologicheskogo mikrorajona [Pink chalcedony in materials of monuments of the era of the Okunevsky Early Bronze of the archaeological residential district] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki [Herald of Omsk University. Series: Historical sciences]. 2016. No. 2 (10). P. 137–142.

Bogaichuk Elena Andreyevna.

1st year Master's Student.

Altai State University.

Lenina av., 61, Barnaul, Russia, 656049.

E-mail: helenn.00@mail.ru

Bychkov Dmitriy Aleksandrovich.

Junior Research Assistant.

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS.

Acad. Lavrentiev av., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Idimeshev Asap Alexeyevich.

Senior Lecturer.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya st., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: asap.i@mail.ru

В. В. Власова

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КОМИ ПРАВОСЛАВНОГО ДВИЖЕНИЯ *БУРСЬЫЛЫСЬЯС*¹

В число значимых маркеров конфессиональных групп входят особенности вероучения, религиозные практики и нормы поведения, набор и интерпретации которых могут отличаться в зависимости от того, используются они для самопрезентации или идентификации. Осмысление собственной веры как истинной, спасительной находит отражение в религиозной терминологии, зачастую становится определяющим фактором появления конфессионимов. В статье анализируются семантические и прагматические компоненты самоназваний и ключевых религиозных терминов коми православного движения *бурсьылысьяс* (досл. 'добра/блага певцы'), бытовавшие в начале XX в. Исследование основано на архивных и опубликованных материалах первой половины XX в. Движение *бурсьылысьяс* возникло в начале XX в. в коми селах на верхней Вычегде. Главным элементом религиозных практик были беседы, в ходе которых исполнялись религиозные песнопения на коми языке, проходившие под руководством местного крестьянина Стефана Ермолина, а после его смерти под руководством других мирян. Религиозная терминология коми православного движения *бурсьылысьяс* представляет собой пример самоидентификации через указание на коллективные обрядовые действия. Самоназвания и названия религиозных практик *бурсьылысьяс* отражали религиозно-этические представления о «благе, добре» (*бур*), подчеркивали особый статус последователей Стефана, их высокую оценку собственного учения. Номинации лидера и его последователей – *бурвисьталысь* 'добро говорящий'/*буркывысьяс* 'добро слушающие' – не только отражали конкретные признаки и обрядовые действия, но и имели дополнительные символические значения, обозначая статусы религиозного лидера и его последователей. В середине 1920-х гг. происходит изменение самоназвания группы, демонстрирующее не только значимость личности С. Ермолина для религиозного сообщества, но и переосмысление последователями собственной роли после смерти религиозного лидера.

Ключевые слова: *бурсьылысьяс, религиозная терминология, религиозные практики, конфессионимы, коми*

Особенности вероучения, религиозные практики и нормы поведения входят в число значимых культурных маркеров конфессиональных сообществ, их набор и интерпретации могут существенно отличаться в зависимости от того, используются они для идентификации с точки зрения членов группы (самоидентификации) или для идентификации их другими. С. Е. Никитина отмечает, что конфессиональная модель мира аксиологична, имеет в основе религиозно-этическую оппозицию «добро – зло», которая реализуется в том числе и в оппозиции «своя вера – чужая вера». Своя вера осмысливается как истинная, спасительная, чужая – как ложная, ведущая к духовной гибели, что находит отражение в религиозной терминологии конфессиональных сообществ (Никитина, 2013: 33–34). Такое осмысление может стать определяющим фактором появления конфессионимов, которые содержат оценочные и эмоциональные коннотации. В то же время (само)названия групп могут быть связаны с конкретным человеком или местом (Никитина, 2013: 56; Подюков, 2022: 323–324), с фольклорными представлениями о группе за ее пределами, осмыслением религиозных практик (Львов, 2015: 110–114; Исхаков, 2021: 52; Черных, 2018).

В начале XX в. на верхней Вычегде (Мыёлдинский и Усть-Немский приходы Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, в настоящее время сельские поселения Мыёлдино и Усть-Нем Усть-Куломского района Республики Коми) возникло коми православное движение *бурсьылысьяс* (досл. певцы добра). Главным элементом религиозных практик *бурсьылысьяс* были беседы на коми языке, проходившие под руководством местного крестьянина Стефана Артемьевича Ермолина. На беседах Стефан читал, толковал и переводил на коми язык

¹ Статья подготовлена в рамках плановой темы сектора этнографии ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на европейском севере России: динамика социальных и культурных изменений». Регистрационный номер 121042600207-7.

религиозные тексты; присутствующие исполняли молитвы и песнопения на коми и русском языках. Особое значение *бурсьылысьяс* придавали визионерским практикам, с середины 1920-х гг. в их среде получили распространение экстатические практики.

С. Ермолин начал проводить беседы в с. Мыёлдино с конца 1890-х гг., в 1904 г. они проходили уже и в соседнем Усть-Немском приходе, в 1912 г. к двум указанным ранее приходам добавились Пожегодский, Донской и Большелугский. В это время 50 «домов²» в Мыёлдинском и около 100 в Усть-Немском приходах следовали учению Стефана, число его последователей в других приходах было значительно ниже. Помимо Стефана, беседы проводили и другие крестьяне, знавшие грамоту и «прошедшие обучение» у С. Ермолина (Вологжанин, 1912: 14, 16). В середине 1920-х гг. число *бурсьылысьяс* значительно возросло, перевалив за тысячу человек. Они проживали в восьми верхневычегдских волостях: Мыёлдинской, Усть-Немской, Пожегодской, Донской, Большелугской, Керчомской, Подъельской, Деревянской. Села Мыёлдино и Усть-Нем оставались своеобразными религиозными центрами этого движения. В 1930-х гг., после репрессий лидеров, численность *бурсьылысьяс* значительно сократилась; в начале 1970-х гг. небольшие группы верующих существовали в селах и поселках Усть-Куломского района, постепенно растворяясь среди православных (Гагарин, 1976: 70–73).

В научный оборот сведения о *бурсьылысьяс*, как и сам термин, были впервые введены Ю. В. Гагариным, рассматривавшим это движение как форму протеста против «господствующей церкви». Ученый обратил внимание на значимость этнического фактора в формировании движения, роль мистицизма в его религиозных практиках, охарактеризовал его современное состояние (Гагарин, 1971; 1976). Этнографы и фольклористы анализировали влияние этого движения на религиозную жизнь локальных сообществ верхней Вычегды в советский и постсоветский периоды (Chuvyurov, Smirnova, 2003; Koosa, Leete, 2011), в том числе и на формирование локальной рукописной традиции (Чувьюров, 2004). П. Ф. Лимеров, опираясь на рукописные памятники *бурсьылысьяс* второй половины XX в., предпринял попытку реконструировать и охарактеризовать основы их учения (Лимеров, 2020; Лимеров, 2022). Особое внимание исследователи уделяли мистическим практикам, описания которых были сделаны представителями духовенства, а позднее – местными советскими управленцами и активистами (Чувьюров, 2001; Лимеров, 2020).

Несмотря на наличие значительного числа публикаций, религиозная терминология *бурсьылысьяс* остается малоизученной: исследователи либо ограничиваются дословным переводом известных терминов на русский язык, либо трактуют их значения, не учитывая существовавшие религиозный, социальный и коммуникативный контексты. В данной статье анализируются семантические и прагматические компоненты самоназваний и ключевых религиозных терминов религиозного движения, бытовавших в начале XX в.

Основой нашего исследования стали архивные и опубликованные материалы первой половины XX в. Первая группа – это материалы досоветского периода. Небольшая книга Вологжанина «Новый „братец“ Стефан Вологодский» (Вологжанин, 1912), опубликованная в 1912 г. В настоящее время имя автора брошюры, использовавшего псевдоним Вологжанин, неизвестно. Из текста можно понять, что он являлся представителем епархиальных властей, имел духовный сан, коми языка не знал, с местными крестьянами общался через переводчиков, в качестве которых выступали священники Усть-Немского и Пожегодского приходов (Вологжанин, 1912: 8, 15). Вологжанин посетил одну из бесед, получил информацию о них от приходских священников, местных чиновников и крестьян, встречался лично с С. Ермолиным. Он описал молитвенные собрания, охарактеризовал особенности учения С. Ермолина, зафиксировал устные рассказы о Стефане. Материалы архивного дела Государственного архива Вологодской области, представляющие собой рапорты и отчеты священников, благочинных и полицейских

² Скорее всего, речь идет о домохозяйствах, которые являлись основной единицей учета в дореволюционной России.

за 1904 г., содержат сведения о первых лидерах *бурсьылысьяс*, фрагменты принадлежавших им рукописей на русском и коми языках, информацию о молитвенных собраниях. Вторую группу составляют архивные данные советского периода: информационные отчеты местных партийных органов, отчеты ОГПУ 1920–1930-х гг., хранящиеся в Национальном архиве Республики Коми, в которых содержатся упоминания о *бурсьылысьяс* и их религиозных практиках.

Первые термины на коми языке, связанные с *бурсьылысьяс*, были зафиксированы в 1912 г. представителем епархии: самоназвание последователей С. Ермолина – *буркывзысьяс* (*бур* ‘добро/благо’ + *кывзысьяс* ‘слушающие’), название молитвенных собраний (бесед), в которых участвовали крестьяне, – *буркывзём* (*бур* ‘добра/блага’ + *кывзём* ‘слушание’) и самого Стефана, которого верующие называли *бурвисьталысь* (*бур* ‘добро/благо’ + *висьталысь* ‘говорящий’)³ (Вологжанин, 1912: 12, 14). П. Ф. Лимеров предположил, что эти слова были введены С. Ермолиным и связаны со словом *Бурвисьталём* – ‘Евангелие’ (Лимеров, 2020: 59). Действительно, *Бурвисьталём* в значении ‘Евангелие’ встречается в словарях П. Савваитова (1850) и Г. С. Лыткина (1931), однако в изданных коми переводах Евангелия XIX в. использовались либо русское слово «Евангелие» (перевод А. В. Шергина 1823 г.), либо коми – *Бур юёр* (перевод Г. С. Лыткина 1885 г.). Судя по всему, слово *бурвисьталём* в значении ‘Евангелие’ не имело широкого хождения среди верхневьчегодских крестьян. Об этом свидетельствует сохранившийся фрагмент перевода религиозного текста на коми язык, принадлежащий С. Ермолину: «*некысь сэтшиём кокныёд ясный туй и аддзыны и кыдзи зыралан зеркала Св. Еванклие*» ‘неоткуда увидеть такой легкий, ясный путь, как сияющее зеркало, (кроме как в) Св. Евангелии’ (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 14).

Все рассматриваемые в работе термины содержат корень *бур*. В словарях П. И. Савваитова и Г. С. Лыткина слово *бур* переводится как ‘благо, благой, добро, добрый’, ‘благо, добро, благоволение, польза, выгода’ (Лыткин, 1889: 45; Савваитов, 1850: 11), а также как «хороший, благий, добрый, милостивый, здоровый, кроткий, совершенный, полезный» (Савваитов, 1850: 11). Часть слов с корнем *бур*, зафиксированная в этих словарях, возникла путем калькирования церковнославянских образцов с корнями ‘благо’, ‘добро’. Например, *бурвисьталём*, *бур юёр* (*бур* ‘добро/благо’ + *висьталём* ‘сообщение, известие’, *юёр* ‘весть, известие’) – благая весть, Евангелие, *буркерём* (*бур* ‘добро’ + *керны* ‘делать, сделать’) – благодетель и др. (Лыткин, 1931: 5, 51; Савваитов, 1850: 13). Значение слова «добро» в религиозном контексте для коми, как и для русских, сформировалось под влиянием православного вероучения, было связано с набожностью и благочестием человека. Добро было связано с Богом, со стремлением человека следовать в своей жизни соответствующим принципам, нормам и образцам поведения (Вендина, 2004: 431–432). Приведем в качестве примера употребление слова *бур* в проповеди священника А. А. Куратова: *Сійӧ ведь Ачӧс эм Ыджыд и Зел-ыджыд Бур* ‘Он (Бог. – В.В.) Сам есть Добро и Высочайшее Добро’, *вӧчӧс мянӧс буркерӧмвӧсни* ‘создал нас на дела благие’, *бура олӧ* ‘живите добродетельно’ (Власова, 2016: 175–176).

Первые трактовки религиозной терминологии *бурсьылысьяс* были даны в книге Вологжанина. Он перевел *бурвисьталысь* как ‘учитель добра’, вероятно, такая трактовка термина была предложена ему местными священниками. В словаре П. Савваитова зафиксированы слова *бурвисьтавыны* – ‘благовествовать’, *бурвисьталысь/бурсьӧрнитысь* – ‘благовестник’, ‘евангелист’ (Савваитов, 1850: 12, 13). В православной традиции благовестниками называют не только апостолов, авторов четырех канонических Евангелий, но и религиозных деятелей, «служивших делу евангельской проповеди» (Никифор, 1891: 203). «Грамматика зырянского языка» и словарь, составленные П. И. Савваитовым, использовались в качестве учебного пособия в Вологодской духовной семинарии, где готовили священнослужителей для зырянских

³ В брошюре Вологжанина эти сложные слова написаны отдельно (*бур кывзысь*, *бур кывзём*, *бур висьталысь*), в данной статье эти сложные слова пишутся слитно.

приходов губернии (Терюков, 2008: 232). Священнослужителям и прихожанам Мыёлдинского и Усть-Немского приходов слова *бурвисьтавыны* и *бурвисьталысь* могли быть известны.

С. Ермолин неоднократно обвинялся священнослужителями в самовольном «учительстве», что было главной претензией к его действиям со стороны духовенства. «Стефан Ермолин взял на себя не данное ему учительское звание и пользуется им среди народа почти наравне со священниками» (Вологжанин, 1912: 18). Упоминается, что крестьяне относились к нему как к «великому учителю», считали, что он «учит так же, как и в церкви учат», «учит не худому». Сам Стефан на уговоры священников прекратить беседы ответил: «Вот поучу еще с месяц и отстану» (Вологжанин, 1912: 8, 10–12). Можно утверждать, что сам С. Ермолин и его последователи, так же как и представители духовенства, использовали слово «учитель» в значении ‘проповедник’. В таком значении оно обычно использовалось в текстах о значимости проповеди, публиковавшихся на страницах епархиальных изданий. Например, «„учительство“ или проповедь Христовой истины составляет главнейшую обязанность пастырского служения» (Пастырь, 1909: 403). В свою очередь Е. Е. Паршуков, «ученик и ставленник» С. Ермолина, обосновывая право проводить беседы, заявил, что и «апостолы были неграмотные рыбаки, однако проповедовали, этим апостольским духом и он облечен» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 6).

В то же время одно из значений слова *висьталысь*⁴ – ‘толкователь’ (Савваитов, 1850: 32), весьма точно отражает роль С. Ермолина в локальном религиозном сообществе как чтеца и переводчика религиозных текстов. Известно, что священник С. П. Сумароков, служивший в Мыёлдинском приходе в 1890–1895 гг., обращался к Стефану «как к переводчику на зырянский язык и поручал ему читать для народа разные поучения» (Вологжанин, 1912: 11). На беседах С. Ермолин объяснял и переводил религиозные тексты, а верующие исполняли переведенные им религиозные песнопения. Священник Усть-Немской церкви А. Сапожников писал, что С. Ермолин «примешивает к религиозным истинам на беседах свои нелепые мысли переводом на зырянский язык» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 59об.).

Следует отметить, что термин *бурвисьталысь* местные крестьяне использовали только в отношении Стефана Ермолина, других крестьян, «учительствовавших» в это же время в разных деревнях Усть-Куломской волости, так не называли (Вологжанин, 1912: 12, 8–9). Очевидно, номинации *бурвисьталысь/буркывзысьяс* в локальной религиозной традиции были тесно взаимосвязаны. С одной стороны, они имели прямое значение, отражая конкретные признаки и действия (‘добро говорящий’/‘добро слушающие’): на беседах С. Ермолин читал и переводил религиозные тексты, а присутствующие его слушали. С другой, обозначали статусы религиозного лидера и его последователей, отражая существовавшую в данном сообществе иерархию, а также особенности религиозных практик.

Беседы на религиозные темы, проходившие в крестьянских домах, сопровождавшиеся молитвами и песнопениями, а также совместным принятием пищи, назывались *буркывзём*, в переводе Вологжанина ‘духовная беседа’ (Вологжанин, 1912: 14). П. Ф. Лимеров предполагает, что С. Ермолин был знаком с учением мистических сект, рассматривая *буркывзём* как аналоги «радений» в русском мистическом сектантстве (Лимеров, 2020: 58–59). На наш взгляд, данное сравнение некорректно. Неизвестно, выезжал ли Стефан за пределы Усть-Сысольского уезда и была ли ему известна какая-либо информация о русском мистическом сектантстве. В то же время есть гораздо более близкая аналогия – внебогослужебные собеседования или беседы, проводившиеся приходскими священниками. В 1890 г. был издан указ Синода об обязательности проведения внебогослужебных собеседований приходским духовенством. Беседы, в ходе которых священник объяснял евангельские сюжеты, обращался к вопросам религиозно-

⁴ Глагол *висьтавыны* – ‘говорить, рассказать, высказать, заявить, сообщить, указать, толковать, произнести, свидетельствовать’ (Коми, 2012: 101).

нравственного содержания, проводились после богослужений в храме, а также за его пределами (в частных домах, церковно-приходских школах), стали обычной практикой в зырянских приходах Вологодской епархии (Власова, 2017: 187, 189). В 1904 г., согласно докладом священников, в Мыёлдинском и Усть-Немском приходах было проведено более 100 собеседований. Усть-Немский священник А. Сапожников сообщал, что в ходе бесед прозвучали «объяснения Евангельских чтений <...> применительно религиозно-нравственной жизни прихожан, символа веры, десяти заповедей <...> о войне с Японией, праздниках и пороках, разгульном поведении молодых». Священник Мыёлдинской церкви Ф. Клепиков вел беседы о жизни святых (Св. вмц. Екатерины, Николая Чудотворца, прп. Марии Египетской и др.), о праздниках, о вреде и пагубности пьянства, об отношении к земному богатству, о смерти и приготовлении к ней и др. В ходе бесед крестьяне пели молитвы: в начале – «Царю Небесный», в середине – «Спаси, Господи», «Богородице Дево радуйся», тропари святым, в конце – «Достойно есть» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 59, 54–55).

Духовенство, крестьяне, принимавшие участие в молитвенных собраниях, устраиваемых С. Ермолиным, и он сам воспринимали их как внебогослужебные собеседования, подобные тем, которые проводили местные священники. Об этом же свидетельствует ответ Стефана Ф. Клепикову, обвинившего его в том, что он проводит свои собрания незаконно и не посещает бесед, которые устраивал священник. «Хорошо, что в школе устраивали беседу, но и эта беседа не лишняя, а воспрепятствовать мне делать беседы никто не может, так как я учу народ на добро, кроме того прежние священники не говорили мне, что нельзя много делать бесед» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 55об). В конце XIX – начале XX в. чтение вслух религиозной литературы и ее обсуждение было обычной практикой среди крестьян (Мельникова, 2011: 136). Выдающийся богослов и проповедник Феофан Затворник, толкуя слова апостола Павла «научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями», писал: «Всякий сам себя учи и вразумляй словом Христовым, или учите и вразумляйте себя взаимно... Это взаимнообучение в христианском обществе идет само собою: пастыри учат паству, старшие – младших, родители – детей, учителя – учеников, власти – подвластных. Намеренно же с этою целью учреждаются братские собеседования с чтением» (Феофан, 1880: 190). Схожая трактовка содержится и в «Толковой Библии» А. П. Лопухина: «Апостол... говорит о внебогослужебных собраниях верующих, когда христиане могли назидать друг друга» (Толковая, 1913: 319). Эти слова апостола Павла приобрели особое значение для бурсьылысьяс, придавая легитимность беседам, проводившимся С. Ермолиным. Неслучайно в архивных рукописных текстах содержится их упрощенный и сокращенный перевод, сделанный, вероятно, С. Ермолиным. *Апостол Павел искуснейший Зеленой учитель шувэ, вразумляйтэй мэд да мэд... ен лы прославляйтэй духовнэй сылэмэсе* 'Апостол Павел искуснейший вселенский учитель говорит: вразумляйте друг друга, Бога прославляйте духовными песнями' (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 12об).

Следует отметить, что на беседы (*буркывзём*) приходили многие жители сел Мыёлдино, Усть-Нем и Пожег, однако далеко не все становились их постоянными участниками. Участие в организации бесед и их посещение рассматривалось С. Ермолиным и его последователями как важное деяние на пути достижения благочестивой жизни. Слова *кывзём* и *кывзысь* могли употребляться не только в значении 'слушание' и 'слушатель', но и в значении 'послушание' и 'послушник' (Лыткин, 1931: 211), отражая отношение верующих к своему духовному лидеру, их готовность следовать его поучениям и наставлениям, о чем они напрямую заявляли приходскому духовенству. Например, крестьянин Ф. М. Мальцев, разъясняя свое отношение к беседам, говорил: «Я раньше не ходил в церковь, не бывал на исповеди и у св. причастия. Происходил из раскольного поколения, двуперстно полагал на себя крестное знамение, а теперь под влиянием бесед Ермолина это оставил <...> был у исповеди и Св. причастия, стараюсь чаще бывать в церкви, бросил пить водку <...> только теперь я узнаю, как нужно жить

по-христиански, чтобы получить вечное спасение. Почему не запрещают разные собрания молодежи, а наше это религиозное собрание запрещают... мы стараемся праздничное время провести по-христиански, в душепастельных беседах» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 56). Местные представители причта отмечали, что С. Ермолин и его ближайшие сподвижники – «самые ревностные исполнители в приходе уставов и обрядов православной церкви, первыми являются на службы, к духовенству относятся с должным почтением, долг исповеди и св. причастия исполняют неуклонно и по несколько раз в год» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 56об.). В брошюре Вологжанина также отмечается, что крестьяне, посещающие беседы, оставляют «худую, грешную» жизнь, отказываются от алкоголя, табака, праздничных гуляний, соблюдают посты, исповедуются четыре раза в год, уделяют большое внимание домашней молитве. В то же время он с негодованием пишет, что «к тем, кто не следует за Стефаном, относятся с гордостью и осуждением, называя их даже некрещеными» (Вологжанин, 1912: 6, 9, 11, 15).

В 1920-х гг. религиозная терминология движения изменяется, что фиксируют документы советского периода. Слово *бурсьылысьяс* (*бур* ‘добро/благо’ + *сьылысьяс* ‘певцы, поющие’, в документах переводится как ‘певцы добра’), принятое в научной среде для обозначения данного религиозного движения, появляется в архивных делах начиная с 1925 г. При этом наряду с ним используется экзоконфессионим «степановцы/стефановцы», который появился уже в начале 1910-х гг. (Вологжанин, 1912: 18; НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 430. Л. 29). Отметим, что в архивных делах 1920–1930-х гг. представители властей называют *бурсьылысьяс* сектантами, выделяя их из числа православных верующих (НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 430. Л. 29, 53).

В самоназвании сохранился корень *бур* ‘добро/благо’, что, с одной стороны, демонстрирует связь с прежним конфессионимом, с другой – стремлением группы следовать установленным принципам, нормам и образцам поведения. При этом второй компонент слова был заменен. Можно предположить, что изменение самоназвания религиозной группы произошло спустя какое-то время после смерти С. Ермолина⁵. Это может свидетельствовать как о том, что среди «учительствовавших» крестьян не нашлось достаточно авторитетного и знающего человека, способного стать *бурвьыталысь*, так и о том, что «ученики» Стефана не считали возможным претендовать на это место. В делах этого периода указываются фамилии разных крестьян, как мужчин, так и женщин, которые проводили молитвенные собрания и вели активную проповедническую деятельность. В отсутствии явного лидера последователям С. Ермолина пришлось переосмыслить собственную роль: из «слушающих» они стали «поющими/воспевающими добро». Беседы и исполнение религиозных песнопений стали называть *бурсьылём* (*бур* ‘добра/блага’ + *сьылём* ‘пение’, в деле – *бурсылем*) (НАРК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 132. Л. 1об.). Главным элементом богослужений оставалось исполнение на коми языке религиозных текстов и песнопений. Представители партийных организаций в своих отчетах указывали, что «взгляды сектантов (*бурсьылысьяс*. – В. В.) одно и то же, что христианская церковь, славянский язык переведен на коми», при этом отмечая, что они посещают церковь «лучше других». В то же время для бесед 1920–1930-х гг. характерно появление мистических элементов («умирание», пророчества), о которых упоминается в отчетах (НАРК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 132. Л. 1об., 5).

Согласно архивным данным, лидеры *бурсьылысьяс* призывали верующих посещать церкви, антирелигиозную политику советских властей (репрессии духовенства, закрытие монастырей, изъятие церковных ценностей) рассматривали как проявление власти антихриста (НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 431. Л. 15). В с. Мыёлдино *бурсьылысьяс* наряду с другими прихожанами выступили против закрытия церкви: «собралось около церкви около 100 человек

⁵ С. А. Ермолин скончался 18 июня 1913 г. от воспаления легких, он был исповедован и приобщен священником Мыёлдинской церкви Ф. Клепиковым, похоронен на приходском кладбище (НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 461. Л. 221об.–222).

женщин, открыли церковь с целью устроить собрание, подняли шум, толкотню, сектанты молились, представившись юродивыми. Удалось разогнать при вмешательстве местной власти» (НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 804. Л. 24). В условиях агрессивной антирелигиозной политики советского государства лидеры и последователи учения считали себя хранителями православной веры.

Религиозная терминология коми православного движения *бурсьылысьяс* представляет собой пример самоидентификации через указание на определенные коллективные действия, совершаемые по религиозным мотивам и объединяющие группу. Эндоконфессионимы и названия религиозных практик *бурсьылысьяс* отражали религиозно-этические представления о «благе, добре» (*бур*), демонстрировали высокую оценку собственного учения, подчеркивали особый статус его последователей. Номинации лидера и его последователей – *бурвисьталысь/буркывзысьяс* – были тесно взаимосвязаны. Прямое значение этих терминов, отражавшее конкретные признаки и действия, соединялось с дополнительными символическими значениями, обозначая статусы религиозного лидера и его последователей. Изменение самоназвания религиозной группы и названия богослужений (*бесед*) после смерти С. Ермолина демонстрирует значимость личности основателя движения, а также переосмысление его последователями собственной роли.

Список источников:

- ГАВО.** Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Дело о крестьянах Усть-Сысольского уезда и волости по обвинению их в самовольном исполнении на зырянском языке церковных обрядов. 1904.
- НАРК.** Ф. 254. Оп. 1. Д. 461. Метрические книги Усть-Немской, Помоздинской, Мыёлдинской, Пожегодской, Донской церквей за 1913 год.
- НАРК.** Ф. 182. Оп. 1. Д. 132. Информация секретарей партийных ячеек о сектантском движении в уезде. Протокол совещания агитпропработников. 01.07.1927–19.09.1927.
- НАРК.** Ф. П-1. Оп. 2. Д. 430. Информационные сводки областного отдела ГПУ. 10.01.1925–16.04.1925.
- НАРК.** Ф. П-1. Оп. 2. Д. 431. Информационные материалы Коми ОГПУ. 04.05.1925–25.11.1925.
- НАРК.** Ф. П-1. Оп. 2. Д. 804. Информационные сообщения Коми областного отдела ГПУ. 10.05.1930–25.06.1930.

Литература:

- Вендина Т. И.** Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры (концепты Добро и Зло) // Славянский альманах 2003. М.: Индрик, 2004. С. 430–475.
- Власова В. В.** Христианское просвещение в зырянских приходах Вологодской епархии: беседа и церковная проповедь на родном языке // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 183–195.
- Власова В. В.** «Слово по случаю вступления на паству» А. А. Куратова: к истории церковной проповеди на коми языке // Историческое произведение как феномен культуры: материалы X Международной научной конференции / отв. ред. А. Ю. Котылев, А. А. Павлов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2016. С. 172–179.
- Вологжанин.** Новый «братец» Стефан Вологодский: материалы для истории новейшего мистического сектантства. СПб.: Издание М. В. Скворцова, 1912. 19 с.
- Гагарин Ю. В.** Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1971. 255 с.
- Гагарин Ю. В.** «Бурсьылысь» как местная разновидность православия в Коми крае // Этнография и фольклор / отв. ред. Л. Н. Жеребцов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1976. С. 60–74 (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 17).
- Исхаков Р. П.** Этапы генезиса кряшенской (крещено-татарской) этноконфессиональной идентичности // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 1. С. 50–54.
- Коми сёрнисикас кывчукёр.** Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Сыктывкар: Кола, 2012. Т. I: А–О. 1096 с.
- Лимеров П. Ф.** Рукописный памятник коми-зырян Соборный чин: поучение и основы вероучения // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 56–70.
- Лимеров П. Ф.** Памятник литературы Верхней Вычегды: Сöбирайтчöм рад – Соборный чин // Арт (Лад). 2022. № 3 (99). С. 25–55.

- Лыткин Г. С.** Зырянско-русский словарь // Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1889. С. 43–112.
- Лыткин Г. С.** Русско-зырянский словарь. Составлен по рукописному словарю Н. П. Попова. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 360 с.
- Львов А.** «Нежные псалмы»: этническое и религиозное в культуре русских иудействующих // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 100–120.
- Мельникова Е. А.** «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб.: Изд-во Европ. Ун-та в С.-Петербурге, 2011. 182 с.
- Никитина С. Е.** Конфессиональные культуры и их территориальные варианты (проблемы синхронного описания). М.: Институт наследия, 2013. 312 с.
- Никифор арх.** Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия: в 4 вып. Труд и издание архим. Никифора. Вып. 1. А–Е. М., 1891. 248 с.
- Пастырь-проповедник.** Живое слово пастыря // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1909. № 17. С. 403–415.
- Подюков И. А.** Христианские реминисценции в живой речи (на материале старообрядческих говоров Прикамья) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 4. С. 318–334.
- Терюков А. И.** Из истории перевода Священного Писания на язык коми-зырян (П. И. Савваитов и Г. С. Лыткин) // Христианство в регионах мира: сборник статей / отв. ред. Т. А. Бернштам, А. И. Терюков. СПб.: Наука, 2008. С. 229–245.
- Толковая Библия**, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А. П. Лопухина. Т. 11. СПб.: Тип. Монтвида, 1913. 609 с.
- Феофан-затворник.** Толкование Посланий св. апостола Павла к колоссаем и к Филимону. М.: Унив. тип. М. Каткова, 1880. 296 с.
- Черных А. В.** Народная терминология старообрядческих согласий в русских традициях Прикамья: бегуны (странники) // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 5. С. 97–109.
- Чувьуров А. А.** Гендерные отношения в религиозно-мистических сообществах (на примере коми этноконфессионального движения бурсьылсыяс) // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции. СПб.: Алетей, 2001. С. 76–84.
- Чувьуров А. А.** Рукописные традиции вычегодских коми // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. СПб.: МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2004. Вып. 6. С. 385–415.
- Chuvuyurov A., Smirnova O.** Confessional factor in the ethno-cultural processes of the Uppet-Vychegda Komi // Pro Ethnologia. 15. Multiethnic Communities in the Past and Present. Tartu, 2003. P. 169–196.
- Koosa P., Leete A.** Revolt of Grannies: the Bursylsyas Komi Folk Orthodox Movement // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2011. № 5 (1). P. 45–61.

Власова Виктория Владимировна.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

ФБГУН Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН».

Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982.

E-mail: vv505@hotmail.com

Материал поступил в редакцию 23 июня 2023 г.

V. V. Vlasova

FORMATION OF RELIGIOUS TERMINOLOGY OF THE KOMI FOLK ORTHODOX MOVEMENT BURSYYLSYAS

Features of religious doctrine, religious practices, and norms of behavior are among the significant group characteristics of confessional communities. This list of religious characteristics and their interpretations can differ considerably depending on whether they are used for identification from the perspective of the group members (self-identification) or identification by others. The understanding of one's own faith as true and saving faith is reflected in religious terminology and often becomes a decisive factor in the formation of confessional terms. The article analyzes the semantic and pragmatic components of self-designations and key religious terms of the Komi folk Orthodox movement *bursylsyas* (ver. 'singers of goodness'), which emerged at the beginning of the 20th century. This study is based on archive and published material from the first half of the 20th century. The

bursylsyas movement emerged at the beginning of the 20th century in the Komi villages on the upper Vychegda. The most important elements of the religious practices were spiritual conversations, during which religious hymns were sung in the Komi language, led by a local peasant, Stefan Yermolin, and after his death by other lay people. The religious terminology of the Komi folk Orthodox movement *bursylsyas* is an example of self-identification and self-designation, as it refers to certain collective acts performed for religious reasons that unite the group. The self-designation of the religious group and the names of the religious practices reflected the religious and ethical notions of goodness (*bur*), demonstrated a high regard for their own doctrine, and emphasized the special status of their followers. The names of the leader and his followers – *burvystalys* ‘singers of goodness’ / *burkyvzysyas* ‘hearers of goodness’ – were closely linked. The direct meaning of these terms, reflecting certain signs and actions, was combined with additional symbolic meanings denoting the status of a religious leader and his followers. The change of the self-name of the religious group and the name of the spiritual talks after the death of S. Yermolin shows the importance of the personality of the founder of the religious movement as well as the reconsideration of his own role by his followers.

Keywords: *bursylsyas, religious terminology, religious practice, confessionym, Komi*

Sources:

- GAVO.** F. 496. Op. 1. D. 18164. Dela o krest'janah Ust'-Sysol'skogo uezda i volosti po obvineniju ih v samovol'nom ispolnenii na zyrjanskom jazyke cerkovnyh obrjadov [The record of the peasants of the Ust-Sysolsk district and the volost on charges of performance of church rites in the Zyryan language without permit]. 1904.
- NARK.** F. 254. Op. 1. D. 461. Metricheskie knigi Ust'-Nemskoj, Pomozdinskoj, Myjoldinskoj, Pozhegodskoj, Donskoj cerkvej za 1913 god [Parish registers of the Ust-Nemskaya, Pomozdinskaya, Myjoldinskaya, Pozhegodskaya, Donskoy churches for 1913].
- NARK.** F. 182. Op. 1. D. 132. Informacija sekretarej partijnyh jacheek o sektantskom dvizhenii v uezde. Protokol soveshhanija agitprobrabotnikov [Information of secretaries of party cells about the sectarian movement in the county. Minutes of the meeting of agitprop workers]. 01.07.1927–19.09.1927.
- NARK.** F. P-1. Op. 2. D. 430. Informacionnye svodki oblastnogo otdela GPU [Information reports of the regional department of the GPU]. 10.01.1925–16.04.1925.
- NARK.** F. P-1. Op. 2. D. 431. Informacionnye materialy Komi OGPU [Information materials of the Komi OGPU]. 04.05.1925–25.11.1925.
- NARK.** F. P-1. Op. 2. D. 804. Informacionnye soobshhenija Komi oblastnogo otdela GPU [Information messages of the Komi regional department of the GPU]. 10.05.1930–25.06.1930.

References:

- Vendina T. I.** Iz kirillo-mefodievskogo nasledija v iazyke russkoi kul'tury (kontsepty Dobro i Zlo) [From the Cyril and Methodius heritage in the language of Russian culture (the concepts of Good and Evil)] // Slavianskii al'manakh 2003 [Slavic almanac 2003]. Moscow, Indrik, 2004. P. 430–475.
- Vlasova V. V.** Hristianskoe prosveshhenie v zyrjanskikh prihodah Vologodskoj eparhii: beseda i cerkovnaja propoved' na rodnom jazyke [Christian Education in Zyrian Parishes of the Vologda Eparchy: Conversation and Church Homily in the Native Language] // Jetnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 2017. No. 1. P. 183–195.
- Vologzhanin.** Novyj “bratec” Stefan Vologodskij: Materialy dlja istorii novejshego misticheskogo sektantstva [New “brother” Stefan of Vologda (materials for the history of the modern mystical sectarianism)]. St.-Petersburg. Izdanie M. V. Skvortsova, 1912. 19 p.
- Gagarin Yu. V.** Religioznye perezhitki v Komi ASSR i ih preodolenie [Religious survivals in the Komi ASSR and their overcoming]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 255 p.
- Gagarin Yu. V.** “Bursylsyas” kak mestnaia raznovidnost' pravoslaviia v Komi krae [“Bursylsyas” as a local variety of Orthodoxy in the Komi region] // Etnografiia i fol'klor [Ethnography and folklore]. Syktyvkar, Komi branch of USSR Academy of Science, 1976. P. 60–74.
- Iskhakov R. R.** Etapy genezisa krjashhenskoj (kreshheno-tatarskoj) jetnokonfessional'noj identichnosti [Model of Forming the Kryashen Ethno-Confessional Identity] // Manuscript. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 50–54.
- Komi sernisikas kyvchukör.** Slovar' dialektov komi jazyka: v 2-kh tomakh [Dictionary of dialects of the Komi language]. Syktyvkar, Kola. 2012. Vol. I.: A–O. 1096 p.
- Limerov P.** Rukopisnyj pamjatnik komi-zyrjan Sobornyj chin: pouchenie i osnovy verouchenija [Cathedral Rank, a Handwritten Document of the Komi-Zyrians: Instruction and Foundations of Faith] // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 56–70.

- Limerov P. F.** Pamjatnik literatury Verhnej Vychehdy: Söbirajtchöm rad – Sobornyj chin [Upper Vychehda' literary monument: Sobiraytchöm rad – Cathedral rank] // Art (Lad). 2022. No. 3 (99). P. 25–55.
- Lytkin G. S.** Zyryansko-russkii slovar' [Zyryan-Russian dictionary] // Zyryanskii kray pri episkopakh Permskikh i zyryanskii yazyk [Zyryan' region under the bishops of Perm and the Zyryan language]. S. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1889. P. 43–112.
- Lytkin G. S.** Russko-zyryanskii slovar'. Sostavlen po rukopisnomu slovaryu N. P. Popova [Russian-Zyryan dictionary. Compiled according to the handwritten dictionary of N. P. Popov]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1931. 360 p.
- Lvov A.** "Nezhnye psalmy": etnicheskoe i religioznoe v kul'ture russkikh iudeistvuyushchikh [Tender Psalms: The Ethnic and the Religious in the Culture of Russian Judaizers] // Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad]. 2015. No. 33 (3). P. 100–120.
- Mel'nikova E. A.** "Voobrazhaemaya kniga": ocherki po istorii fol'klora o knigah i chtenii v Rossii ["Imagined book": essays on the history of folklore about books and reading in Russia]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v St.-Petersburge, 2011. 182 p.
- Nikitina S. E.** Konfessional'nye kul'tury i ikh territorial'nye varianty (problemy sinkhronnogo opisaniya) [Confessional cultures and their territorial variants (problems of synchronous description)]. Moscow, Institut naslediya Publ., 2013. 312 p.
- Nikifor arkh.** Illyustrirovannaya polnaya populyarnaya bibleiskaya entsiklopediya v 4 vyp [Illustrated complete popular bible encyclopedia in 4 volumes]. Trud i izdanie arkhim. Nikifora. Vol. 1. A–E. M., 1891. 248 p.
- Pastyr'-propovednik.** Zhivoe slovo pastyrya [Pastor-preacher. The Living Word of the pastor] // Pribavleniya k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam [Supplements to the Vologda diocesan records]. 1909. No. 17. P. 403–415.
- Pod'yukov I. A.** Khristianskie reministsentsii v zhivoy rechi (na materiale staroobryadcheskikh govorov Prikam'ya) [Christian reminiscences in living speech (based on the Old Believer dialects of the Kama region)] // Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]. 2022. T. 11. No. 4. P. 318–334.
- Teriukov A. I.** Iz istorii perevoda Sviashchennogo Pisaniia na iazyk komi-ziaryn (P. I. Savvaitov i G. S. Lytkin) [From the history of the translation of the Scriptures into the Komi-Zyryan language (P. I. Savvaitov and G. S. Lytkin)] // Khristianstvo v regionakh mira: sbornik statei [Christianity in the regions of the world: collection of articles]. Ed. T. A. Bernshtam, A. I. Teriukov. St. Petersburg, Nauka, 2008. P. 229–245.
- Tolkovaja Biblija**, ili Kommentarij na vse knigi Sv. pisanija Vethogo i Novogo zaveta [Anchor Bible or Commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Ed. by A. P. Lopuhin. Vol. 11. St. Petersburg: tip. Montvida, 1913. 609 p.
- Feofan-zatvornik.** Tolkovanie Poslanij sv. apostola Pavla k kolossaem i k Filimonu [The commentaries on Epistles of Paul to the Colossaeum and to Philemon]. Moscow, Tip. M. Katkova, 1880. 296 p.
- Chernykh A. V.** Narodnaia terminologija staroobryadcheskikh soglasii v russkikh traditsiiakh Prikam'ia: beguny (stranniki) [Folk terminology of Old Believer in the Russian traditions of the Kama region: Runners (Wanderers)] // Traditsionnaia kul'tura [Traditional culture]. 2018. Vol. 19. No. 5. P. 97–109.
- Chuv'jurov A. A.** Gendernye otnoshenija v religiozno-misticheskikh soobshhestvakh [Gender Relations in Religious and Mystical Communities] // Mifologija i povsednevnost': gendernyj podhod v antropologicheskikh disciplinakh Materialy nauchnoj konferencii [Mythology and Everyday Life: Gender Approach in Anthropological Disciplines. Proc. of scientific conference]. St. Petersburg: Aletejja, 2001. P. 76–84.
- Chuv'jurov A. A.** Rukopisnye tradicii vychehodskih komi [Handwritten traditions of the Vychehda Komi]. Russkij Sever: Aspekty unikal'nogo v jetnokul'turnoj istorii i narodnoj tradicii [Russian North: Aspects of the unique in ethno-cultural history and folk tradition]. St. Petersburg: MAE Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2004. Vol. 6. P. 385–415.
- Chuv'yurov A., Smirnova O.** Confessional factor in the ethno-cultural processes of the Uppet-Vychehda Komi // Pro Ethnologia. 15. Multiethnic Communities in the Past and Present. Tartu, 2003. P. 169–196.
- Koosa P., Leete A.** Revolt of Grannies: the Bursylsyas Komi Folk Orthodox Movement // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2011. No. 5 (1). P. 45–61.

Vlasova Victoria Vladimirovna.

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher

Institute of language, literature and history,

Federal Research Centre Komi Science Centre of Ural Branch RAS.

Kommunisticheskaja str., 26, Syktyvkar, Russia, 167982.

E-mail: vv505@hotmail.com

А. А. Ким-Малони, А. А. Ким

СИТУАЦИЯ КОНФЛИКТА В КАРТИНЕ МИРА НАРОДОВ СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРА СЕЛЬКУПОВ И ХАНТОВ)

Фольклорные тексты и этнографические описания являются важнейшей основой для моделирования картины мира, прежде всего для бесписьменных и младописьменных народов. В качестве одной из стратегий моделирования картины мира предлагается междисциплинарный ситуационный подход, объединяющий методы и ресурсы различных дисциплин. Суть междисциплинарного ситуационного подхода заключается в том, что фольклорные и этнографические тексты анализируются на наличие этнолингвистических ситуаций, компоненты которых выявляются и интерпретируются с использованием методологического аппарата лингвистики, фольклористики и культурологии. Язык способствует детальной интерпретации смысла ситуации и помогает устанавливать границы. Каждая этнолингвистическая ситуация предполагает участников и основана на их активности, т. е. определенном действии, придающем смысл. В фольклоре этнолингвистическая ситуация соотносится с мотивом, понимаемым как сегмент-событие, относительно самостоятельный, завершённый и относительно элементарный сегмент повествования. Мотив выступает как организующий момент сюжетного движения и привносит свой смысл в содержание сюжета, а также является отличительной чертой или доминирующей идеей литературного произведения. Объединяя данные из разных дисциплин для понимания этнолингвистической ситуации, мы получаем особую междисциплинарную единицу, которая позволяет максимально широко интерпретировать фольклорные или этнографические данные, а также моделировать картину мира на их основе. Целью исследования является апробация междисциплинарного ситуационного подхода для интерпретации картины мира народов Сибири на примере нескольких ситуаций конфликта в фольклоре селькупов и хантов. Этнокультурный анализ компонентов ситуации позволяет выявить детали, важные для дальнейшего типологического исследования фольклора сибирского ареала.

Ключевые слова: *междисциплинарный подход, этнолингвистическая ситуация, фольклор селькупов и хантов, картина мира*

Введение

Метафора «картина мира» приобретает популярность во многих гуманитарных исследованиях, так как помогает систематизировать знания о мире, сделать их целостными и наглядными. В картине мира отражаются различные идеи, которые человек черпает из обыденной жизни, религии, науки, культуры, литературы, языка и т. д. У каждого человека формируется своя (индивидуальная) картина мира, исходя из конкретных ценностей, уровня знаний, воспитания и других важных когнитивных и социальных факторов. С развитием научных знаний классификация картин мира становится все более и более сложной и может включать всеобщую картину мира определенного исторического периода, частную научную картину, индивидуальную, языковую, религиозную, материалистическую и др. Соответственно, возникают различные средства моделирования реальности. Фольклорные тексты и этнографические описания являются важнейшей основой для моделирования картины мира в первую очередь для бесписьменных и младописьменных народов.

Фольклор народов Сибири является ценнейшим источником изучения культуры, истории, языка и социальных отношений малочисленных народов без давних письменных традиций. Фольклорные тексты подвергались анализу с различных сторон: рассматривался язык, сюжетный состав, некоторые этнолингвистические ситуации, например метаморфоза и др. (Вайда и др., 2016; Ким-Малони, Ким, 2016; Хроменков, 2016). В предлагаемой работе мы обращаемся к рассмотрению одной из центральных сюжетных линий фольклора – конфликту.

В качестве стратегии моделирования картины мира предлагается междисциплинарный ситуативный подход, объединяющий методы и ресурсы различных дисциплин, например лингвистики, культурной антропологии, фольклора. Цель исследования – выявить детали конфликтных ситуаций на материале фольклора для осмысления норм социального поведения, культурных ценностей и иерархических отношений в обществе селькупов и хантов. Ситуации конфликта рассматриваются как элементы картины мира.

Термин *конфликт* происходит от латинского слова *conflictus* – *столкнувшийся* и означает наиболее острый способ разрешения противоречий участников ситуации. Их противодействие может быть вызвано несовпадением интересов, взглядов, позиций и часто сопровождается негативными эмоциями, приводящими к действиям и противодействиям, выходящим (или нет) за рамки норм поведения. Кульминацией ситуации является разрешение конфликта, которое может быть не только деструктивным, но и нейтральным или же конструктивным. Несмотря на общую семантику, ситуации конфликта могут возникать, развиваться и завершаться по-разному, что отражается в представленных компонентах ситуации.

Материал и методы

Основным материалом данной работы являются фольклорные тексты народов Сибири, опубликованные на языке селькупов и хантов. Многие тексты являются частью экспедиционного архива кафедры языков народов Сибири имени А. П. Дульзона Томского государственного педагогического университета. Часть этого архива опубликована, например, в книге «Сказки нарымских селькупов» (1996), хантыйские и кетские фольклорные тексты – в сборниках «Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала» (2010), «Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала» (2016). Используются опубликованные данные по тазовским селькупам – «Очерки по селькупскому языку» (1993).

Наиболее плодотворной методологической базой исследования на современном этапе является междисциплинарный подход, объединяющий возможности многих гуманитарных наук. Данное исследование предлагает междисциплинарный ситуативный подход, привлекающий сочетание таких наук, как этнография, лингвистика, культуроведение, фольклористика. Каждая из этих наук использует для анализа дробление текста на части, которые можно свести к ситуации. В лингвистике – это ситуации, фреймы-конструкции, лексико-типологические анкеты; в фольклористике это мотивы; в лингвокультурологии – лингвокультуремы (Маслова, 2007: 51; 2008: 138; Rakhilina, 2014; Ким, 2015; Вайда и др., 2016; Ким-Малони, Ким, 2016).

Суть междисциплинарного ситуативного подхода состоит в том, что фольклорные и некоторые этнографические тексты рассматриваются как совокупность ситуаций, компоненты которых выявляются и интерпретируются при помощи методологического аппарата указанных наук. Здесь ситуация рассматривается как совокупность обстоятельств, условий, создающих те или иные отношения, обстановку или положение. Экстралингвистическая ситуация может быть сопряжена с речевой ситуацией, т. е. контекстом, ассоциированным с определенным речевым поведением. Такую ситуацию можно назвать этнолингвистической, так как она включает взаимодействие языковых и этнокультурных факторов. Каждая ситуация предполагает участников конфликта и основана на их активности, т. е. определенном действии, которое задает смысл.

Методом описания ситуаций является расщепление ее на компоненты, число которых может незначительно варьироваться от базовых до комплементарных. К базовым компонентам относятся участники или конфликтующие стороны. Это могут быть люди, животные и даже сверхъестественные существа, что для анализа ситуаций конфликта в фольклоре весьма актуально. Обязательными компонентами ситуации являются действие, реакция (возможно

противодействие) и эффект от разрешения конфликта. Комплементарными компонентами могут быть дополнительные участники, условия возникновения или протекания конфликта. В фольклористике этнолингвистическая ситуация коррелирует с мотивом, понимаемым как сегмент-событие, относительно самостоятельный, завершённый и относительно элементарный отрезок повествования. Мотив выступает как организационный момент сюжетного движения и привносит свое значение в содержание сюжета, а также является отличительной чертой или доминантной идеей литературной композиции (Ким, 2015: 28). Объединив в понимании этнолингвистической ситуации данные разных дисциплин, мы получаем особую междисциплинарную единицу, позволяющую наиболее широко интерпретировать фольклорные и/или этнографические данные, а также моделировать на их основе картину (или фрагмент картины) мира. Компонент *этно-* связан с описанием определенного этноса, но не препятствует типологическим сопоставлениям.

Таким образом, целью исследования является апробация междисциплинарного ситуативного подхода для анализа фольклора и интерпретации фрагмента картины мира народов Сибири на примере селькупов и хантов.

Постановка задачи

Рассмотрим возможность моделирования фрагмента картины мира на примере ситуаций конфликта, представленных в фольклорных текстах. На примере трех селькупских и четырех хантыйских фольклорных ситуаций рассмотрим структуру, компоненты конфликтов и их языковую реализацию в этнокультурном контексте.

Ситуация 1. Текст: Идя (селькупский диалект чумылькуп)

Сюжет первого текста отражает противостояние селькупского героя и трикстера Иди и его врага, зооантропоморфного существа Пенегесе. Как и в других текстах селькупского эпоса, Пенегесе предстает людоедом, пожирающим людей. После нескольких попыток Пенегесе удастся схватить Идю и проглотить. К счастью, у Иди оказывается нож, которым он собирается распороть живот людоеда. Пенегесе, услышав, как Идя точит нож, предлагает мирное разрешение конфликта, изрыгнув Идю.

Конфликт реализуется при помощи специализированной лексики насилия (табл. 1).

Таблица 1

Субъект и инициатор конфликта <i>Пенегесе</i> и его действия	Объект конфликта <i>Идя</i> и его действия
<i>Оралгуммамбат</i> – хватать	<i>Кўнымба</i> – убежал
<i>Оралбат и поллѣдимбат</i> – схватил и проглотил	<i>Паып салѣишыс</i> – нож точит
<i>Тѳдлакс</i> – изрыгну	<i>Пяргемд поджалджынгу</i> – живот вспороть

Как видно из сюжета, конфликт вспыхивает из-за агрессивных неспровоцированных действий персонажа Пенегесе. Несмотря на несколько попыток нападения, Идя сохраняет неконфликтное поведение – убегает от преследователя. Наличие ножа у Иди в корне меняет ситуацию и выводит его в роль победителя, причем Идя сохраняет нормативное поведение, спокойно отвечая на вопрос о своих действиях. Тем не менее, спокойный ответ Иди звучит как угроза: «Живот твой хочу вспороть». Данный ответ производит рокировку участников конфликта: Пенегесе становится потерпевшим, а Идя – победителем без физического уничтожения оппонента.

Ситуация 2. Текст: Про Идю (селькупский диалект чумылькуп)

В сюжете второго текста с участием тех же персонажей конфликт также провоцирует Пенегесе, который неоднократно рвет сети Иди и лишает его добычи. Идя отвечает действиями, приводящими к смерти Пенегесе: Идя обмазывает свой обласок смолой, Пенегесе прилипает и остается умирать без пищи (табл. 2).

Таблица 2

Субъект и инициатор конфликта <i>Пенегесе</i> и его действия	Объект конфликта <i>Идя</i> и его действия
<i>Поққламд вес нежарымбадыт –</i> Сети порваны (П)	<i>Код мат поққлам неджарешпат? –</i> Кто мои сети порвал?
<i>Поққламд вес неджарбыт и қошқа –</i> Сети все порвал и ушел	<i>И амдле адолджа –</i> И сидя ждет
<i>П пирым ваттигу теялбыт –</i> П подняться не может, прилип	<i>И тарымба: қай мегу? –</i> И думает: что делать?
<i>П тюрле кватталджымба –</i> П заплакал	<i>Пяргынды сәзе андом тәмбат –</i> И обласок горячей смолой обмазал
<i>П авгалык қумба –</i> П без еды умер	<i>Нынд и куннандж, мат таит аза</i> <i>удэнджак! –</i> Тут и помрешь, я тебя не пущу!

Язык отражает агрессивные действия со стороны обоих персонажей и последствия этих действий. Конфликт разрешается деструктивно – инициатор конфликта наказан и погибает. Победитель не остается насладиться своей победой, а уходит домой, оставляя врага умирать без еды.

Ситуация 3. Текст: «Нэтэнка и Томнэнка» (селькупский тазовский диалект)

В селькупской сказке «Нэтэнка и Томнэнка» наблюдается скрытая для непосвященных причина конфликта: *Томнэнка* (отрицательное сверхъестественное существо – лягушка) априори антагонист другому персонажу – *Нэтэнки* (молодая женщина, от селькупского *нэтэк* – девочка, девушка). *Томнэнка* убивает *Нэтэнку* уколom в ухо корешком травы, что является особым способом, характерным только для данного сюжета и персонажей (Очерки по селькупскому языку, 1993: 49). В ситуации показана сильная позиция злого существа и смирение человека (отсутствие реакции и сопротивления). В дальнейшем контексте раскрывается цель агрессии (комплиментарный компонент): людоедство (табл. 3).

Таблица 3

Субъект и инициатор конфликта <i>Томнэнка</i> и ее действия	Объект конфликта <i>Нэтэнка</i> и ее действия
<i>Ипуты n'ūtyt kontyp, Nätänkap qōt šūmyn</i> <i>pärqylnyты i qənnуты illä –</i> Взяла корешок травы, Нэтэнку через ухо уколола и убила	<i>Tat untal kopytkāly cāŋka, caŋal' qomylqol' my</i> – У тебя вшей совсем нет, только жучки- комылко

Ситуация 4. Текст: Альвали со старшей сестрой (хантыйский васюганский диалект)

Текст повествует о том, что Альвали выловил ведром щуку и кликнул сестру, чтобы она привезла нарты и помогла перевезти добычу домой. Брат велел сестре оставить для него печень щуки, а сам лег спать. Сестра оставила ему в основном желчь. Брат рассердился и в окно

вылетел птицей. Ситуация конфликта провоцируется сестрой героя. Как добытчик и мужчина брат имел право на лакомый кусок своей добычи. Гнев брата является правомерным и соответствует нормам поведения в данном этносе. Тем не менее брат не выбирает деструктивный конец для своей сестры, а прекращает с ней отношения (табл. 4).

Таблица 4

Субъект и инициатор конфликта <i>а́н'ил'нъ</i> – сестра и ее действия	Объект конфликта <i>Ал'вал'и</i> – Альвали (брат) и его действия
<i>а́н'ил'нъ</i> <i>жым отыл иУть</i> – сестра хорошее съела	<i>[Ал'вал'и]</i> <i>сарт нуУэмрѣмтѣтн</i> – шуку зачерпнул (поймал ведром)
<i>Сар жуј жоУа кѣјтѣ</i> – печень ему оставила <i>кѣрнѣм жуј</i> – одна желчь	<i>јУј тѣУы јѣУыть</i> – желчь прочь бросил
	<i>јѣУнѣм у'твисоУ</i> кум пороУлаУѣн – сам в окно наружу вылетел

Ситуация 5. Текст: Старик Сывси и Альва (хантыйский васюганский диалект)

Сюжет текста повествует о двух персонажах – Альве (герой-трикстер) и Сывси (старик-людоед). Альва и Сывси пошли рыбачить. Дома они сварили рыбу. Сывси взял себе потроха, но в его отсутствие Альва их съел. Сывси решил наказать Альву, но тот убежал и залез на крышу. Сывси поймал беглеца, но тот освободился и залез на дерево, прихватив с собой золы. Сывси топором начал рубить дерево, но Альва запорошил золой глаза Сывси и убежал.

В данной ситуации инициатор конфликта как будто Альва, но, возможно, его отрицательные поступки (воровство, нанесение физического ущерба) вызваны желанием установить справедливость (равное распределение лакомства). Действия Альвы типичны для трикстера: воровство, хитрость, уловки, избегание прямой конфронтации. Результат ситуации конфликта не приводит к деструктивным действиям благодаря ловкости трикстера (табл. 5).

Таблица 5

Субъект и инициатор конфликта <i>Сѣвсики</i> и его действия	Объект конфликта <i>Ал'вѣ</i> и его действия
<i>сар поУѣ сѣвсики јѣУнѣмѣ вѣтѣ (пѣнтѣ)</i> – С. потроха взял себе	<i>А. Сар поУѣ иУть</i> – А. потроха съел
<i>сар поУѣ кѣнчѣкѣтѣт</i> – щучьи потроха стал искать	<i>јѣУнѣм кѣн'имта Уѣн</i> – сам спрятался
<i>С. Ал'вѣ кѣнчѣкѣтѣмѣл'нѣ, кѣстѣ кат оУтына</i> – С. А. когда стал искать, нашел на крыше дома	
<i>С. кѣрѣлоУ каУрымтытѣб ыл н'иримтѣтѣ</i> – С. за ноги его схватил и вниз стащил	<i>тѣУы пѣтинтѣмал пырнѣ, А. нѣрѣУтѣѣн</i> – освободившись, А. побежал
<i>С. Н'уУултѣ</i> – С. погнался	<i>А. јуУануУ кангтаУѣн</i> – А. на дерево залез. <i>С. Н'ѣн'кѣмтѣкѣтѣтѣ</i> – С. дразнить стал
<i>С. Ч'у јуУ јѣјѣмнѣ јѣУѣмтѣ</i> – С. по этому дереву топором ударил	<i>А пѣр јѣУѣ сѣмтѣ ыл л'ѣмѣУтѣтѣ</i> – В глаза золы насыпал
<i>С. Сѣмѣл тѣУы рѣнгѣтѣтѣ</i> – С. глаза свои стал протирать	<i>А. ыл руУимтѣуѣн нѣрѣУтѣУѣн</i> – А. вниз прыгнул и побежал

Ситуация 6. Текст: «Парень-лебедь» (хантыйский васюганский диалект)

В данном тексте несколько ситуаций имеют отношение к серии взаимосвязанных конфликтов. Следует отметить, что первая ситуация – это особая разновидность конфликта – сле-

пого, или скрытого, конфликта, так как участники не осознают свою причастность к действиям. Тем не менее налицо базовые компоненты конфликта: участники, действия, разрешение, результат. Первая ситуация повествует о лишении жизни мужа (отца семейства, направляющегося в гости). Участники: муж и жена; мальчик (их родственник – убийца). Орудие убийства: лук, острая стрела. Причина убийства: шалость, игра, озорство. Характерные детали-действия: стрельба из лука в грудь мужчине в лодке; переворачивание лодки; бегство мальчика; спасение женщины; утопление мужчины, пронзенного стрелой; возвращение женщины-матери к сыновьям в родную деревню (табл. 6).

Таблица 6

Субъект и инициатор конфликта <i>äj qu</i> – мальчик и его действия	Объекты конфликта <i>Imken quqqan</i> – муж и жена и их действия
<i>äj qu</i> – мальчик, букв. маленький человек	<i>Imken quqqan kiriwnä il qomlarintaskan</i> – Муж с женой с лодкой перевернулись
<i>waritaralta</i> – хулиганить	<i>Niñäl üllä törnä qitfarin lilenkä</i> – Жена с большим трудом осталась живой
<i>äj qunə wallax pesta puxöl amasatə joxol jankä lireltetə</i> – мальчик тихо острую стрелу вставил в лук-тетиву, прицелился	<i>Rätfäl puxa qonamtamal jinjä qolarin</i> – Ее муж стрелой пронзенный в воде утонул
<i>äj qunə joxolna rätf joxomel parka lox</i> – мальчик из лука мужика стрельнул в грудь	<i>Niñäl üllä törnä pärter joxpa parlala kirärläxin</i> – Жена с большим горем обратно домой к сыновьям вернулась
<i>Juxnem äj qu potas</i> – Сам мальчик убежал	

Ситуация 7. Текст: «Парень-лебедь» (хантыйский васюганский диалект)

Продолжение начатых действий приводит к порождению нового конфликта в результате отмщения сыновей за смерть отца в деревне Катальга, где мужчина был убит. Детали-действия: убийство всех жителей деревни и сбрасывание убитых в реку; празднование отмщения игрой в карты в землянке семь дней (табл. 7).

Таблица 7

Субъект и инициатор конфликта – <i>atfisat</i> – братья (сыновья убитого отца) и их действия	Объект конфликта: жители Катальги <i>Puxol jar</i> – деревни народ
<i>Puxla janamil qolla jar welil jorna nix läkil</i> – В деревню (Катальга) пришли (братья), всех людей убили, в реку побросали	<i>joxnpə welem jar nawawalt jux</i> – в реке убитые люди плывут
<i>Məx qanta imlat kösär jänkata</i> – В землянке сели в карты играть	

Ситуация 8. Текст: «Парень-лебедь» (хантыйский васюганский диалект)

Предыдущие действия приводят к конечному кульминационному конфликту путем деструктивного разрешения: наказание братьев за убийство жителей. Участники: семь братьев, катальгинский богатырь-мужик. Начинается конфликт с приездом катальгинского богатыря и обнаружением убийства жителей деревни. Детали-действия: богатырь убивает братьев стелой благодаря провидению; шесть братьев волосами заматывались о перекладину перед дверью в землянку и становились легкой целью богатыря (табл. 8).

Субъект и инициатор конфликта катальгинский богатырь <i>matur rätʃ</i> и его действия	Объекты конфликта <i>atʃisat</i> братья и их действия
<i>Matur nomaxsilwal tsi moxalaŋ juŋk puxol qolla weltə</i> – Богатырь думает: что за злой дух всю деревню убил	<i>atʃisantə qolmil roŋkintam süj. joxlil qaxarmin kümpä jokimat</i> – старшие братья слышали звук, луки схватили, наружу побежали
<i>Matur joxlal puxlol täter wersete</i> – Богатырь лук, стрелу заранее приготовил	<i>Qolla qut atʃisat awtal jöxormin purnä qonamtilta</i> – Все шесть братьев волосами заматывались, стрелой убивались

По анализу представленных текстов (Т) можно установить следующие компоненты конфликта:

Субъект/инициатор конфликта: Т1 – людоед Пенегесе, Т2 – людоед Пенегесе, Т3 – Томнэнка, Т4 – старшая сестра, Т5 – Сывси, Т6 – мальчик, Т7 – братья, Т8 – богатырь.

Объект/ответчик конфликта: Т1 – трикстер Итя, Т2 – трикстер Итя, Т3 – Нэтэнка, Т4 – трикстер Альва, Т5 – трикстер Альва, Т6 – муж и жена, Т7 – народ деревни, Т8 – братья. В Т1, Т2, Т4 имеется нападение на инициатора и перехват инициативы.

Причина конфликта: Т1 – желание уничтожить, проглотить объект; Т2 – порча имущества объекта; Т3 – нет явной причины, хотя затем выясняется, что людоедство; Т4 – наказание за непослушание; Т5 – наказание за непослушание; Т6 – нет явной причины, баловство; Т7 – мщение, Т8 – мщение.

Действия субъекта конфликта: Т1 – проглотил, Т2 – порвал сети, Т3 – убила уколом в ухо, Т4 – съела чужое лакомство, Т5 – (несправедливо) присвоил все лакомство, Т6 – убийство стрелой, Т7 – убийство стрелой, Т8 – убийство стрелой.

Противодействия объекта конфликта: Т1 – применение ножа для нейтрализации субъекта, Т2 – использование смолы для поимки субъекта, Т3 – нет противодействия, Т4 – швырнул желчь и улетел птицей, Т5 – убежал, дразнил, Т6 – нет противодействия, Т7 – нет противодействия, Т8 – объект не успевает оказать противодействие.

Орудия для разрешения конфликта: Т1 – нож – ответчиком; Т2 – смола – ответчиком; Т3 – корешок травы – субъектом; Т4 – магия превращения в птицу – ответчиком; Т5 – топор – инициатором, зола – ответчиком; Т6 – лук и стрела – субъектом; Т7 – лук и стрела – субъектом; Т8 – лук и стрела – субъектом.

Результат/эффект: Т1 – спасение объекта благодаря хитрости, Т2 – убийство инициатора, Т3 – убийство объекта, Т4 – покидание субъекта, Т5 – покидание субъекта, Т6 – гибель объекта, Т7 – гибель объекта, Т8 – гибель объекта.

Следующий этап анализа – это поиск ситуаций конфликта в других текстах, сравнение их компонентов и действий, определение вариантов и встраивание их в определенный фрагмент картины мира. Продолжить исследование можно в типолого-сопоставительном плане, привлекая материал родственных, контактирующих и неродственных этносов для выстраивания типологии этнолингвистических ситуаций.

Заключение

Обобщая результаты анализа фольклорных текстов, можно прийти к следующим выводам:

1. Все тексты демонстрируют явные признаки конфликта – биполярность и активность.
2. Лексика конфликта представлена в основном переходными глаголами, но присутствуют и имена – орудия конфликта (нож, топор, смола, зола).

3. Конфликт инициируется разными персонажами, в основном негативными сверхъестественными существами – Пенегесе, Томнэнка и Сывси – и приводит к противодействиям оппонентов.

4. Количество лексики конфликта невелико и морально оправдывает ответные действия.

5. Лингвистический компонент помогает глубже понять мировоззрение народа.

6. Наличие конфликта – центральный мотив прозаического фольклора, скорее всего, именно эта характеристика является основным критерием отнесения текста к фольклорному произведению.

7. Изучение деталей конфликтных ситуаций позволит лучше осмыслить нормы социального поведения, культурных ценностей и иерархических отношений в обществе селькупов и хантов.

8. Несмотря на универсальность компонентов, каждая лингвокультура обладает своей спецификой.

9. Реализация конфликта может быть деструктивной, нейтральной, позитивной. Насилие и лишение жизни характеризуют деструктивное разрешение конфликта.

В ходе обсуждения исследования были выявлены некоторые универсальные компоненты конфликта, что позволит в дальнейшем расширить базу источников и сравнить примеры ситуаций конфликта с народами, далекими от Сибири.

Литература:

- Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала.** Томск: Ветер, 2010. С. 335.
- Вайда Э. Д., Ким-Малони А. А., Ким А. А.** Лингвокультурная интерпретация метаморфозы в фольклоре народов обско-енисейского ареала // Томский журнал лингвистики и антропологии. 2016. Вып. 2 (12). С. 73–80.
- Ким-Малони А. А., Ким А. А.** Магическая охота с лесными духами по данным сибирского фольклора // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 148–152.
- Ким А. А.** Классификация хантыйского прозаического фольклора. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2015. С. 167.
- Маслова В. А.** Лингвокультурология. М.: Академия, 2007. С. 202.
- Маслова В. А.** Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. С. 264.
- Очерки по селькупскому языку.** Тазовский диалект / состав. А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе, Е. А. Хелимский. М.: МГУ, 1993. 197 с.
- Сборник** аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 4. Томск, Вайяр, 2015. 342 с.
- Сказки нарымских селькупов** / зап., пер., коммент. В. В. Быконя, А. А. Ким, Ш. Ц. Купер, Н. П. Максимова, И. А. Ильяшенко. Томск: Вен-Мер, 1996. С. 191.
- Хроменков П. Н.** Вербальный конфликт в русском сказочном фольклоре // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 97–105.
- Rakhilina E., Reznikova T.** Doing Lexical Typology with Frames and Semantic Maps. SSRN Electronic Journal. Series: Linguistics. Paper № WP BRP 18/LNG/2014. Posted 12 February 2015. 13 pg.

Ким-Малони Александра Аркадьевна.

Доктор филологических наук, доцент, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: kim@tspu.edu.ru

Ким Антонина Александровна.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: kima@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 7 мая 2023 г.

A CONFLICT SITUATION IN THE WORLDVIEW OF THE PEOPLES OF SIBERIA (BASED ON THE FOLKLORE OF THE SELKUPS AND KHANTS)

Folklore texts and ethnographic descriptions are the most important basis for modeling worldview, especially among non-literate and early literate peoples. An interdisciplinary situational approach is proposed as one of the modeling strategies, combining the methods and resources of different disciplines, e.g., linguistics, cultural anthropology, and folklore. The essence of the interdisciplinary situational approach is that folklore and ethnographic texts are analyzed for the presence of ethnolinguistic situations, the components of which are identified and interpreted using the methodological apparatus of different disciplines. Language contributes to the detailed interpretation of the meaning of the situation and helps to define boundaries. It is no coincidence that communication is one of the features of ethnolinguistic situations because language events and language situations are indeed part of them. The “ethno-” component is associated with the description of a particular ethnic group, but does not prevent typological comparisons. Every ethnolinguistic situation presupposes participants and is based on their activity, i.e. on a certain meaningful action. In folklore, the ethnolinguistic situation correlates with a motif, which is understood as a segmental event, a relatively independent, complete, and relatively elementary segment of the narrative. The motif functions as an organizing moment of the plot movement and brings its meaning to the content of the plot and is also a characteristic feature or dominant idea of a literary composition (Kim, 2015: 28). When we combine data from different disciplines to understand the ethnolinguistic situation, we obtain a special interdisciplinary unit that allows us to interpret folklore or ethnographic data as much as possible and model a picture of the world based on them. The study aims to test an interdisciplinary situational approach to the interpretation of a fragment of the worldview of the peoples of Siberia using the example of several conflict situations in the folklore of the Selkups and Khants. A folklore work is rarely complete without conflict situations. The situation is a unit of the folklore text. The ethnocultural analysis of the components of the situation makes it possible to identify details that are important for further typological research into the folklore of the Siberian region.

Keywords: *conflict, interdisciplinary approach, ethnolinguistic situation, folklore of the Selkups and Khanty, worldview*

References:

- Annotated Folk and Daily Prose Texts** in Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area. Proceedings of the Department of Siberian Languages. Vol. 4. Tomsk, Vayar. 2015. 342 p.
- Annotated Folklore Prose Texts** in Languages of Ob-Yenissei Language Area. Tomsk, Veter. 2010. 336 p.
- Khromenkov P. N.** Verbalnyi konflikt v russkon skazochnom folklore [Verbal conflict in Russian fairy-tale folklore] // Vestnik RUDN, seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, No. 3. Tomsk, 2016. P. 97–105 [Verbal Conflict in Russian Folklore//Bulletin RUDN, Seri: Language theory. Semiotics. Semantics].
- Kim A. A.** Klassifikatsiya khantyiskogo prozaicheskogo folklor [Classification of Khanty Prosaic Folklore]. Tomsk State Pedagogical University Press, Tomsk 2015. 167 p.
- Kim-Maloney A. A., Kim A. A.** Magicheskaya okhota s lestnymi dukhami po dannym sibirskogo folklor [Magic Hunt with Forest Spirits based on Siberian Folklore] // Bulletin of Tomsk State University. History. No. 5 (43). Tomsk, Tomsk State University Press, 2016. P. 148–152.
- Maslova V. A.** Lingvokulturologia [Linguoculturology]. Moscow, Akademia, 2007. 202 p.
- Maslova V. A.** Sovremennye napravleniya v lingvistike [Modern Trends in Linguistics]. Moscow, Akademia, 2008. 264 p.
- Ocherki po selkupskomu yazyku.** Tazovskij dialect / A. I. Kuznecova, O. A. Kazakevitch, L. Ju. Ioffe, E. A. Xelimskij [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Moscow, Moscow University Press, 1993. 197 p. (in Russian)
- Skazki narymskikh selkupov.** Tomsk, 1996, TSPU, Izd “Ven-Mer”. Zapisi, perevod, komentarii Bykonya V. V., Kim A. A., Kuper S. C., Maksimova N. P., Ilyashenko I. A. [Folktales of Narym Selkups Records, translation and commentary of Bykonya V. V., Kim A. A., Kuper S. C., Maksimova N. P., Ilyashenko I. A.]. Tomsk, 1996, TSPU, “Ven-Mer” Publishing House. 191 p.
- Rakhilina E., Reznikova T.** Doing Lexical Typology with Frames and Semantic Maps. SSRN Electronic Journal. Series: Linguistics. Paper № WP BRP 18/LNG/2014. 13 pg. Posted 12 February 2015.

Vajda E. J., Kim-Maloney A. A., Kim A. A. Linguokulturnaya interpretatsiya metamorfozy v folklоре narodov obsko-yeniseiskogo areala [Linguocultural Interpretation of Metamorphosis in the Folklore of the People of Ob-Yeniseian Area] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2016. Vol. 2 (12). P. 73–80.

Kim-Maloney Alexandra Arkadievna.

Doctor of Philology, Professor of English Philology and Intercultural Communication Department.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kim@tspu.edu.ru

Kim Antonina Alexandrovna.

PhD, Associate Professor of English Philology and Intercultural Communication Department.

Tomsk State Pedagogical University

Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kima@inbox.ru

О. Б. Степанова

СТРАТЕГИИ ЗАГОТОВКИ И МЕТОДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДРОВ У СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

В статье рассматриваются стратегии заготовки и методы использования дров, выработанные коренным малочисленным народом Арктики – северными селькупам в процессе адаптации к местным природно-климатическим условиям и социально-экономическим и техническим изменениям, которые приносило в их жизнь время. Традиционная система жизнеобеспечения селькупов не предполагала заготовки больших объемов дров ни в один из сезонов, дрова запасались на непродолжительный период использования. Селькупские промысловые стоянки устраивались в тех местах, где имелись дрова. Среднетазовские селькупы, проживающие в лесотундре, в отличие от своих верхнетазовских сородичей, населяющих зону тайги, нередко испытывали дефицит качественного топлива и тратили больше сил на добычу дров. Стратегия регулярного пополнения небольшого топливного запаса, получаемого поблизости от жилища, по сей день применяется селькупам, ведущими традиционное хозяйство, летом. Однако зимние стратегии заготовки дров у всех северных селькупов изменились: у русских был перенят принцип создания большого зимнего дровяного резерва. В процессе заготовки топлива у селькупов возникают новые отношения с государством, помогающим им в лице организаций социальной направленности. Крупные перемены для всех селькупов произошли в технической части топливно-заготовительных стратегий: в быт вошли бензопилы, которыми теперь производится заготовка дров, и снегоходы, мотоциклы, моторные лодки, грузовые автомобили, каракаты, на которых они доставляются. Наряду с заводской техникой у селькупов активно стали применяться самодельные санки и тележки «на ручной тяге» для подвоза дров на маленькие расстояния. Основными селькупскими устройствами, в которых происходит сжигание дров, остаются костер, дымокур и вставшая в традиционный ряд позже печка-буржуйка. Дрова у селькупов служат не только для обогрева жилища и приготовления пищи, они участвуют во множестве хозяйственных операций, в каждой из которых применяется своя технология и свой режим горения топлива.

Ключевые слова: северные селькупы, топливно-заготовительные стратегии, дрова, отопление, приготовление пищи, традиции, новации

Введение

Статья посвящена важнейшему элементу традиционной культуры жизнеобеспечения северных селькупов – дровам. О значении дров в жизни селькупов нет необходимости говорить особо: использование этого традиционного топлива было и остается первейшим условием селькупской жизнедеятельности в суровых условиях северных широт. В исследовании анализируются стратегии заготовки и методы расходования дров, рассматриваются виды дров в зависимости от их применения, определяются новые социальные отношения, возникающие в процессе создания запаса этого топливного ресурса. Проблема заготовки и использования дров у селькупов до сих пор никем из ученых подробно не освещалась, поэтому изучение дровяного вопроса в селькупской хозяйственной деятельности имеет ценность для науки¹. Исследование способствует сохранению традиционной селькупской культуры, что составляет его актуальность.

Материал и методы

В научной литературе по теме статьи были найдены лишь отрывочные сведения – в трудах К. Доннера (2008), Л. В. Хомич, С. И. Ирикова, Г. Е. Аюповой (2002), П. Е. Островских (1931) и Е. Д. Прокофьевой (1977), поэтому исследование опиралось главным образом на по-

¹ Разработка дровяного вопроса у северных селькупов позволит также выработать подходы к сбору и анализу материала по аналогичной теме у других народов Сибири.

левые материалы автора, собранные в ряде экспедиций к северным селькупам (2012, 2013, 2014, 2015, 2021, 2022 гг.). Методологическую основу исследования составили анализ, описание, метод исторической ретроспективы и полевая работа, которая проводилась посредством глубинных интервью и включенного наблюдения.

Результаты и обсуждение

Логично начать исследование с анализа самых ранних сведений, имеющихся по теме заготовки дров у северных селькупов, – путевых заметок К. Доннера о его поездке на реку Таз зимой 1913 г. Маршрут К. Доннера пролегал из г. Туруханска через реки Турухан, В. Баиха и Худосей, затем вверх по реке Таз до устья реки Покольки и далее вдоль Покольки, через ее верховья на приток реки Оби реку Вах. Для исследования является существенным, что путь К. Доннера проходил по двум природно-климатическим зонам: первая половина его путешествия – до устья р. Худосей – проходила по полосе лесотундры, во второй половине он прокладывал дорогу по районам тайги. Природно-климатические условия лесотундры и тайги, где, соответственно, проживают туруханские/среднетазовские и верхнетазовские селькупы, диктуют отличия в их стратегиях заготовки дров.

Эти отличия выделяются в записях К. Доннера: когда близ устья р. Худосей, в месте, где стояла уже тогда пустовавшая Тазовская церковь, он несколько дней ожидал очередных проводников, ему пришлось пережить топливный кризис. Поблизости не было древостоя, поэтому ему с его спутником каждый день приходилось преодолевать несколько километров на лыжах в поисках карликовых берез, «скудно растущих на побережье». Из их веток они делали костер и поддерживали его весь день. Температура воздуха на этом участке путешествия держалась на отметках 50–60 градусов мороза. Костер из ветвей кустарника не спасал от холода, а лишь позволял существовать в таких условиях (Доннер, 2008: 96). На таежном участке маршрута в подобные ситуации К. Доннер не попадал, там он и его спутники не сталкивались с дефицитом топлива и не имели трудностей с обогревом. То есть добыча дров в лесотундровой зоне производится закономерно сложнее, чем в зоне тайги, что не может не отражаться на хозяйственной деятельности селькупов.

Поскольку К. Доннер проводил свои наблюдения, постоянно перемещаясь, его записи касаются в основном хозяйственных действий селькупов, находящихся в состоянии движения. Исследователь отмечает, что какое-то количество дров его спутники-селькупы всегда возили с собой, чтобы в любой момент иметь возможность растопить снег и получить воду (Доннер, 2008: 94). При переездах с чумом для остановки на ночь они старались выбрать место, где рос олений мох и можно было раздобыть дрова. Выбором места стоянки занимались возглавлявшие аргиш мужчины; ожидая прибытия остальных, они разгребали широкими лыжами снег и готовили площадку для установки чума. Когда приезжали последние нарты, одни участники аргиша распрягали оленей и выстраивали нарты кругом, другие занимались подготовкой топлива. После установки чума женщины быстро разводили в нем небольшой костер из привезенных с собой сухих дров. После этого в жилище заносили детей и домашнюю утварь, растапливали меховые шкуры. Пока готовился чай, съедалось – сырым – все добытое за день. Затем путники, прошедшие весь день на холоде, согревались чаем (Доннер, 2008: 102). Рубка дров и поддержание огня входило в женские обязанности (Доннер, 2008: 104).

Согласно материалам К. Доннера, когда селькупы путешествовали налегке, без чума, на ночевку тоже останавливались в месте, где можно было найти дрова. Разводили костер, делали заслон из снега и веток и ложились спать, прижавшись друг к другу. При этом, какие бы ни были размеры костра, путешественники все равно замерзали. В сильный мороз польза от костра была вообще незначительной: приходилось не спать и следить, чтобы не отморозились руки и ноги (Доннер, 2008: 97–98). Отогреться и поспать в тепле путешественникам уда-

валось лишь тогда, когда они заезжали в чум какого-либо аборигена, собственно, маршрут их путешествия так и прокладывался – от чума к чуму.

О топливных стратегиях селькупов, стационарно живущих в течение зимы на промысловых стоянках, К. Доннер пишет, что самые холодные зимние дни селькупы переживали в устьях маленьких ручьев, где росли карликовые березы, а также имелся древостой из сосны и лиственницы (Доннер, 2008: 94). То есть свои зимние стоянки селькупы располагали там, где был природный запас дров, из чего следует, что заниматься заготовкой дров на долгое время вперед для них не было смысла, и дрова запасались ими не более чем на несколько дней.

Таким образом, помимо значения дров в селькупской жизни, путевые записи К. Доннера подчеркивают отличия в добыче топлива у туруханских/среднетазовских и верхнетазовских селькупов, проживающих в разных природных условиях, содержат сведения о хозяйственных стратегиях селькупов по заготовке и использованию дров во время кочевания и при длительном нахождении на одном месте в течение нескольких холодных месяцев года и позволяют сравнить качество обогрева дорожного селькупского жилища со стационарным.

Междуречье рек Таза и Енисея к северу от р. Худосей – территория, на которой проживают туруханские и среднетазовские селькупы, – раньше официально именовалось Тазовской тундрой. Тундрой называет местность от Туруханска до р. Худосей и К. Доннер. И хотя, если судить по его описаниям, эти земли следует относить все-таки к лесотундровой зоне, есть основания считать, что раньше, во времена его путешествия, лесных участков там было меньше, чем сейчас. Сегодня густой лес растет в месте, где раньше стояла Тазовская церковь, больше леса стало и к северу от нее, в районе рек Парусовой, Момчик, Унды, поселков Сидоровск и Совречка, Советских озер: о том, что граница лесотундры передвинулась значительно на север, говорят нынешние тазовские ненцы, живущие на берегах русла Старого Таза (ПМА, 2022).

Несмотря на сокращение тундровых площадей, отличия в заготовке топлива у туруханских/среднетазовских и верхнетазовских селькупов, подмеченные К. Доннером и обусловленные природно-климатическими особенностями их мест проживания, сохраняются до сих пор. Для среднетазовских селькупов добыча топлива и в советское, и в постсоветское время являлась более трудоемким занятием, чем для селькупов Верхнего Таза. Сведения об этом были записаны автором у информанта В. Оягира, прожившего 25 лет на озере Момчик². Лес вокруг двух поселков на оз. Момчик растет не всюду, поэтому жителями применялась смешанная стратегия добычи дров: небольшие партии дров они рубили/собирали поблизости от жилища (чума, а впоследствии избушки), но для подготовки к зиме ездили за ними через озеро, на расположенный позади него «большой хребет», где «лес густой» и идет «профиль до середины», оттуда заготовленный лес возили в поселок (ПМА, 2022).

Такие поездки за дровами совершались как весной, так и зимой, как на «Буране», так и на моторной лодке. На хребте лес пилили бензопилой «Дружба», на что уходило несколько дней. Весной, по большой воде, бревна сплавляли, цепляя к лодке, «по десять штук» – за один раз больше было не увезти; в озеро спускались по маленькой речушке. Весенние дрова ждали зимы, их кололи, снимали с них кору, накрывали и придавливали палками, чтобы за лето они высыхали. Благодаря заготовленным дровам не надо было «искать сушняк, трудиться» зимой. Тем не менее на весь морозный период сухих весенних дров, даже при экономном использовании, не хватало, поэтому зимой ездили в то же место пилить сырые дрова (ПМА, 2022).

Зимняя доставка леса из-за озера требовала прокладки пути по озерному льду, для чего у жителей Момчика существовала особая технология. Чтобы проехать через озеро на тяжелом «Буране» и «не напороться на наледь», осенью, когда толщина льда достигала сантиметров двадцати, В. Оягир проходил по озеру на лыжах и с помощью топора ставил на льду вешки.

² Устье впадающей в озеро Момчик одноименной реки находится в 294 км по правому берегу р. Таз.

Зимой по вешкам можно было ездить без риска провалиться. Дрова нагружались на прицепленный к «Бурану» лист железа (ПМА, 2022).

Помимо стратегий и техник заготовки, информант описал различия дров для отопления жилища, соответствующие породам деревьев. По его словам, лучше всего горят дрова из лиственницы и сухой березы; кедр смолянистый, поэтому, когда он сухой, он горит хорошо, но коптит, а когда сырой, «вообще не горит», и даже сухой кедр плохо разгорается; береза сырая плохо горит и тоже коптит. Идеально для растопки использовать дрова из сухой ели. Сосна в округе оз. Момчик не растет (ПМА, 2022).

Один из периодов жизни В. Оягира был связан с Совречкой – небольшим поселком из 20 домов, имеющим свою администрацию и расположенным в том же климатическом поясе, что оз. Момчик, там у него жил старший брат с семьей. Брат занимался подвозом дров односельчанам: тем, которые не могли себя ими обеспечить самостоятельно, – пенсионерам, инвалидам, и школе-интернату, за что получал от государства, осуществляющего социальную поддержку этих категорий населения, зарплату. За одну поездку он привозил кубометр дров (бревен длиной полтора-два метра) в одно домохозяйство. Пилила дрова бригада лесорубов в нескольких километрах от поселка, в массиве «густого» леса, через который тракторами были пробиты профили. Домохозяйства с трудоспособными членами семьи привозили себе дрова оттуда сами, на «Буранах». В теплое время года население Совречки доставляло дрова в поселок на моторных лодках. Тогда социальную доставку дров по совместительству осуществлял местный дизелист, владелец небольшого катера-водомета – «такого сильного, как у рыбнадзора»; катер мог «тащить» против течения сразу два больших ствола лиственницы. Дизелист возил дрова всему поселку, «и все с ним расплачивались» (ПМА, 2022). То есть в поселке Совречка стратегия заготовки дров была та же, что на оз. Момчик: дрова привозились из места, находящегося на значительном удалении от жилья, заготавливаемые запасы дров стремились к объемам, необходимым на весь зимний период. В противоположность «лесным» поселкам в Совречке – поселке с официальным административным статусом – части населения помощь в заготовке дров оказывало государство, а доставка дров там осуществлялась на крупногабаритных транспортных средствах – тракторах и катерах.

В. Оягир подтвердил еще одно наблюдение К. Доннера, касающееся правила прокладывать зимний путь между стационарными жилищами, имеющими преимущества в обогреве перед чумами, которые устанавливались на одну ночь, и особо оборудованными стоянками под открытым небом. По его информации, советская власть взяла этот принцип на вооружение, и в Тазовской тундре на зимних маршрутах через каждые двадцать километров стоял пункт обогрева – чум, в котором «бабушка или дедушка сидели, печку топили, дрова готовили». Через такие пункты обогрева раньше ездили между райцентром и поселками, в частности, почтальоны (ПМА, 2022).

По сведениям В. Оягира, для валки леса в советское время и еще некоторое время после использовались разные модификации электропилы «Дружба», если кончался бензин или пила ломалась, работали «старинной» двуручной пилой, называемой «вашим-и-нашим»; для распила дров применяли опасную циркулярную пилу (ПМА, 2022). Последние свои бензопилы – «Партнер», «Стиль» Оягир уже выбирал из большого ассортимента товаров этого профиля, продающихся в магазинах поселка Красноселькуп. «Стиль» он подарил сыну, перебравшись на постоянное жительство в районный центр. Акцентируя в своих рассказах внимание на пилах, информант подчеркнул важность новых технических средств, значительно изменивших и облегчивших условия жизни «в лесу».

Рассмотрим стратегии заготовки дров верхнетазовскими селькупам – жителями тайги, они, несомненно, будут отличаться от стратегий, применяемых их туруханскими и среднетазовскими сородичами, так как в тайге дефицита леса нет, и добывать дрова легче.

Н. П. и О. И. Ириковы собирают, пилят и рубят на дрова сухостой, который примыкает к их стойбищу, расположенному в верхнем течении р. Таз. Они занимаются этим постоянно, каждый день – летом делать дровяные запасы, превышающие норму одно- или двухдневного расходования, у них не принято. При этом, кроме печки в доме и костра на летней кухне, Ириковы поддерживают постоянную работу нескольких сделанных из бочек дымокуров, дым которых спасает их оленей от гнуса. С наступлением холодов они переезжают на зимнее стойбище, которое находится «совсем недалеко», и, что важно, делают запас зимних дров. Дровами служит все тот же сухостой: они нагружают его в пластиковые сани, деревянные сани, подбитые листовым железом, или грузовые нарты и цепляют их к снегоходу. Вozить дрова на саях, прицепленных к снегоходу, – типичный для верхнетазовских селькупов (и, думается, для всех прочих селькупов тоже) метод индивидуальной транспортировки дров в зимний период (ПМА, 2021).

Л. В. Калинин – хозяин нового стойбища, расположенного в бору на высоком берегу р. Таз в четырех километрах ниже верховского поселка Ратта, пускает на дрова лес, который валит, расширяя его территорию. Он прорубает проход от стойбища к реке и от дома к хозяйственным постройкам. С некоторых деревьев он за несколько месяцев до рубки снимает кору, «чтобы они подсохли» (ПМА, 2021). По селькупской традиции стойбище должно быть светлым и хорошо обдуваться ветром, что избавляет людей и оленей от летнего гнуса и комаров. На площадках стойбищ лес обычно вырубается или хорошо прореживается. Некоторые хозяева даже пропалывают свои стойбища, выдергивая ростки новых деревьев на всей их площади. Через каждые 10 лет стойбища переносятся на новое место – за это время олени вытаптывают на них мох, которым питаются. По прошествии 10–15 лет, когда мох на старых стойбищах восстанавливается, селькупы на них возвращаются. За это время там вырастает и свежий лес, который они вновь частично пускают на дрова. Среди древесных пород Верхнего Таза преобладает сосна, поэтому дрова, которыми там отапливаются селькупские дома, как правило, сосновые.

Летнее стойбище Е. И. Ирикова на р. Покольке, после того как 10 лет назад потерялись его олени, заросло. Однако хозяин не торопится пустить на дрова молодые деревья, поскольку они дают мало тепла. Для дров он использует лес со стволами солидного диаметра, который рубит в ближайшей округе. Размер его летнего дровяного запаса – не более одного толстого соснового ствола, распиленного на чурки. Переезжая с наступлением холодов в свой зимний дом, находящийся в нескольких километрах от летнего, он заготавливает дрова на зиму, применяя ту же стратегию – рубит лес неподалеку от дома, в заготовке зимнего топлива ему помогает взрослый сын. Для подвоза дров летом хозяин приспособил «колесницу» – ручную тележку, колеса которой сделаны из срезанной верхней части толстостенных бочек из-под бензина и балансиров от «Бурана», ось из бурановской подвески, ручка из согнутой железной трубы, кузов из досок, частично обитых листовым оцинкованным железом. «Это по хозяйству – дрова, воду, мусор возить, что хочешь. Но недалеко, конечно. Скажем, до лодки, конечно, на колеснице уже ничего не повезешь, по бору только можно, где земля ровная» (ПМА, 2021). Ручные санки-волокуши – «дома чурки таскать» – у того же хозяина сделаны из задней лыжонки от самолета. На соседнем стойбище на Покольке было зафиксировано применение для подвоза дров старых детских колясок, переоборудованных в тележки. Жители третьего, большого, стойбища на Покольке подвозят дрова и воду, используя мотоцикл с коляской. Когда-то рядом со стойбищем работали бригады лесорубов, и осталась дорога, по которой они возили на больших машинах лес к реке для дальнейшего сплава, эта дорога теперь используется обитателями стойбища для своих нужд (ПМА, 2012).

Дрова у Е. И. Ирикова и других селькупов на р. Покольке хранятся в скромных размеров сарайчиках «русского» типа. Несомненно, эти сараи пришли в культуру селькупов от русских вместе с домами, повсеместно заменившими на стойбищах чумы³.

³ «Русские» дровяные сараи фиксируются во многих «кочевых» хозяйствах как верхнетазовских, так и туруханских/среднетазовских селькупов.

А. Е. и П. Н. Кунины, проживающие в верховьях р. Толька, левого притока Таза, выбирают на дрова деревья, растущие на расстоянии 100–200 м от их летнего чума. Чурбаки поваленного и распиленного дерева они волокут к чуму в санках-волокушах, сделанных из разрезанной пополам пластиковой бочки с продетой в нее веревкой-лямкой. Мужчина валит дерево, распиливает его, а женщина перетаскивает чурбаки и потом их рубит. Заготовкой дров летом Кунины занимаются только тогда, когда они заканчиваются, максимальный запас дров, лежащих у чума, – один ствол (ПМА, 2022).

В зимних лесных хозяйствах верховьев р. Тольки заготавливают дрова на предстоящую зиму «по насту» – весной. Бревна для дров селькупы привозят к жилью на снегоходах. То есть традиция делать накануне зимы запасы дров, превышающие кратковременные потребности, сложилась и у селькупов таежной зоны. Относительно объема зимних запасов можно предположить, что он зависит от состава семьи и срока пребывания ее в течение холодного периода года на лесном угодье (многие семьи или члены семьи уезжают зимовать в поселки). Нужно также иметь в виду сохраняющуюся у таежных селькупов возможность пополнения запасов дров в течение зимы в случае, если они закончились, этой возможностью селькупы тоже активно пользуются.

От верхнетазовских селькупов автору доводилось слышать фразу, что у них «дрова в другом месте заготавливают», то есть не вблизи со стойбищем. Возникает вопрос, на каком максимальном расстоянии от лесного хозяйства может находиться дровяная делянка?

В имеющихся у автора материалах самое большое расстояние от места, где заготавливают дрова, до жилья было зафиксировано в лесном хозяйстве селькупско-ненецкой семьи Агичевых с р. Хадутей (приток р. Пур). Три брата Агичевы прореживали на дрова лес вдоль дороги, ведущей от чумов к фактории, которой они заведовали, длина этой дороги была три километра. Расколотый пополам кругляк они складывали у дороги в поленницы, чтобы впоследствии его было удобно доставлять к чумам и к дому на фактории, который тоже нуждался в отоплении. Братья транспортировали дрова и другие грузы к жилью на каракате (минивезде) с вместительной фабричной тележкой-прицепом. Эта техника принадлежала фактории, обустроенной по государственным программам поддержки коренных малочисленных народов Севера администрацией Пуровского района (ПМА, 2013). Однако фактическое расстояние от отапливаемых объектов до дровяных делянок, которое у Агичевых определялось нетипичной протяженностью их хозяйства, объединяющего чумы и факторию, было все-таки менее 3 км, так как делянки были расположены на равноудаленном от чумов и фактории расстоянии. Возможность дальней доставки обеспечивалась также наличием дороги и транспортных технических средств.

Тем не менее можно заключить, что наравне с заготовкой дров в непосредственной близости от стойбища таежными селькупками применяется стратегия доставки дров с более дальнего расстояния. Причины этого, возможно, кроются в бережном отношении к лесу, растущему вокруг жилой зоны, и в поиске качественной древесины: лучший дровяной лес может расти на удаленных делянках. Условием доставки леса с дальних делянок служит наличие дороги. Это условие является общедоступным, так как через все селькупские лесные хозяйства проходят старые дороги, наезженные в прежние времена оленьими упряжками.

Как было показано, стратегии заготовки дров в хозяйствах кочевых селькупов, проживающих в таежной зоне, за XX в. изменились. Традиция не делать запасов, превышающих одно-двухдневные потребности, сохранилась только в отношении летних практик использования дров. Таежные селькупы теперь массово заготавливают дрова на зиму, в чем, очевидно, сказалось русское влияние и переход к менее подвижному образу жизни, выразилось это в замене чумов на стойбища домами русского типа и утратой многими селькупками своих оленей. Вместе с тем таежные селькупы продолжают пользоваться возможностью дозаготовки дров зимой в случае необходимости.

Вывод о том, что создание топливных запасов на всю зиму изначально практиковалось в таежных селькупских поселках, имевших условно русский бытовой уклад, а затем проникло на стойбища⁴, подтверждается наличием в этих поселках устоявшихся стратегий дровяной заготовки. В поселке Толька (Верхняя или Пуровская, относящаяся к Пуровскому району) жители заготавливают крупные объемы дров, чтобы их хватило на всю зиму, в мае («тогда комаров нет и прохладно»). Каждая семья создает свой топливный запас самостоятельно. В этом процессе им помогает начальник толькинского участка сельскохозяйственной территориально-соседской общины «Ича», он вывозит дрова из леса на принадлежащем общине грузовом автомобиле. Жители валят деревья, пилят, складывают чурбаны в кучу, потом, там же на делянке, колют их на две части и снова складывают. Кто сколько приготовит – одну машину, две, столько начальник участка и доставляет в поселок. Делянки в лесу для заготовки дров специально не выделяются, жители сами выбирают места для вырубki недалеко от дороги на Перевал, по которой проходит машина. Прежде зимой дрова возили на «Буранах», а до «Буранов» – на оленях. Большинство жителей принимают помощь общины с благодарностью (ПМА, 2022).

Собранный в пос. Толька материал о формировании жителями зимнего дровяного запаса позволяет осветить еще одну грань исследуемой темы. Заготовка дров в поселке стала частью сложных (социальных) отношений руководства общины с некоторыми рыбаками-общинниками. Община «Ича» была создана, чтобы обеспечить трудовую занятость толькинцев, основное направление ее хозяйственной деятельности – добыча рыбы. Районная администрация вложила в общину огромные финансовые средства и хочет видеть в ее отчетах растущие уловы и стабильные цифры занятых в рыбной ловле селькупов. Но рыбы в последние годы в р. Тольке стало совсем мало, условия труда рыбаков остаются тяжелыми, поэтому люди в общине работают неохотно. Работа в общине многих привлекает больше из-за бензина, который та выдает своим рыбакам для промысла; полученный бензин они экономят и потом используют не по назначению. Начальник толькинской площадки общины, выстраивая производственный процесс добычи рыбы, требует от жителей покончить с заготовкой дров до начала путины, до июля, чтобы потом ни его, ни их ничто не отвлекало от рыбной ловли. Но не все хотят вывозить дрова на общинном грузовике, часть жителей заинтересованы в получении от общины под вывоз дров бензина и планируют самостоятельно доставлять свои дрова в поселок зимой на снегоходах (ПМА, 2022).

Дровяные и отопительные проблемы формируют новые социальные отношения в п. Толька уже не в первый раз. В 2010-х гг. в поселок бесплатно «подкидывали» лес («чтобы не пропадал») дорожные рабочие, которые прокладывали дороги на ближайшие к поселку буровые площадки (ПМА, 2015). «Хорошо они раньше помогали, а сейчас из-за того, что им какие-то там гайки закрутили, везде и всюду видеокамеры поставили, у них не стало такой возможности, то есть у них все возможности есть, но бюрократические преграды не позволяют» (ПМА, 2022). Еще раньше, в 1960–70-х гг., чтобы заготовить дрова для ФАПa, пекарни, школы и магазина, в поселке устраивался субботник; живущие тогда в лесу вокруг поселка оленеводы возили дрова на оленях. «Одиноким и старикам специальные работники все делали» (ПМА, 2022). Государство в лице районной администрации оказывает толькинцам помощь не только с дровами, но и с печками, в которых эти дрова сжигаются. В 2008 г. селькупы п. Толька получили в подарок от администрации 34 новых дома, в каждом из которых стояла кирпичная печь. В 2022–2023 гг. печки во всех домах Тольки сложили заново. Железные печки государство выдает селькупам для жизни на лесных угодьях.

В пос. Ратта заготовка дров на нужды поселка также выстраивает особый тип социальных связей – отношения между селькупам и работодателем. Работу полутора десяткам

⁴ Запуск этого процесса поддается датировке – он относится к началу 1990-х гг.

раттовских селькупов дает участок ООО «Ямалэнерго», в ведении которого находится поселковое жилищно-коммунальное хозяйство. Рабочие «Ямалэнерго» заготавливают дрова на делянке, пилят их для котельной и обеспечивают дровами живущих в поселке одиноких стариков. Работать в «Ямалэнерго» считают за счастье многие из мужчин-селькупов Ратты, а те, кто уже работает там, держатся за эту работу «обеими руками».

Новые горизонты исследования открывает ракурс использования дров северными селькупам. Дрова служат им не только для отопления жилища, но и для приготовления пищи (методами варения, жаренья, печения и копчения), а также участвуют еще во множестве хозяйственных операций. Устройствами для «активации» дров и поддержания нужного режима горения у селькупов служат прежде всего костер (с сопутствующими приспособлениями – палкой *чинпа* или крюком для подвешивания котла, отверстием в чуме для выхода дыма, досками, ограждающими костер по периметру, перекладами для сушки рыбы или сырой одежды, *чопсами* – рожнами для запекания рыбы и т. д.) и печки (в прошлом чумал и глиняная хлебная печь, теперь железные печки-буржуйки, кирпичные печки в поселках, железные хлебные печки, часто для лучшего сохранения жара обложенные внутри кирпичами и зарытые в землю или песок).

Интенсивность горения дров в этих устройствах селькупы по необходимости регулируют: увеличивают, добавляя туда чурок, или уменьшают, раздвигая горящие дрова и угли, закрывая-открывая печную дверцу. Чтобы сохранить горячим вскипевший котелок или чайник, его ставят на край костра или сдвигают, поворачивая *чинпа* в сторону. Когда еда готовится на печке, чайник, котелок или сковородка ставятся на ее верхнюю горизонтальную поверхность, для уменьшения температуры нагрева их переставляют с центра на край, где температура меньше. Процессы приготовления пищи и отопления жилища обычно идут параллельно: пока готовится еда, нагревается воздух в доме/чуме/палатке. Огонь, разведенный в чуме, одновременно служил источником света: К. Доннер описывает, как женщины шили при свете костра и звезд, светящих через дымовое отверстие чума. Для розжига дров применяется береста или снятая с полена стружка. Дрова перед использованием подсушивают – заносят их в жилище заранее, за несколько часов до того, как положить в огонь.

Старинный метод приготовления селькупского содового хлеба – выпекание его в продукте горения дров – золе, смешанной с горячим песком. Любимое традиционное блюдо селькупов – *чопсы* (запеченная рыба) готовится, как шашлык: рожны с насаженной на них рыбой втыкаются в землю над раскаленными углями.

В хозяйстве селькупов широко распространены дымокуры – устройства, где дрова медленно горят, выделяя дым. В дыму тлеющего костра селькупы традиционно сушат и коптят рыбу, развешанную над ним на вешалах. Такой костер может быть разведен на летней кухне, в чуме или под отдельно стоящими вешалами. Коптильные дымокуры современные селькупы делают из железных бочек от горючего, некоторые конструктивные особенности и дрова, которые в них закладывают, у верхнетазовских и среднетазовских селькупов отличаются. На Верхнем Тазу бочка без крышки с вырезанным сбоку окошком для тяги накрывается решеткой, внутри нее разводится костер из небольших пихтовых чурок, в его дыму коптится рыба, которую укладывают на решетку (ПМА, 2021). Среднетазовские селькупы бочку разрезают пополам и в нижнюю половину загружают подсушенные осиновые «жердочки»: осина придает рыбе аппетитный желтоватый цвет. В верхней половине бочки пробивают дырки и накрывают ею нижнюю часть: через дырки дым идет, и рыба не горит, а коптится (ПМА, 2022). У селькупов Тольки Пуровской были записаны сведения, что рыбу, из которой потом готовили *порс* – рыбную муку, сушили и одновременно коптили, раскладывая на сетках от железных кроватей, под сетками разводился тлеющий и дымящийся костер (ПМА, 2022).

Дымокуры также устраиваются внутри и вокруг сараев, в которых летом селькупы содержат своих оленей. Олений дымокур представляет собой огороженный жердями тлеющий

костер, топливом для которого служат толстые неколотые (сырые) дрова и положенный на них мокрый болотный мох. Испуская густой дым, дымокуры отгоняют от оленей кровососущих насекомых. В период работы дымокуров на стойбище постоянно должен находиться кто-то из хозяев, который будет следить за тем, чтобы они не гасли. Сегодня дымокуры все чаще стали делать из железных бочек из-под горючего. На дно бочки кладут угли, затем ее до верха забивают некрупными дровами-чурками и обязательно накрывают крышкой, такой дымокур будет дымить, пока не сгорят все дрова, его работы хватает на сутки. Среднетазовские селькупы лучшими дровами для дымокура называют «листвяк» – дрова из лиственницы, верхнетазовские отдают предпочтение сосне. Дымокур, спасающий человека от гнуса и комаров, селькупы делают из гнилушки – куска гнилого дерева (селькупы Верхней Тольки считают, что самый густой дым дает гнилая рябина). С появлением фумигаторов использование дымокуров из гнилушек уменьшилось, но не прекратилось.

С помощью дымокура у селькупов осуществляется одна из стадий обработки шкур, называемая дымлением. Для этого над небольшой ямкой в земле устанавливают сферическую конструкцию из согнутых ивовых прутьев и обкладывают ее высобленными кожами. Под шкурами в земляной ямке разводится небольшой костер; чтобы он давал густой дым, в качестве дров используют сырые поленья лиственницы. После обработки дымом кожа становится непромокаемой.

У каждого из прочих селькупских хозяйственных занятий, где участвуют дрова и костер, имеется своя технология и свой режим горения дров. Рыбий клей варят на костре очень долго, для вываривания берестяных тисок на летний чум нужен котел и костер большого размера; при изготовлении *анды* – лодки-долбенки залитую водой заготовку устанавливают на козлах над костром и пропаривают, поворачивая и медленно расширяя с помощью распорок (Хомич, Ириков, Аюпова, 2002: 99); заготовки полозьев для нарт загибают, распаривая над огнем предварительно вымоченную в воде переднюю часть (Хомич, Ириков, Аюпова, 2002: 55); при ковке железа огонь в костре раздувают с помощью глиняного «горно» и кузнечных мехов из оленьей кожи, а форму раскаленному изделию придают на обухе топора ударами молотка (Островских, 1931: 176); определенные дрова и огонь необходимы, чтобы получить белую золу для стирки и мытья рук, и т. д.

Огонь в селькупском мировоззрении имеет хорошо разработанную мифологическую персонификацию (Степанова, 2008), что определяет важность роли, которую он играл в жизни селькупов. Дрова представлялись пищей огня и тоже почитались: запрещалось бросать дрова в местах, где люди могут через них перешагивать и этим их осквернять (Прокофьева, 1977: 67). При заготовке дров лесу приносили жертву: «Ты хоть пошел в лес дрова рубить, ты лесу отдаешь – тряпочку завяжешь, часть себя. Ты это, отрубил, хоп, себя оставил – обмен такой» (ПМА, 2022).

Заключение

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Дрова – традиционный вид топлива селькупов и одна из основ селькупской жизнедеятельности. Адаптируясь к природно-климатическим условиям Арктики, социально-экономическим изменениям и техническим новшествам, которые приходили к ним с течением времени, селькупы выработали ряд стратегий для своего топливного обеспечения. Эти стратегии несколько различались у туруханских/среднетазовских селькупов, населяющих зону лесотундры, и селькупов Верхнего Таза, проживающих в зоне тайги: в области Верхнего Турухана и Среднего Таза процесс добычи топлива нередко был более трудоемким, он мог, например, усложняться поездками на дровяные делянки за озеро или заготовкой карликовых берез вместо качественных дров из крупных деревьев. Верхнетазовские селькупы подобных трудностей не испытывали.

При традиционном кочевом образе жизни селькупы не делали больших запасов дров ни зимой, ни летом, дрова заготавливались на непродолжительный период использования. Селькупские промысловые стоянки и ночевки при передвижениях устраивались там, где имелись дрова. Когда селькупы находились в дороге, они везли с собой небольшой запас сухих дров, чтобы, остановившись на ночь, можно было сразу, до того как будет подготовлено найденное на месте топливо, развести костер, вскипятить чайник, согреть воздух в чуме и занести в него детей. Маршрут поездок прокладывался по принципу «от чума к чуму», то есть передвижение происходило от жилища к жилищу, где горели дрова и можно было согреться. Заготовкой дров традиционно занимались мужчины, женщины разжигали костер, поддерживали его и готовили на нем еду.

С переходом селькупов к более оседлому образу жизни, связанным с появлением поселков и строительством в кочевых хозяйствах домов русского типа, селькупские стратегии заготовки дров изменились, но вместе с тем сохранили многие старые черты. Теперь все селькупы создают большой запас дров на зиму. Однако, если он оказывается недостаточным, они, как встарь, активируют возможность его немедленного пополнения. Летом селькупы запасают дрова по-прежнему на короткий период использования. Большинство верхнетазовских селькупов, имеющих статус кочевых, как и раньше, добывает топливо в непосредственной близости от хозяйств.

Традиционные стратегии заготовки дров сильнее изменились в селькупских поселках, где принцип создания большого дровяного резерва внедрялся с момента их основания. В каждом из поселков сложились свои практики запаса топлива. В процессе заготовки дров в поселках у селькупов возникают новые социальные отношения, в частности с государством, помогающим им в лице национальных общин, служб жилищно-коммунального хозяйства и других организаций, ответственных за поддержку коренных малочисленных народов Севера (Степанова, 2018).

Особенно крупные перемены произошли в технической части селькупских топливно-заготовительных стратегий. Топоры и двуручные пилы, которыми прежде рубили и пилили дровяной лес, были заменены бензопилами. Дрова к жилищу раньше подвозили только оленьим транспортом, теперь доставка стала осуществляться преимущественно на снегоходах, мотоциклах, у туруханских и среднетазовских селькупов – на моторных лодках. Там, где есть государственная поддержка, дрова перевозятся на грузовых машинах, каракатах с заводскими прицепами и прочей дорогой технике. Вошедшие в жизнь селькупов технические средства значительно облегчили селькупский быт. Для подвоза дров на маленькие расстояния селькупы стали массово изготавливать самодельные санки и тележки «на ручной тяге».

Селькупы различают дрова по породам деревьев, от которых зависит качество горения. Основные селькупские устройства для сжигания дров – костер, железная печка-буржуйка и дымокур. Дрова у селькупов служат не только для обогрева жилища и приготовления пищи, они участвуют во множестве хозяйственных процедур, в каждой из которых применяется своя технология и свой режим горения топлива.

Список сокращений:

ПМА – полевые материалы автора из экспедиционных поездок к селькупам Красноселькупского и Пуровского районов Ямало-Ненецкого автономного округа и Туруханского района Красноярского края 2012, 2013, 2014, 2015, 2021, 2022 гг.

Литература:

Доннер К. У самоедов Сибири. Томск: Ветер, 2008. 175 с.

Островских П. Е. Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. № 7–8. С. 161–181.

- Прокофьева Е. Д.** Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сб. МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 66–79.
- Степанова О. Б.** Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник угроведения. 2018. № 2. С. 365–374.
- Степанова О. Б.** «Огненная» ипостась матери-прародительницы селькупов // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XV. Томск, 2008. С. 218–226.
- Тазовские селькупы.** Очерки традиционной культуры / Л. В. Хомич, С. И. Ириков, Г. Е. Аюпова. СПб.: Филиал издательства «Просвещение», 2002. 149 с.

Степанова Ольга Борисовна.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: stepanova67@mail.ru

Материал поступил в редакцию 21 августа 2023 г.

O. B. Stepanova

HARVESTING STRATEGIES AND METHODS FOR THE USE OF FIREWOOD AMONG THE NORTHERN SELKUPS

This article examines the harvesting strategies and methods of firewood utilization developed by the low-population indigenous peoples of the Arctic – the Northern Selkups – as they adapted to local climatic conditions and the socio-economic and technological changes that time brought to their lives. The Selkups' traditional life support system did not involve the procurement of large quantities of firewood each season; firewood was stored for a short period of time. Selkups' fishing camps were built where firewood was available. The Selkups of the Middle Taz who lived in the forest-tundra, unlike their relatives of the Upper Taz who lived in the taiga zone, often had a shortage of quality fuel and had to make greater efforts to procure firewood. The strategy of regularly replenishing the small supply of firewood obtained near the house is still used by the Selkups, who run a traditional economy, during the summer. However, the strategies for obtaining firewood in winter have changed among all northern Selkups: From the Russians, Selkups adopted the principle of amassing a large winter supply of firewood. In the procurement of firewood, the Selkups developed new relationships with the state, which supported them in the form of social organizations. There were major changes for all Selkups in the technical part of fuel procurement strategies: chainsaws, which are now used to prepare firewood, and snowmobiles, motorcycles, motorboats, trucks, caracats (ATVs) on which they are delivered, entered everyday life. Among the Selkups, firewood is not only used for heating and cooking. It is involved in a variety of economic activities, each of which uses its own technology and method of combustion.

Keywords: *Northern Selkups, fuel procurement strategies, firewood, heating, cooking, traditions, innovations*

References:

- Donner K.** U samoyedov Sibiri [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk, Veter. 2008. 175 p. (in Russian).
- Ostrovskykh P. E.** Baishenskiye ostyaki (ostyako-samoyedy) Turukhanskogo kraya v kontse XIX v. [Baishen Ostyaks (Ostyak-Samoyeds) of the Turukhansk region at the end of the XIX century]. Sovetskiy Sever – Soviet North, 1931. No. 7-8. P. 161–181 (in Russian).
- Prokofieva E. D.** Nekotoryye religioznyye kul'ty tazovskikh sel'kupov [Some religious cults of the Taz Selkup]. Sbornik MAE. T. 33 [MAE collection. Vol. 33]. Leningrad, Nauka. 1977. P. 66–79 (in Russian).
- Stepanova O. B.** “Ognennaya” ipostas' materi-praroditel'nitsy sel'kupov [“Fiery” hypostasis of the mother-ancestor of the Selkup]. Trudy Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya [Works of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 15. Tomsk, 2008. P. 218–226 (in Russian).
- Stepanova O. B.** Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom rayone YANAO [Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District] // Vestnik ugrovedeniya., 2018. No. 2. P. 365–374 (in Russian).

Khomich L. V., Irikov S. I., Ayupova G. Ye. Tazovskiye sel'kupy [Taz Selkups]. Sankt-Petersburg, Filial izdatel'stva "Prosveshcheniye", 2002. 149 p. (in Russian).

Olga B. Stepanova

Ph.D. in History, Senior Researcher.

Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera) RAS.

Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: stepanova67@mail.ru

Н. А. Хуббитдинова, Л. И. Шарафитдинова

ПАМЯТЬ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: УФА КАК СУБКУЛЬТУРНЫЙ ЛОКУС РЕГИОНАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА¹

Изучение фольклора постепенно выходит за рамки традиционных границ своего существования. Известно, что фольклор в целом, и региональный в частности, определялся наличием, распространением в сельской местности, в районах республик или областей. Именно в деревне устное народное творчество в целом зарождалось, развивалось, сохранялось, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение. Однако образовавшаяся в деревнях субкультура – культура башкирского народа, в частности в период активной урбанизации, перемещается его носителями в городскую среду. *Актуальность* исследования состоит в том, что сделана попытка выявления, изучения городского башкирского фольклора в его своеобразном постфольклорном проявлении и локусном преломлении, когда вчерашние сельчане, прожив в городе более 40–50 лет, сохранили в памяти именно те фольклорные традиции, которые они впитали с молоком матери на малой родине – в деревнях районов республики. Для этого летом 2022 г. рабочим коллективом Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы была осуществлена фольклорная экспедиция в г. Уфе. По примеру столицы республики можно было бы изучить фольклор и других крупных городов региона. *Целью* исследования стало выявление самобытного башкирского фольклора, сохранившегося в городской среде. Для достижения поставленной цели решались такие *задачи*, как изучение, анализ собранного во время экспедиции материала, рассмотрение степени его сохранности в памяти информантов, их отличие от аутентичных образцов и их своеобразных видоизменений в современных условиях. Применялись аналитический, текстологический, описательный *методы исследования*. Результатами исследования стала письменная фиксация образцов фольклора, раскрытие особенностей бытования народных песен, такмаков. В заключение делается вывод о том, что локусные образцы устного народного творчества устойчиво сохраняются в памяти людей, переехавших из деревни в город, в своей культурной памяти они обращаются к народным протяжным песням, такмакам, легендам и др., связанным с традициями своей малой родины.

Ключевые слова: фольклор, постфольклор, урбанистские процессы, локус, субкультура, народ, башкирский фольклор, городской культурный ландшафт, песня, такмаки, информанты

Введение

Сегодня, как отмечает Л. Е. Беженару, «представители разных наук (истории, философии, культурологии, социологии, географии, этнографии, литературоведения и др.) обращаются к изучению локальных явлений культуры (городских, региональных, национальных)» (Беженару, 2019: 978). Данный интерес особенно усиливается при рассмотрении вопросов идентичности народов, регионов. «Уже более двадцати лет проблема региональной идентичности привлекает внимание российских исследователей. Она приобрела актуальность в постсоветский период, когда субъекты РФ начали заявлять о своей относительной самостоятельности от центра и конструировать новые солидарности. Иные ракурсы открылись в последние годы в связи с ростом взаимной конкуренции регионов страны» (Макарова, 2017: 85). В области фольклористики региональный аспект в его локусном понимании становится актуальным направлением.

Как писал Б. Н. Путилов, «Фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна. Ее естественная, нормальная жизнь повязана с жизнью определенного, ограниченного теми или иными рамками коллектива, включена в его деятельность, необходима ему и регулируется характерными для него социально-бытовыми нормами» (Путилов, 1994). По словам В. А. Лапина, фольклор каждого этноса следует рассматривать как «систему локальных традиций» (Музыкально-песенный фольклор, 1987: 56).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке конкурса НИР по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров № 65/Н – 2022 г.

Фольклор в художественной системе того или иного народа, края, региона – это не только сказки, песни и обряды, обычаи; «это народное мировоззрение... народный настрой души, народный язык, народный юмор, т. е. совокупность эстетических и этических идеалов народа, находящихся образное воплощение в различных формах народного творчества» (Лазарев, 1984: 16; Хуббитдинова, 2016: 21).

Сегодня «систему локальных традиций» можно обнаружить не только в сельской местности того или иного региона Республики Башкортостан, где коренным населением являются башкиры, но и в городской среде. Известно, что сегодня актуализируется изучение городского фольклора.

Как пишет И. Б. Орлов со ссылкой на С. Ю. Неклюдова, «постфольклор представляет собой область словесности, тексты которой развиваются по фольклорным схемам, но не подходят под формальные критерии фольклора (например, граффити, девичьи альбомы и так называемый сетевой фольклор). Как „третья культура“ постфольклор дистанцирован и от элитарной, и от патриархальной культуры, включая в себя массовую культуру, низовой фольклор и „наивную“ литературу, создаваемую непрофессиональными авторами» (Неклюдов, 1995: 3; Орлова, 2015: 215).

Для нас в исследованиях С. Ю. Неклюдова интерес также представляет его мысль о сосуществовании сельского фольклора с городским. Так, он со ссылкой на работы советских исследователей пишет, «что народная городская культура (включая устную словесность) веками сохраняла верность сельским традициям; даже при ее постепенном расслоении деревенский фольклор продолжал существовать в городских слободах; более того, до сравнительно недавнего времени он еще встречался внутри современного мегаполиса в сельских по своему происхождению анклавах» (Анохина, Шмелева, 1977: 268; Белоусов, 1987, 6–9; Неклюдов, 1995).

Фольклор горожан как часть культуры города, его антропологии является связующим звеном с меньшими населенными пунктами – селом, деревней. Потому что именно выходцы из деревни, переехав в город, сохраняют традиционную культуру своего этноса, хранят ее в памяти, являются ее носителями. «Урбанизация же... это не просто процесс, посредством которого люди стягиваются в город, встраиваясь в его стиль жизни. Она понимается как формирование специфического городского образа жизни и превращение этого образа жизни в некий культурный образец, который начинает усваиваться и горожанами, и населением, проживающим за пределами городской черты» (Шабаетов, Садохин, Лабунова, Сазонова, 2018: 253). Тем самым сохраняется этническое лицо города, башкирской столицы Уфы в данном случае.

Результаты и обсуждение

Урбанистический характер фольклора более всего связан с оттоком населения из сельской местности в городскую среду. Благодаря этому к чисто городским жанрам (городскому романсу, анекдотам, городским легендам и преданиям, страшилкам и ужастикам) добавляются и те фольклорные произведения, которые помнят вчерашние сельские жители. Проживая в городе более 50 лет, они хранят в памяти жанры фольклора, услышанные ими в детстве в селе.

Экспедиция в г. Уфе была организована и проведена в июне 2022 г. силами сотрудников Научно-исследовательского центра башкирского фольклора Башкирского государственного педагогического университета (БГПУ) им. М. Акмуллы в рамках реализации проекта «Духовные сокровища моего города: сохранение и популяризация культурной памяти народа», выполняемого при финансовой поддержке конкурса НИР по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров № 65/Н – 2022 г. в БГПУ. Всего было записано более 30 образцов от 10 информантов (работа по сбору фольклора перманентно продолжается и в настоящее время. – Н. Х., Л. Ш.).

Известный из области биологии термин «локус» впервые был использован в филологической науке Ю. М. Лотманом, который в своих исследованиях высказал идею о привязанно-

сти героев художественных произведений к одной местности (Лотман Ю. М. и тартуско-московская, 1994: 332; Прокофьев, 2005: 87). В нашем случае данный термин позволяет обозначить духовную привязанность опрошенных информантов к одной местности – к своей малой родине, где они выросли в окружении традиционной этнической (башкирской) культуры, к сельской местности. Переехав в городскую среду, они, представители разных профессий, эту связь сохранили. В результате не были утрачены навыки в песенном творчестве, сказывании сказок, эпоса – кубайра, их исполнения и т. д. Полевые работы, проводимые в Уфе, свидетельствуют о том, что культурная память респондентов устойчива, они помнят песни, такмаки (аналог русских частушек), обряды и обычаи народа и т. д., через которые они ощущают свою связь с деревней, что раскрывает фольклорный локус. В произведениях устного творчества указывается на наличие гор и рек, лесов, озер и другого пространства, которое окружало ту местность, где информанты родились.

Следует оговориться, что собранный фольклорный материал, возможно, не отвечает требованиям городского фольклора в прямом его значении. Другими словами, он не всегда подпадает под определение постфольклора, введенного известным ученым С. Ю. Неклюдовым. Зафиксированный материал больше носит характер фольклоризмов, однако они ценны как памятники устного народного творчества, несмотря на то что информанты переехали в город. «Вообще культурный симбиоз города и деревни имеет многовековую историю. Облик „классического“ фольклора сложился в тесном взаимодействии с городской культурой, с идущей из города книжностью. Невозможно „вычистить“ урбанистическую топику из русских сказок, былин, исторических песен и других фольклорных жанров или убрать „книжное влияние“ из духовного стиха, легенды, да и той же сказки. После А. Н. Пыпина и А. Н. Веселовского стало очевидно, что циркуляция литературного материала между устной и письменной традициями есть естественный и постоянный процесс» (Фольклор как форма: 26). Подобный «культурный симбиоз» можно наблюдать и в нашем случае. Многие информанты хоть и исполняли запомнившиеся из деревенского детства фольклорные произведения (песни, такмаки – частушки), что-то черпали из книжного, тетрадно-альбомного материала. Известно, что в молодости многие заводили дневники или альбомы, в которые друзья, родственники могли записывать на память свои пожелания в форме стиха, такмаки, легенды и предания. Зачастую подобный подручный материал переходил из рук в руки, переписывался и заучивался, переходя уже из уст в уста, становясь устным достоянием традиционной культуры. Таким образом, сохранялся фольклорный материал. Исследователи в свою очередь занимаются аудио- и видеофиксацией исполнительского мастерства носителей фольклора, башкирского в данном случае.

Под постфольклором С. Ю. Неклюдов понимает «культурно-семиотическое пространство городской улицы, школы, училища, вуза, лагеря, тюрьмы, казармы, больницы, домашнего и семейного быта с их текстами и реликвиями, праздниками и застольями, обычаями и церемониалами (кстати, далеко не всегда все это подпадает под привычные понятия „фольклора“ и „этнографии“)). Впоследствии возникают «закрытые» традиции, «которые порождены потребностью в самоидентификации членов сообществ, стремящихся к культурной изоляции; это приводит к возникновению специфических культурных кодов и текстов, бытующих внутри подобных сообществ. Таковы некоторые профессиональные и любительские объединения, уголовные кланы, неформальные группы молодежи и т. д.» (Фольклор как форма: 4). В наших экспедиционных исследованиях авторы статьи попытались охватить информантов, переехавших в город и проживавших в нем более 40–50 лет, возраст которых составлял от 60 лет и старше. В основном это пожилые люди, много лет проработавшие на городских предприятиях и учреждениях. С антропологической точки зрения, как пишет Г. В. Горнова, «Сельский образ жизни подразумевает тождество хозяйства и семьи, в одиночку невозможно содержать крестьянское дворохозяйство. Городской образ жизни не предполагает тождества хозяйства и семьи, поэтому в городе больше одиноких людей» (Горнова, 2010: 35). Однако люди, переехав

из деревни в город, не остаются «одинокими». Сегодня они, будучи на пенсии, объединяются в коллективы по интересам, этнические сообщества, в свободное время посещают различные фольклорные ансамбли и этнографические коллективы по реконструкции башкирского национального костюма и украшений – «профессиональные и любительские объединения», где, как отмечает С. Ю. Неклюдов, закладываются те самые способствующие «самоидентификации» членов «культурные коды» (Фольклор как форма: 4).

Исследователи башкирского фольклора в условиях города не ставили цели собрать большой объем материала, однако те немногие образцы, которые были записаны, позволили сделать предварительные выводы. В ходе работы с информантами были зафиксированы такмаки, детские игры, песни, пословицы и поговорки. Надо отметить, что респонденты, приводя в своем исполнении общеизвестный фольклорный материал, все же вносили какие-то новшества, заключающиеся в локусной привязке к традициям своей малой родины.

Стало, в частности, очевидным то, что каждый информант проявлял умение и мастерство в искусном исполнении или передаче произведений какого-то определенного жанра башкирского народного устного творчества. Так, прожившая в г. Уфе более 50 лет А. Х. Кусимова-Исхакова (1938 г.р.), больше делилась обычаями своей деревни из далекого детства, отличилась исполнением такмаков, которые сохранились в ее памяти. Однако более всего ее в городе знают как мастерицу, положившую начало традиции по реконструкции национального костюма и женских украшений – нагрудников-сэлтэр, головных уборов – кашмау, накосников и пр., изготавливаемых из ткани и серебряных монет, камней. Она посещает вместе со своими единомышленниками фольклорно-этнографическую студию «Сэлтэр» при Республиканском центре народного творчества Министерства культуры Республики Башкортостан. От А. Х. Кусимовой-Исхаковой удалось также записать детскую игру «Три угла» («Өс мөйөш»): «...встают по трем углам, тот, кому не достался угол, стоит посередине (после считалочки он остался без угла. – Н. Х., Л. Ш.), когда начинают перебегать из угла в угол, он пытается занять освободившееся на миг место, надо быть находчивым, чтобы не остаться без угла. Ее мы играли по-разному. Подходит перед ним (играющим лицом. – Н. Х., Л. Ш.) и бросает какой-нибудь предмет (платок или какую-то личную вещь. – Н. Х., Л. Ш.), тот другой должен побежать...» («...өс мөйөшкә баһалар за, мөйөштөз калған берәү арала тора (һәбәкләшкәндән һуң калған инде. – Н. Х., Л. Ш.), шунан мөйөштән-мөйөшкә йүгергәнда, шул артыҡ калғаны урынын

А. Х. Кусимова-Исхакова

алырға тырыша инде, сос булып мөйөшһөз калмаҫка тырышаң. Уны төрлөсә уйнай инек. Алдына килеп баҫа ла берәй нәмә ташлап китә. Тегенеһе тороп артынан йүгерә») (2).

От А. Х. Кусимовой-Исхаковой также был записан такмак:

Арғы яктан берәү килә, йәшел таяк таянып.
Һак! Һак! Һак! Һак!
Килә торғас, бейеп китте, бөйөрөнә таянып.
Килә торғас, бейеп китте, бөйөрөнә таянып.

Алай итербез әле, былай итербез әле!
Һак! Һак! Һак! Һак!
Киләсәктә Совет илен курсак итербез әле!
Киләсәктә Совет илен курсак итербез әле!..

Опершись на зеленую палку, кто-то идет
с той стороны.

Хак! Хак! Хак! Хак!

Шел он шел да в пляс пустился,
Опершись на бока.

И так мы сделаем дела, и сяк мы
сделаем дела!

Хак! Хак! Хак! Хак!

В будущем Страну Советов словно куклу
мы украсим!

В будущем Страну Советов словно куклу
мы украсим!..²

Данный такмак в той или другой форме часто встречается в Абзелиловском районе и, конечно же, давно распространился в народе далеко за его пределами. Здесь мы не видим ни географических наименований, говорящих о пространственном составе данного такмака. Однако исполнение его на юго-восточном диалекте зауральских башкир дает представление о малой родине исполнительницы.

Относительно местечкового, пространственного, локусного проявления фольклорного произведения более всего близки материалы, записанные у информанта А. Ш. Вахитовой (1959 г.р.). Она искусный исполнитель башкирских народных протяжных песен. Вот уже многие годы она активно посещает фольклорный ансамбль в Городском доме культуры «Уфимские воспоминания». А. Ш. Вахитова часто выступает на концертах как у себя на малой родине, так и в Уфе. Исполняет песни, которые она запомнила с детства от матери, и те, что усвоила позже. Такими являются башкирские народные песни «Шаура сноха» («Шәүрә килән») и «Гора Санай-сары» («Һанай һары тауы»).

А. Ш. Вахитова

² Подстрочный перевод наш. – Н. Х., Л. Ш.

В этом оношении большой интерес представляет народная песня «Гора Санай-сары», которую А. Ш. Вахитова разучила самостоятельно. Эта гора расположена на юго-западе республики, на малой родине информанта. Песня примечательна тем, что в нее исполнительницей внесены изменения, и она считает это важным для себя моментом. Так, во второй строчке первого куплета обычно поется «...Виднеется родная сторона», а у информанта: «...Виднеется деревня моя Ташлы», указывая на конкретное наименование деревни, которая является малой родиной исполнительницы. Этим она как бы конкретизирует географическое расположение самой священной горы, привязав ее к своей родине. В своих воспоминаниях А. Ш. Вахитова с умилением и нежностью вспоминает природную красоту горы Санай-сары, у подножия которой и расположена ее родная деревня Ташлы, в чем проявляется локусная составляющая варианта этой народной песни.

Һанай һары таузың, һай, башынан
Күренеп кенә ята, ай, ауылым Ташлы.
Тыуған ерен һаклап башын һалған,
Башын һалған икән, ай, күп ирзәр,
Башын һалған икән, ай, күп ирзәр.

Ташлы ауылы күрке, ай, изге тау!
Быуаттарға калһын, ай, данкайы,
Быуаттарға калһын, ай, данкайы.
Быуаттарға калыр, ай, данкайы!

С вершины горы Санай-сары,
Виднеется деревня моя Ташлы.
Сложили головы многие мужчины,
Что стояли на страже родины своей.
Сложили головы, ай, многие мужчины,
Сложили головы, ай, многие мужчины.

Красота деревни Ташлы, ай, священная гора!
Пусть навека останется, ай, слава твоя,
Пусть навека останется, ай, слава твоя,
Навека останется, ай, слава твоя!³(1)

Лирическая песня «Шаура-сноха» в ее исполнении почти ничем не отличается от варианта песни, вошедшего в том «Песни» из серии академического издания «Башкирское народное творчество» (БНТ, 1995), кроме последнего куплета.

...Билге лә генә куйзым, ай, биләнгә,
Шәүрә килен киләм дә генә тигәнгә.
Кәнәфер зә сәйнәп бөрктәм базыян,
Шәүрә килен дә кейгән еләнгә.

Шәүрә килен кейгән дә, ай, еләндең
Итәк-оскойзары ла мунсаклы.
Айзы ла ғына көнгә тиңләмәйем
Һылыулығың, Шәүрәкәй, шул саклы.

Һауала ғына оскан, ай, асыл кош
Ыласын ғына тиһәм дә, биле ала.
Эскенәйем тулып, ай, ут яна
Һүнһен генә тиһәм, бүтән ни кала.

...Я затес оставлю, ай, на лесинке:
О свиданье скажет мне кора.
Я зиян обрызгаю анисом –
Тот, что надевает Шаура-килен.

А, что на плечах, ай, невестки,
До земли полами достает.
Лишь луне с ней не сравнится,
Красота твоя, Шаура, такова (БНТ, 1995: 254).

Прекрасна птица, ай, что на небе,
Думал – сокол, но в талии пестра.
Внутри полно, ай, горит огонь,
Затух бы уже, что остается еще мне сказать⁴. (1)

Другими словами, А. Ш. Вахитова является носителем иного варианта народной песни, что является традиционным явлением в фольклоре и говорит о его живом бытовании и видоизменяемости.

³ Подстрочный перевод наш. – Н. Х., Л. Ш.

⁴ Куплет по варианту А. Ш. Вахитовой.

Башкирский фольклор, как и фольклор любого народа, богат на пословицы и поговорки, которые хранят в себе мировоззрение народа, его морально-этические принципы, острый ум, мудрость, находчивость. Репертуар А. И. Юмагуловой (1949 г.р.) оказался богат народными афоризмами и меткими словами.

Ағай-эне менән аш татлы.
Алйот юлдаш булмас, ят моңдаш булмас.
Ата-инәһен һөймәгән кыз яман,
кан-кәрзәшен һөймәгән ул яман.
Туғандарың – кул менән аяғың
Яуызға юлдаш булмағыз
Кәңәшһез эш кылмағыз...
Олоно оло итегез,
Кәңәш алып йөрөгөз.
Кесене кесе итегез,
Кәңәш биреп йөрөгөз.
Бағалкы булһаң, бағырзар,
Уғал булһаң, ағырзар,
Сама белһаң, ил ағһы яһарзар.

Пища с родными сладкая.
Дурак не будет спутником, чужой не будет
сострадалцем.
Плохая дочь, что не любит родителей,
плохой сын, что не любит родню.
Не будьте спутником зла,
Без совета не вершите дела...
Чтите старшего по годам,
Не пренебрегайте советами его;
Младшего чтите за молодость его,
Давайте советы ему.
Будешь скромным, задавят,
Злобным будешь, повесят.
Будешь знать меру –
Сделают авторитетом страны. (3)

Стих «Чтите старшего по годам, Не пренебрегайте советами его...» («Олоно оло итегез, Кәңәш алып йөрөгөз...») вызывает прямую реминисценцию на древний башкирский народный эпос «Урал-батыр» (БНЭ, 1977: 365). Потому что в основе эпоса – кубира лежат дидактические, морально-этические принципы народа, и слова, выражения, взятые из памятника, сегодня служат неким аманатом – заветом эпического героя. Отсылка на эпос, географические наименования, реки и озера, расположенные на территории современной Республики Башкортостан, в данном случае репрезентируется как субкультурный локус региона – родины информанта. По ее мнению, эпос «„Урал-батыр“ – это выдающееся произведение с глубоким философским смыслом, с размышлениями о жизни и смерти. В эпосе природа и человечество – это вечность, однако люди и живой мир уходят и приходят на эту землю. В него заложена идея о том, что человеческая жизнь – это мгновение, моргнуть не успеешь, но человек стоит выше и сильнее других...» («„Урал батыр“ эпосы – йәшәү һәм үлем тураһындағы тәрән фәлсәфәүи бөйөк әсәр ул. Эпоста тәбиғәт һәм кешелек донъяһы ул – мәңгелек, әммә кешеләр, шулай ук тереклек эйәһе быуын-быуын килеп-китеп тора. Кеше ғүмере – мәңгелектәге күз асып йомған ара ғына, шулай за кеше донъялағы бар нәмәнән дә көслө һәм өстөн тора тигән фекер һалынға...») (3). Знания об эпосе «Урал-батыр» заложены в душе любого башкира, который является носителем традиционной культуры. В данном случае информант А. И. Юмагулова как раз показала свою привязанность к локальному фольклорному ландшафту, истоки которого берет на малой родине.

Результатами исследования стали материалы – песни, такмаки, детские народные игры, пословицы и поговорки, собранные во время фольклорной экспедиции по г. Уфе, которые представляют собой фольклор, носителями которого являются башкиры, переехавшие в городскую среду 40–50 и более лет тому назад. Несмотря на то что их сознательная жизнь прошла в городе, они сохранили свою субкультурную традицию. Более того, они вносили свои уточнения, конкретизирующие их привязанность к традициям своей деревни, как это было в случае с народными песнями «Шаура-сноха», «Гора Санай-Сары» в исполнении А. Х. Вахитовой. Обе песни активно бытуют в исполнении как профессиональных, так и самодеятельных певцов, включены в том «Песни» многотомного академического свода «Башкирское народное творчество». Однако информантом внесены некоторые изменения: поэтизированная в песне географическая местность конкретизируется упоминанием ее родной деревни. В этом состоит

локусная содержательность данной песни. Или некоторые пословицы и поговорки, услышанные от А. И. Юмагуловой, извлечены из народного эпоса «Урал-батыр» и живут в ее исполнительском репертуаре как самостоятельный жанр. Это в какой-то степени служит сохранению эпоса, его популяризации, а вычлененные из него пословицы и поговорки обогащают народную паремию.

Таким образом, можно констатировать, что зафиксированный материал, хранящийся в культурной памяти информантов, локусный фольклор восходит к традициям, рожденным на их малой родине, в деревнях и селах. Первоначальный анализ этого материала, произведенный в данной статье, говорит также не только о достоверной сохранности этих фольклорных традиций, но и о порождении своего варианта, немного отличающегося от общеизвестных материалов. Это и не удивительно, так как фольклор – живой организм, который меняется и развивается.

Заключение

Таким образом, собранный по крупицам в г. Уфе фольклорный материал позволяет говорить о том, что вчерашний сельчанин, став горожанином, не утратил навыков по сохранению и исполнению образцов устного народного творчества. Оказавшись в городе, представители этнического большинства – башкиры – в целях сохранения и развития историко-культурных ценностей становятся участниками фольклорных центров и объединений, они не утратили своих корней, этнического менталитета, культурных, традиционных ценностей. Как показали полевые наблюдения, наличие фольклорного материала говорит о том, что пришло время изучать традиционную культуру этноса за пределами села, деревни, когда многие сельчане, переехав в город, стали горожанами. Несмотря на то что бывшие сельчане прожили в городе более 40–50 лет, они сохранили в памяти локусный фольклор, т. е. жанры устного народного творчества, услышанные ими в глубоком детстве на малой родине, в селе. Они являются хранителями не только регионального фольклора, но и той конкретной местности, того пространства, в котором они родились. Начатая работа по изучению фольклора горожан, жителей г. Уфы, на этом не завершается. Она является перспективной и будет продолжаться в других крупных городах Республики Башкортостан, что даст возможность составить полную картину локусного начала в региональной фольклористике, особенно относительно городского культурного ландшафта.

Информанты:

1. Вахитова А. Ш., 1959 г.р., родилась в д. Ташлы Альшеевского района РБ, проживает в г. Уфе, мать двоих детей, пенсионерка.
2. Кусимова-Исхакова А. Х., 1938 г.р., родилась в с. Аскарово Абзелиловского района РБ, мать двоих детей, проживает в г. Уфе, пенсионерка.
3. Юмагулова Ануза Ишдавлетовна, 1949 г.р., родилась в д. Манашты Белорецкого района РБ, проживает в г. Уфе с конца 1980-х гг.

Литература:

- Анохина Л. А.** Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: на примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М.: Наука, 1977. 359 с.
- Белоусов А. Ф.** Городской фольклор: лекция для студентов-заочников. Таллин: Б. и., 1987. 25 с.
- Башкирское народное творчество:** Песни. Уфа: Китап, 1995. Т. 8. 400 с. (в тексте БНТ) (на баш. яз.).
- Башкирский народный эпос:** Эпос народов СССР. М.: Наука, 1977. 519 с. (в тексте БНЭ).
- Беженару Л. Е.** Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопоэтики // Interdisciplinary Discussion Platform. 2019. № 3. С. 975–1026.

- Горнова Г. В.** Антропологические аспекты антиномии города и деревни // Вестник Омского университета. 2010. № 3. С. 34–36.
- Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа:** сборник работ. М.: Гнозис, 1994. 560 с.
- Прокофьев В. Ю.** Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 2005. № 11. С. 87–94.
- Лазарев А. И.** Региональные аспекты изучения фольклора и литературы // На материале Урала: межвузовский научный сборник. Уфа, Челябинск, 1984. С. 4–20.
- Макарова Г. И.** Взгляд на региональную идентичность: к проблеме социологического исследования // Oriental studies. 2017. № 1. С. 85–94.
- Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области** в записях 1970–1980 гг. Л., 1987. Вып. 1. 103 с.
- Неклюдов С. Ю.** Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia> (дата обращения: 17.11.2023).
- Неклюдов С. Ю.** После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
- Орлов И. Б.** «Словно мухи, тут и там...»: слухи как источник коммуникации в пространстве постфольклора // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. М.: Форум, 2015. С. 205–218.
- «Постфольклор»** – современный русский городской фольклор: беседа журналиста О. Балла с профессором С. Ю. Неклюдовым. URL: <http://madan.org.il/ru/news/postfolklor-sovremennyy-russkiy-gorodskoy-folklor> (дата обращения: 19.05.2023).
- Путилов Б. Н.** Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. URL: <https://nashaucheba.ru/v>. (дата обращения: 15.10.2022).
- Фольклор как форма культурной коммуникации:** онлайн-курсы. URL: [vk.com» wall-19159678_516](https://vk.com/wall-19159678_516). 80 с. (дата обращения: 25.01.2023).
- Хуббитдинова Н. А.** Фольклор в башкирской литературе: художественно-эстетический аспект (XIII – начало XX в.). Уфа: Гилем, 2016. 276 с.
- Шабеев Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.** Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 3 (145). Май – июнь. С. 248–267.

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна.

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской Революции, 3а, Уфа, 450077.

E-mail: narkas08@mail.ru

Шарафитдинова Лилия Ильшатовна.

Младший научный сотрудник.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской Революции, 3а, Уфа, 450077.

E-mail: sharafitdinova97@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12 июля 2023 г.

N. A. Khubbitdinova, L. I. Sharafitdinova

CULTURAL MEMORY IN URBAN SPACE: UFA AS A SUBCULTURAL LOCUS OF REGIONAL FOLKLORE

The study of folklore is gradually moving beyond the traditional boundaries of its existence. It is known that folklore in general and regional folklore in particular was determined by its presence, its spread in the countryside, in the regions of republics, or regions. Traditional folk art, traditional culture as a whole was born, developed, preserved, and passed on from mouth to mouth, from generation to generation in the village. However, the subculture created in the villages – the culture of the Bashkir people – is transferred by its bearers to the urban environment, especially in the period of active urban movement. The introduction of the study consists in the fact that an attempt was made to identify and study urban Bashkir folklore in its particular post-folkloric manifestation and locus refraction, when yesterday's villagers, who have lived in the city for more than 40–50 years, have preserved in their memory the very folkloric traditions that they have imbibed with their mother's milk in their small homeland – in the villages of the republic's regions. To this end, the working group of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla conducted a folklore expedition through the city of Ufa in the summer of 2022. The relevance of the study is increased by the prospects of the project when it becomes necessary to

include the folklore of other large cities of the region in this analysis. The aim of the study is to identify the original Bashkir folklore that has been preserved in the urban environment. To achieve this goal, tasks such as studying and analyzing the materials collected during the expedition were solved, taking into account the degree of their preservation in the memory of the informants, their distinctive features, and originality based on authentic examples. Analytical, textological, and descriptive studies were used as methods. As a result, the samples recorded during the expeditionary journey around Ufa were considered, and the peculiarities and features of the presence of folk songs, takmaks, were revealed. Conclusions. Thus, summing up, the article concludes that locus samples of oral folk art are constantly preserved in the memory of people who have experienced the process of urbanization. In their cultural memory, they draw on the lingering folk songs, takmaks, and legends associated with the traditions of their small homeland.

Keywords: *folklore, post-folklore, urban processes, locus, subculture, people, Bashkir folklore, urban cultural landscape, song, takmaks, informants*

References:

- Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo:** Pesni. Ufa: Kitap, 1995. Vol. 8. 400 p. (in Bashkir).
Bashkirskij narodnyj epos: Epos narodov SSSR. Moscow, Nauka. 1977. 519 p. (in Russian).
Bezhenaru L. E. Region kak subkul'turnyj lokus kul'turnoj regionalistiki i regional'noj geopoetiki [Region as a subcultural locus of cultural regionalism and regional geopoetics]. Interdisciplinary Discussion Platform. No. 3. 2019. P. 975–1026 (in Russian).
Gornova G. V. Antropologicheskie aspekty antinomii goroda i derevni [Anthropological aspects of the antinomy of the city and the countryside]. Bulletin of Omsk University. 2010. No. 3. P. 34–36 (in Russian).
Gramatchikova N. B. Postfol'klor i internetlor: ucheb.-metod. posobie [Post-folklore and Internet lore: study method. Allowance]. Yekaterinburg, Publishing House Ural. un-ta. 2017. 62 p. (in Russian).
Lotman Yu. M. i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola: sbornik rabot [Lotman Yu. M. and Tartu-Moscow semiotic school: collection of works]. Moscow, Gnosis, 1994. 560 p. (in Russian).
Prokof'ev V. Yu. Kategoriya prostranstva v hudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy [The Category of Space in Artistic Refraction: Loci and Topoi]. Bulletin of OSU. 2005. No. 11. P. 87–94 (in Russian).
Lazarev A. I. Regional'nye aspekty izucheniya fol'klora i literatury na materiale Urala: mezhvuzovskij nauchnyj sbornik [Regional aspects of the study of folklore and literature. Regional aspects of the study of folklore and literature on the material of the Urals: interuniversity scientific collection]. Ufa, Chelyabinsk, 1984. Pp. 4–20 (in Russian).
Makarova G. I. Vzgl'yad na regional'nuyu identichnost': k probleme sociologicheskogo issledovaniya [A look at regional identity: to the problem of sociological research]. Oriental studies, 2017, no. 1, pp. 85–94 (in Russian).
Muzykal'no-pesennyj fol'klor Leningradskoj oblasti v zapisyah 1970–1980 gg. [Musical and song folklore of the Leningrad region in the records of 1970–1980]. L., 1987. No. 1. 103 p. (in Russian).
“Postfol'klor” – sovremennyy russkiy gorodskoy fol'klor: beseda zhurnalista O. Balla s professorom S. Yu. Neklyudovym [“Post-folklore” – modern Russian urban folklore: interview of journalist O. Balla with professor S. Yu. Neklyudov] [Electronic resource]. URL: <http://madan.org.il/ru/news/postfolklor-sovremennyy-russkiy-gorodskoy-folklor> (accessed 19.05.2023) (in Russian).
Putilov B. N. Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and folk culture]. SPb., Nauka, 1994 [Electronic resource]. URL: <https://nashaucheba.ru/v/>. (accessed 15.10.2022) (in Russian).
Rider k kursu “Fol'klor kak forma kul'turnoj kommunikacii”: onlajn kursy [Reader for the course “Folklore as a form of cultural communication”: online course]. URL: vk.com/wall-19159678_516. (accessed 25.01.2023) (in Russian).
Hubbitdinova N. A. Fol'klor v bashkirskoj literature: hudozhestvenno-esteticheskij aspekt (XIII – nachalo XX v.) [Folklore in Bashkir literature: artistic and aesthetic aspect (XIII – early XX century)]. Ufa, Guilem, 2016. 276 p. (in Russian).
Shabaev Yu. P., Sadokhin A. P., Labunova O. V., Sazonova N. N. Anthropological understanding of the city and the methodology of urban study. Monitoring of public opinion. 2018. No. 3 (145). P. 248–267 (in Russian).

Khubbitdinova Narkas Akhmetovna.

Doctor of Philology, Chief Research Associate.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

Oktyabrskoy Revolyutsii str., 3a, Ufa, Russia, 450077.

E-mail: narkas08@mail.ru

Sharafitdinova Lilia Il'shatovna.

Junior researchers.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

Oktyabrskoy Revolyutsii str., 3a, Ufa, Russia, 450077.

E-mail: sharafitdinova97@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ

- Белова Д. Д. *Техник.
Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. М. В. Ломоносова.
Ул. Колмогорова, 1с4, Москва, 119234.
Младший научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009.
E-mail: dd.belova@yandex.ru*
- Богайчук Е. А. *Магистрант.
Алтайский государственный университет.
Пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049.
E-mail: helenn.00@mail.ru*
- Бычков Д. А. *Младший научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.
Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.
E-mail: bda.nsk@yandex.ru*
- Власова В. В. *Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
ФБГУН Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН».
Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982.
E-mail: vv505@hotmail.com*
- Готовцева Л. М. *Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, 1, Якутск, 677027.
E-mail: Lingot@rambler.ru*
- Идимешев А. А. *Старший преподаватель.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: asap.i@mail.ru*
- Ким-Малони А. А. *Доктор филологических наук, доцент, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: kim@tspu.edu.ru*
- Ким А. А. *Кандидат исторических наук, доцент кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: kima@inbox.ru*
- Матвеева Е. М. *Кандидат филологических наук, доцент.
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
Ул. Сибирская, 24, Пермь, 614990.
E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com*
- Николаева Т. Н. *Кандидат филологических наук, доцент.
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.
Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.
E-mail: tnikolaeva184@mail.ru*
- Орлов В. А. *Младший научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009.
E-mail: vladorlov@iling-ran.ru*
- Прокопьева А. К. *Кандидат филологических наук, доцент.
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.
Ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677000.
E-mail: alonachoo@mail.ru*

- Прокопьева С. М.* Доктор филологических наук, профессор.
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.
Ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677000.
E-mail: dsmpiana@mail.ru
- Степанова О. Б.* Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034.
E-mail: stepanova67@mail.ru
- Хуббитдинова Н. А.* Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.
Бакирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.
Ул. Октябрьской Революции, 3а, Уфа, 450077.
E-mail: narkas08@mail.ru
- Шарафитдинова Л. И.* Младший научный сотрудник.
Бакирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.
Ул. Октябрьской Революции, 3а, Уфа, 450077.
E-mail: sharafitdinova97@mail.ru
- Шкураток Ю. А.* Кандидат филологических наук, доцент.
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Ул. Букирева, 15, Пермь, 614068.
E-mail: shkuratok@mail.ru

AUTHORS

- Belova D. D.* Technician.
Research Computer Center of Lomonosov Moscow State University.
Leninskie Gory, 1, p. 4, Moscow, Russia, 119234.
Junior researcher.
Institute of Linguistics of the RAS.
Bolshoy Kislovsky lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: dd.belova@yandex.ru
- Bogaichuk E. A.* 1st year Master's Student.
Altai State University.
Lenina av., 61, Barnaul, Russia, 656049.
E-mail: helenn.00@mail.ru
- Bychkov D. A.* Junior Research Assistant.
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS.
Acad. Lavrentiev av., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: bda.nsk@yandex.ru
- Gotovtseva L. M.* Ph.D. in Philology, Senior Researcher Lexicology of Yakut Language Department.
Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems
of the Siberian Branch of the RAS.
Petrovsky str., 1, Yakutsk, Russia, 677027.
E-mail: Lingot@rambler.ru
- Idimeshev A. A.* Senior Lecturer.
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: asap.i@mail.ru
- Khubbitdinova N. A.* Doctor of Philology, Chief Research Associate.
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.
Oktyabrskoy Revolyutsii str., 3a, Ufa, Russia, 450077.
E-mail: narkas08@mail.ru
- Kim-Maloney A. A.* Doctor of Philology, Professor of English Philology and Intercultural Communication Department.
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: kim@tspu.edu.ru
- Kim A. A.* PhD, Associate Professor of English Philology and Intercultural Communication Department.
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: kima@inbox.ru
- Matveeva E. M.* Candidate of Philology.
Assistant Professor of the Department of Theory,
History of Literature and Methods of Teaching Literature.
Perm State Humanitarian-Pedagogical University.
Sibirskaya str., 24, Perm, Russia, 614990.
E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com
- Nikolaeva T. N.* Ph.D. in Philology, Associate Professor of German Department.
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.
Belinsky str., 58, Yakutsk, Russia, 677000.
E-mail: tnikolaeva184@mail.ru
- Orlov V. A.* Junior researcher.
Institute of Linguistics of the RAS.
Bolshoj Kislovskij lane, 1, build. 1, Moscow, Russia, 125009.
Email: vladorlov@iling-ran.ru
- Prokopieva A. K.* Candidate of Philological Sciences, Docent.
M. K. Ammosov Northeastern Federal University.
Kulakovskogo str., 42, Yakutsk, Russia, 677000.
E-mail: alonachoo@mail.ru

- Prokopieva S. M.* Doctor of Philological Sciences, Professor.
M. K. Ammosov Northeastern Federal University.
Kulakovskogo str., 42, Yakutsk, Russia, 677000.
E-mail: dsmplana@mail.ru
- Sharafitdinova L. I.* Junior researchers.
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.
Oktyabrskoy Revolyutsii str., 3a, Ufa, Russia, 450077.
E-mail: sharafitdinova97@mail.ru
- Shkuratok Yu. A.* Candidate of Philology. Assistant Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics.
Perm State University.
Bukireva str., 15, Perm, Russia, 614990.
E-mail: shkuratok@mail.ru
- Stepanova O. B.* Ph.D. in History, Senior Researcher.
Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera) RAS.
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: stepanova67@mail.ru
- Vlasova V. V.* Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher.
Institute of language, literature and history,
Federal Research Centre Komi Science Centre of Ural Branch RAS.
Kommunisticheskaja str., 26, Syktyvkar, Russia, 167982.
E-mail: vv505@hotmail.com

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru

Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (**docx/doc и pdf**).

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на русском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле:

- (на английском языке)
- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на русском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке – **источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла. Для статей на английском языке:

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на английском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);

- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке (**источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**);
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле (на русском языке):

- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на английском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Текст статьи объемом не менее 12 и не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон. Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи в алфавитном порядке (**источники на русском языке представляются в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Hajdu, 1970: 136).

ISSN 2307-6119

9 772307 611005

Издательство *ТГПУ*